

LEFT ОСТАТОК BEHIND®

НА ПОРОГЕ
АРМАГЕДДОНА

50 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ОСТАТОК

НА ПОРОГЕ

АРМАГЕДДОНА

КЖ КНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Л29 Остаток: Роман / Пер. с англ. Н. Некрасовой. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 464 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0478-0

В десятом романе серии «Left Behind®» — «Остаток» — люди, бежавшие из Иерусалима, собираются в древнем городе Петра, надеясь укрыться от гнева Антихриста. Однако Николае Карпати твердо намерен истребить Остаток народа Божьего, для чего приказывает начать атаку на последнее убежище верующих. Согласно пророчеству период его правления заканчивается, и события саги стремительно приближаются к главному сражению Апокалипсиса.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #10: Остаток, Russian
Copyright © 2002 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2012 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

Left Behind® is a registered trademark of Tyndale House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0478-0

© Книжный Клуб Книговек, 2012

Памяти доктора Гарри А. Айронсайда

*Особые благодарности
Дэвиду Аллену
за квалифицированную
техническую консультацию*

СОРОК ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ВРЕМЕНИ СКОРБИ ЗА МЕСЯЦ ДО НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ СКОРБИ

Верующие:

Рэйфорг Стил, примерно сорок пять лет, летчик, бывший капитан «Боинга-747» компании «Пан-Континентал». Потерял жену и сына во время Вознесений. Бывший пилот потентата Мирового Сообщества Николае Карпати, один из первых членов отряда Скорби. Находится в международном розыске, скрывается в Петре, выдает себя за египтянина.

Кэмерон (Бизон) Уильямс, тридцати с небольшим лет, бывший старший репортер «Глобал уикли», бывший редактор «Глобал коммьюнити уикли», издания Карпати. Один из первых членов отряда Скорби, издатель интернет-журнала «Истина», его оперативный псевдоним — служащий МС

Джек Дженсен — раскрыт. Скрывается в небоскребе Стронга в Чикаго.

Хлоя Стил Уильямс, двадцати с небольшим лет, бывшая студентка Стэнфордского университета. Потеряла мать и брата во время Вознесений. Дочь Рэйфорда, жена Бизона, мать Кенни Брюса, пятнадцати месяцев от роду. Заведует управлением делами Международного общества взаимопомощи, подпольной сети верных. Один из первых членов отряда Скорби. Работает под оперативным псевдонимом старшего офицера миротворческих сил МС.

Цион Бен-Иегуда, около пятидесяти лет, бывший ученый теолог-иудайт и израильский политический деятель. Открыто выступил по телевидению с заявлением, что считает Иисуса Мессией. Его жена и двое детей-подростков были после этого убиты. Бежал в США. Духовный лидер и наставник отряда Скорби. Его интернет-аудитория составляет более миллиарда человек в день. Находится с визитом в Петре у уцелевших евреев.

Доктор Хаим Розенцвейг, около семидесяти лет. Израильский ботаник и политический деятель, лауреат Нобелевской премии. Бывший «Персона года» по версии журнала «Глобал уикли». Убийца Карпати. Скрывается под псевдонимом Михей, предводитель уцелевших евреев в Петре.

Лия Роуз, около сорока лет, бывшая старшая сиделка Мемориального госпиталя Артура Янга, Палатин, Иллинойс. Скрывается в небоскребе Стронга в Чикаго.

Аль Б. (Альби), около пятидесяти лет, уроженец Аль-Басры к северу от Кувейта, пилот, бывший международный контрабандист. Оперативный псевдоним — ИО командующего МС Маркус Эльбаз — раскрыт, скрывается в небоскребе Стронга в Чикаго.

Мак МакКаллам, сильно за пятьдесят. Пилот Карпати. Считается погибшим в авиакатастрофе. Находится на задании в Греции, действует под именем старшего офицера МС.

Абдулла Смит, тридцать с небольшим лет, бывший иорданский летчик-истребитель, второй пилот «Феникса-216». Считается погибшим в авиакатастрофе, находится на задании в Петре, выдает себя за египтянина.

Ханна Пэйлмун, около тридцати лет, медсестра МС, считается погибшей в авиакатастрофе. Находится на задании в Греции, скрывается под именем служащей МС в Нью-Дели.

Минь Той, двадцати с небольшим лет, вдова. Бывшая охранница бельгийского женского реабилитационного центра. В самовольной отлучке из сил МС, скрывается в небоскребе Стронга в Чикаго.

Чань Вонг, семнадцать лет. Брат Минь Той, агент отряда Скорби в штаб-квартире Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Густав Цукермандель-младший (Зик или просто Зи), двадцать с небольшим лет, специалист по подделке документов. Его отец гильотинирован. Сам Зи скрывается в небоскребе Стронга, Чикаго.

Энох Думас, около тридцати лет, латиноамериканец, пастор тридцати одного прихожанина «Плейс министри»¹ в Чикаго. Недавно перебрался в небоскреб Стронга в Чикаго.

Стив Планк (Пинкертон Стивенс), около пятидесяти, бывший издатель «Глобал уикли», бывший директор департамента по связям с общественностью Карпати. Считается погибшим во время землетрясения — гнева Агнца. Действует под прикрытием среди миротворцев МС в Колорадо.

Георгиана Ставрос, шестнадцать лет. Сбежала из центра внедрения лояльности в Птолемаиде, в Греции, при помощи Бизона и Альби. Схвачена силами МС. Где она находится и что с ней — неизвестно.

Джордж Себастиан, примерно двадцать пять лет. Бывший пилот военного вертолета

¹ «Плейс министри» — программа, направленная на то, чтобы помочь членам церкви понять свои взаимоотношения с Богом и научиться использовать свой духовный дар для помощи остальным. Начата в 1997 году.

на базе ВВС США в Сан-Диего. Схвачен силами МС, будучи на задании отряда Скорби. Содержится к северо-западу от Птолемаиды, Греция.

Враги:

Николае Джетти Карпати, примерно тридцать пять лет. Бывший президент Румынии, бывший Генеральный секретарь ООН, самоназначенный потентат Мирового Сообщества. Убит в Иерусалиме, воскрес в дворцовом комплексе МС в Новом Вавилоне.

Леон Фортунато, пятьдесят с небольшим. Бывший верховный командующий и правая рука Карпати. Ныне — достопочтеннейший отец карпатианства, провозгласивший потентата богом воскресшим. Находится во дворце МС, Новый Вавилон.

Вив Айвинз, около шестидесяти пяти лет, друг Карпати с самого рождения, агент МС. Находится во дворце МС в Новом Вавилоне.

Сухайль Акбар, сорок с небольшим лет, начальник отдела разведки и безопасности Карпати. Находится во дворце МС, Новый Вавилон.

ПРОЛОГ

Если бы Рэйфорд не был так ошеломлен, его, может, и позабавил бы тот факт, что Цион что в небоскребе Стронга, что под иорданским солнцем выглядит одинаково. А вот Абдулла и Рэйфорд были похожи в своих хламидах на уроженцев Ближнего Востока. Цион же больше походил на помятого жизнью профессора.

— Кто ваш пилот? — спросил эмэсовский охранник.

Цион кивнул на Абдуллу, и их повели к вертолету. Как только они оказались в воздухе, Рэйфорд связался с Хлоей (она находилась в Греции).

— Ты где? — спросил он.

— Мы на дороге, пап, но тут у нас не все в порядке. Маку пришлось запускать двигатель без ключа зажигания, провода закорачивать.

— А Чань не сказал парню, чтобы тот оставил ключи?

— Сдается, что нет. А Мака ты знаешь. Он намерен выскочить и поймать какую-нибудь эмэсовскую попутку, пока мы спокойненько въедем в город, пытаясь выдать себя за представителей Нового Вавилона, которым поручено наблюдать за рейдами иегудаитов.

— Ты готова?

— Ты спрашиваешь? А чего же ты тогда не заставил меня остаться в Чикаго с семьей? И что ты тогда за отец?

Он понимал, что она шутит, но не смог рассмеяться в ответ.

— Не заставляй меня пожалеть об этом.

— Не бойся, пап. Мы не вернемся без Себастиана.

* * *

Когда Абдулла увидел вдали Петру, Хаим стоял на возвышении в окружении четверти миллиона человек, да еще другие три четверти столпились снаружи. Они махали вертолету. Для посадки был подготовлен большой ровный участок. Когда вертолет начал снижаться, люди стали прикрывать лица и рты от поднявшейся пыли. Когда двигатель замолк и пыль осела, толпа разразилась аплодисментами, и под рев приветствий Цион вышел и застенчиво помахал рукой.

— Доктор Цион Бен-Иегуда, наш учитель, наставник и человек Божий! — провозгласил Хаим.

Рэйфорд и Абдулла незаметно спустились и сели на скалистый выступ поблизости. Цион успокоил толпу и начал:

— Возлюбленные мои братья и сестры во Христе, который есть Мессия, Спаситель и Господь наш! Позвольте мне прежде всего выполнить мое обещание друзьям и развеять здесь по ветру прах мученицы, погибшей за веру.

Он достал из кармана маленькую урну и снял крышку, пустив содержимое по ветру.

— Она победила его кровью Агнца и своим свидетельством, ибо не дорожила своей жизнью, а пожертвовала ею.

Абдулла ткнул Рэйфорда локтем и поднял взгляд. Вдалеке послышался гул двух бомбардировщиков. Через пару секунд люди тоже их заметили, и толпа зашепталась.

* * *

Новый Вавилон. Чань сидел, сторбившись, над своим компьютером, глядя прямую передачу из кабины одного из бомбардировщиков. Одновременно Чань слушал, что происходило в кабинете Карпати при помощи установленного там «жучка». Было件нятно, что Леон, Вив, Сухайль и секретарша Карпати собрались вокруг монитора в кабинете потентата.

— Цель захвачена, готов, — сказал один пилот. Второй продублировал.

— Есть! — пронзительно закричал Николае. — Есть!

* * *

Цион воздел руки.

— Не страшитесь, возлюбленные, ибо Господь Авраама, Исаака и Иакова верно обещал нам, что мы будем приведены в убежище, в которое не проникнет ни враг, ни его сын! — Ему пришлось переждать, пока самолеты пройдут над ним и исчезнут вдалеке.

* * *

— Да! — вопил Николае. — Пройдите над ними, затем возвращайтесь и сбрасывайте бомбы!

* * *

Когда боевые самолеты вернулись, Цион сказал:

— Падите вместе со мной на колени, опустите головы и откройте свои сердца Богу, уверуйте в Его обещание, что царство, и власть, и

величие царства будут дарованы народу святых Всевышнего, царствие которого превышает всех царств и коему не будет конца.

Рэйфорд опустился на колени вместе со всеми, но не сводил взгляда с бомбардировщиков. Когда они снова появились в пределах слышимости, они одновременно сбросили свой груз на возвышенность, в центр миллионной коленопреклоненной толпы.

* * *

— Даааа! — проревел Карпати. — Да! Да! Да! Да!

* * *

«Итак, веселитесь небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море, ибо к ним сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени».

Откровение 12:12

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рэйфорд Стил часто смотрел в глаза смерти, так что на своей шкуре испытал верность общепринятого убеждения, что перед твоими глазами в мгновение проносится не только вся твоя жизнь, но и все чувства обостряются до предела. Неуклюже пав на колени на красные камни Петры посреди древнего царства Эдом, он ощущал все вокруг, он помнил все, он думал обо всем и обо всех одновременно.

Несмотря на рев моторов бомбардировщиков МС — он никогда не видел таких огромных и даже не слышал о таких, — он слышал стук собственного сердца и собственное тяжелое дыхание. Непривычный к египетским хламиде и сандалиям, он переминался на израненных коленях. Рэйфорд не мог оторвать взгляда от неба, где, приближаясь, на глазах увеличивались в размерах две ракеты.

Рядом с ним лежал ничком его друг и товарищ Абдулла Смит, прикрывая голову руками. Для Рэйфорда он сейчас символизировал все, за что он отвечал, — отряд Скорби, рассеянный по всему миру. Кто-то сейчас был в Чикаго, кто-то в Греции, кто-то вместе с ним в Петре. Один был в Новом Вавилоне. Когда иорданец застонал и повалился на него, Рэйфорд ощутил, что Абдулла бьет дрожь.

Рэйфорд тоже был испуган до смерти и не стал бы этого отрицать. И где была его вера, которая должна была возникнуть в нем после того, как Бог столько раз спасал его? Нет, он не усомнился в Боге. Но что-то в глубине души — его инстинкт выживания, наверное, — говорил ему, что сейчас он умрет.

Для большинства людей все сомнения давно уже исчезли... Если кто-то к настоящему моменту не стал последователем Христа, то, значит, решил выступить против Бога.

Рэйфорд не боялся самой смерти или того, что будет после. Господь обещал Царствие Небесное народу Своему, но куда убедительнее было то, как Он теперь чуть ли не ежедневно чудесным образом проявлял Себя. Рэйфорд страшился не умирания. Господь защищал его до сих пор и обещал вечную жизнь после смерти, но Он не избавил Рэйфорда от физических страданий и боли. Каково же это — погибнуть от ракеты?

Наверняка это будет быстро. Рэйфорд достаточно знал о Николае Карпати, чтобы понять — этот человек не будет больше действовать втихую. Если одна бомба легко уни-

чтожит миллион людей, которые все — кроме Рэйфорда, видимо, — лежали, свернувшись насколько возможно, две бомбы просто превратят их в пар. Он успеет услышать взрыв? Почувствовать жар? Ощутить, как его тело распадается на атомы?

Что бы там ни случилось, Карпати обратит это в свой политический капитал. Он, конечно, не покажет по телевизору миллион безоружных людей, в спину которым целились ракеты МС. Но он покажет удар, взрывы, пламя, дым, разрушения. Он проиллюстрирует бессмысленность выступления против нового порядка.

Разум Рэйфорда спорил с его инстинктами. Доктор Бен-Иегуда верил, что они в безопасности, что они находятся в граде хранителем, обещанном Господом. И все же несколько дней назад здесь погиб близкий Рэйфорду человек. С другой стороны, наземная атака Мирового Сообщества чудесным образом была сорвана в последнее мгновение. Почему Рэйфорд не мог зацепиться за этот факт и успокоиться, поверить?

Да потому, что он разбирался в ракетах с боеголовками. Сейчас над каждой из них раскрылся парашют, затормаживая их движение и направляя их прямо в людскую массу. У Рэйфорда сжалось сердце, когда он увидел черную антенну на носу у каждой боеголовки. МС не полагалось на удачу. Как только этот четырехфутовый дистанционный зонд коснется земли, он сдетонирует, и заряд взорвется над землей.

* * *

Хлоя Уильямс оценила водительское искусство Ханны. Незнакомая машина, незнакомая страна — и все же урожденная американка, которая неестественным образом превратилась в индианку из Нью-Дели, управлялась с незаконно приобретенным эмэсовским джипом как с родным. Она была спокойнее и увереннее, чем МакКаллам, но тот, в отличие от нее, весь путь через Грецию разговаривал.

— Я понимаю, что для вас, девочки, это совсем ново, — говорил он, заставив Хлою перехватить взгляд Ханны и подмигнуть.

Если кому и было дозволено безнаказанно проявлять несознательный шовинизм, так это закаленному пилоту и бывшему военному, который бессознательно-снисходительно называл всех женщин отряда Скорби «девушками».

— Я намерен добраться до аэропорта, — говорил он, — который вон в той стороне, а вам всем надо попасть в Птолемаиду и найти людей из взаимопомощи. — Он затормозил и выскочил на дорогу. — Кто из вас двоих поведет?

Ханна выбралась с заднего сиденья и села за руль. Ее накрахмаленная белая униформа офицера МС все еще была свежа, как с иголки.

Мак покачал головой.

— Вы похожи на парочку девочек из женской вспомогательной службы, хотя так их

уже не называют. — Он окинул взглядом дорогу, и Хлоя невольно сделала то же самое. Был полдень, солнце стояло в зените и сильно припекало, на небе — ни облачка. Хлоя не видела и не слышала никаких других машин.

— За меня не беспокойтесь, — добавил Мак. — Кто-нибудь проедет мимо, и я поймаю попутку.

Он взял с заднего сиденья холщовую сумку и закинул ее на плечо. Еще у него был чемоданчик. Густав Цукермандель-младший, которого они все знали как Зика или Зи, продумал все до мелочей. Этот неуклюжий молодой человек из Чикаго был лучшим изготовителем поддельных документов и мастером маскировки в мире, и Хлоя решила, что они трое — самое красноречивое подтверждение его мастерства. Так странно было видеть Мака без веснушек и рыжих волос. Сейчас его лицо было смуглым, волосы — темными, на носу были очки, в которых он не нуждался. Она надеялась, что и ее отец, и другие, которые были сейчас в Петре, замаскированы столь же эффективно.

Мак поставил сумку и, опершись на машину со стороны водительского места, ближе наклонился к Ханне:

— Малышки, вы все запомнили? — Ханна глянула на Хлою, едва сдерживая улыбку. Сколько раз он задавали им этот вопрос во время полета из Штатов и позже, уже когда они ехали? Обе кивнули. — Дайте мне еще раз посмотреть на ваши именные жетоны.

Жетон Ханны был прямо у него перед глазами.

— Индира Джинна из Нью-Дели, — прочел Мак. Хлоя наклонилась к нему, чтобы он мог увидеть ее жетон. — И Хлоя Айрин из Монреаля. — Он прикрыл свой жетон. — И вы из чьей епархии?

— Старшего командующего Хоуи Джонсона из Уинстон-Салема, — произнесла Хлоя. Сколько раз они это повторяли! — Вы теперь высокопоставленный офицер МС из Греции, и если у кого есть сомнения, пусть свяжутся с дворцом.

— Ладно, — сказал Мак. — Пистолеты при вас? Эти «хроносы», или, по меньшей мере, его родственнички, обладают большей убойной силой.

Хлоя понимала, что им нужна большая огневая мощь, особенно с учетом того, что они не знали, с чем столкнутся. Но ей было более чем достаточно перед отъездом из Чикаго ознакомиться с «люгером» или «узи» — они знали, что греческое подполье может предоставить это оружие.

— Я по-прежнему утверждаю, что ребята из взаимопомощи просто онемеют, увидев нашу униформу, — заверила Ханна.

— А вы покажите им свои печати, лапочки, — сказал Мак.

Радио под приборной доской затрещало.

— Всем миротворческим силам Мирового Сообщества. Оповещаем: отдел безопасности и разведки осуществил воздушный налет на несколько миллионов вооруженных террористов в горном анклавe, обнаруженном наземными силами примерно в пятиде-

сяти милях к юго-востоку от Мизпе-Рамон в пустыне Негев. Эти мятежники уничтожили множество миротворцев МС, в их распоряжении находится огромное количество танков и бронемашин.

Директор департамента безопасности и разведки Сухайль Акбар заявил, что по скоплению мятежников выпущены одновременно две ракеты, за ними последует ракета из аэропорта Воскрешения в Аммане. Мы ожидаем полного уничтожения штаб-квартиры мятежников и всей их живой силы. Хотя очаги сопротивления еще останутся по всему миру, директор Акбар уверен, что наш налет уничтожит девяносто процентов приверженцев предателей-иегудаитов, включая самого Циона Бен-Иегуду и его правительство.

Хлоя прикрыла было ладонью рот, но Ханна перехватила ее руку.

— Молитесь, девочки, — произнес Мак. — Мы ведь практически знали, что такое случится. Либо мы имеем веру, либо нет.

— Отсюда-то легко говорить, — сказала Хлоя. — Мы можем потерять четырех человек, не говоря уже об израильтянах, которых мы обещали защитить.

— Мне вовсе не легко об этом говорить, Хлоя. Но у нас есть дело, и мы не в большей безопасности, чем те, в горах. Так что не твоя голова, слышишь? Слушай меня — мы не знаем, что случится в Петре, пока не увидим все это собственными глазами или не услышим от наших людей. Ты ведь уже понимаешь, что МС врут своим собственным

людям! Мы точно знаем, что в Петре только миллион...

— *Только?*

— Ну, в смысле они сказали — несколько миллионов. Да еще вооруженные! Ну, прямо сейчас! И разве мы уничтожили хоть одного миротворца — в смысле, убили? А уж насчет танков...

— Да я знаю, Мак, — сказала Хлоя. — Я просто...

— Привыкайте называть меня по моему новому имени, мисс Айрин. И помните все, что мы проговаривали в Чикаго. Возможно, вам придется сражаться, защищаться, даже убить кого-нибудь.

— Я готова, — заявила Ханна, заставив Мака недоверчиво склонить голову. Хлоя тоже была удивлена. Она знала, что Ханну их поручение воодушевляло, но она и не думала, что Ханна готова убивать. — Все, в белых перчатках работать не получится, — сказала Ханна, глянув на Хлою и потом снова на Мака. — С дипломатией покончено. Убивай или будешь убит — если так, то лучше убью я.

Хлоя только головой покачала.

— Я хочу сказать, — продолжала Ханна, — что это война. Вы думаете, они не убьют Себастиана? Может, уже и убили. И я даже не рассчитываю найти в живых ту девочку Ставрос.

— Тогда почему мы здесь? — спросила Хлоя.

— На всякий случай, — ответила Ханна с индийским акцентом, которому научил ее в Чикаго Абдулла.

— Верно, именно на всякий случай, — подтвердил Мак, снова забрасывая сумку на плечо. — Телефоны наши защищены от прослушки. Подзаряжайте днем солнечные батареи...

— Да ладно, Мак, — сказала Хлоя. — Ты хоть немножечко нам доверяй, хорошо?

— О, я доверяю, — заверил их Мак. — Я вам более чем доверяю. Честно говоря, вы просто поражаете меня. Вы прибыли сюда ради человека, которого в жизни не видели — ну, как минимум ты, Хлоя. А ты, Ханна, то есть Индира, я не думаю, чтобы ты настолько хорошо знаешь Джорджа, чтобы... э... лично так болеть за него.

Ханна покачала головой.

— Но что есть, то есть, так? — продолжил Мак. — Этот человек работал на нас, и он в опасности — и это в самом лучшем случае. Не знаю, как вы, а я отсюда без него не уеду.

Мак повернулся и посмотрел на горизонт, заставив Хлою и Ханну последовать за ним взглядом. Какая-то черная точка приближалась к ним, увеличиваясь в размерах.

— Я пошел, — сказал он. — Держите связь.

* * *

Первое, что подумал Рэйфорд, — я попал в ад. Неужели он ошибался? Неужели все было напрасно? Неужели он погиб и, несмотря ни на что, не попал на небеса?

Он не расслышал отдельных взрывов. Взрыв был настолько оглушительным и

ослепительным, что он невольно зажмурился, насколько позволяли лицевые мышцы. И все равно вспышка словно бы заполнила всю его черепную коробку. Свечение словно бы наполнило его и потом вырвалось из него наружу, и он скорчился от звука и жара, последовавших за вспышкой. Он был уверен, что сейчас его швырнет на остальных — и конец.

Грохот, ударная волна — но Рэйфорд почему-то не упал, не услышал грохота рушащихся гор, катящихся камней. Он инстинктивно вытянул руки, чтобы сохранить равновесие, но это оказалось ненужным. Он услышал десятки тысяч стонов, криков и воплей, но сам не мог издать ни звука — горло перехватило. Даже сквозь закрытые веки он видел, как белизну сменило оранжевое, алое и черное. А потом — о, потом последовал запах горящего металла, нефти и камня! Рэйфорд заставил себя открыть глаза, и когда оглушительный грохот прокатился по Петре, он вдруг понял, что горит. Он прикрыл лицо рукавом, на мгновение ощутив испепеляющий жар. Он понял, что сейчас в считанные секунды его одежда, тело, а потом кости — все исчезнет.

Он не мог далеко видеть сквозь бушующий огненный шторм, но все павшие ниц паломники вокруг него тоже горели. Абдулла упал на бок и лежал, свернувшись, как эмбрион, закрывая лицо руками. Белое, оранжевое, алое, черное пламя охватили его, словно он был живым фитилем адской свечи.

Но один за другим люди вокруг Рэйфорда стали подниматься и воздевать руки. Их капюшоны, волосы, бороды, лица, руки, одеяния — все полыхало, словно огонь вырывался у них из-под ног. Рэйфорд поднял взгляд — но не увидел безоблачного неба. Даже солнце утонуло в море бушующего пламени, скрывшись за двумя грибами взрыва. Горы, город, все вокруг было в огне, струи дыма и языки пламени поднимались в воздух на тысячи футов.

«Каково будет это зрелище для мира?» — подумал Рэйфорд, вдруг осознав, что тысячи израильтян ошеломлены не менее его. Они шатались, ошарашенно смотрели друг на друга, воздевали руки, улыбались, обнимались! Это какой-то морок, что ли, был? Как могло случиться, что убийственная сила новейшей технологии массового уничтожения обрушилась на них и они все равно стоят, смотрят друг на друга с потрясенным видом, жмурятся — и все еще слышат?

Рэйфорд поднял руку к лицу и несколько раз сжал кулак, поражаясь шипящим язычкам пламени, исходящим от каждой клеточки тела. Абдулла с трудом поднялся на ноги и описал круг, словно пьяный, воздевая руки, как все остальные, и глядя в небо.

Он повернулся к Рэйфорду, и они обнялись, пламя, исходящее от их тел, смешалось и слилось. Абдулла подался назад, чтобы посмотреть Рэйфорду в лицо.

— Мы в печи огненной! — воскликнул иорданец.

— Аминь! — воскликнул в ответ Рэйфорд. — Мы — миллион Седрахов, Мисахов и Авденаго!¹

* * *

Чань Вонг вместе с остальными техниками департамента по приказу их начальника Аурелио Фигейроа стоял перед огромным телемонитором. На экране шел прямой репортаж из кабины одного из бомбардировщиков, делавшего круг над Петрой. Репортаж транслировался по всему миру по сети Мирового Сообщества. Потом Чань решил прослушать записи с «жучка» в кабинете Карпати, чтобы отследить реакцию Николае, его новой секретарши Кристелл, Леона, Сухайля и Вив Айвинз.

— Миссия выполнена, — отчитался пилот, сканируя цель и показывая квадратные мили площади, охваченные огнем. — Предлагаю отмену запуска очередной ракеты. Нет необходимости.

Чань так стиснул зубы, что челюсти свело. Как в таком аду может выжить хоть кто-нибудь? Пламя бушевало, густой черный дым поднимался так высоко, что пилоту приходилось уклоняться от него, чтобы ясно передавать картинку.

¹ Отроки, не повиновавшиеся Навуходоносору и не поклонявшиеся его богам. Были брошены по его приказу в огненную печь, но остались живыми (*Кн. пророка Даниила*).

— Предложение отклонено, — слышался ответ командования МС. — Амман, начать последовательность запуска.

— Да мы тут уже сто раз все уничтожили, — пробормотал под нос пилот. — Но вы платите, вы и музыку заказываете. Возвращаюсь на базу.

— Повторите? — похоже, спрашивал сам Акбар.

— Вас понял. Возвращаюсь на базу.

— Возвращение отменяю. Оставайтесь на месте для передачи визуальных данных.

— Несмотря на приближающуюся ракету, сэр?

— Держитесь на достаточном расстоянии. Ракета найдет свою цель.

Второй самолет ушел, освободив место. Он вернется в Новый Вавилон в то время, как первый, продолжая камерой сканировать пылающую в свете полудня Петру, делал круги над вырезанным в красной скале городом.

Чаню хотелось сейчас очутиться в своей комнате и связаться с Чикаго. Как мог доктор Бен-Иегуда так ошибиться насчет Петры? Что теперь будет с отрядом Скорби? Кто созовет оставшихся еще в этом мире верующих? И куда бежать Чаню, когда пробьет час?

* * *

В Чикаго было четыре утра. Бизон сидел перед телевизором. К нему присоединились Лия и Альби, Зик пошел за Энохом.

— Где Минь? — спросил Бизон.

— Сидит с ребенком, — ответила Лия.

— И что ты об этом скажешь? — сказал Альби, глядя в экран.

Бизон покачал головой.

— Я просто хотел бы оказаться там.

— И я, — сказал Альби. — Я чувствую себя трусом и предателем.

— Мы что-то упустили, — произнес Бизон. — Мы все что-то упустили. — Он все пытался дозвониться до Хлои. Он едва мог себе представить, что она сейчас переживает. Но ответа не было.

— Ты веришь этому типу? — поинтересовалась Лия. — Ему мало уничтожить миллион людей и разрушить один из прекраснейших городов в мире. Он еще и ракету туда...

Голос ее звучал глухо и сдавленно. Почему нет? Она наверняка думала о том же, что и он: они не только потеряли своего лидера и стали свидетелями гибели миллиона людей — весь их мир был уничтожен.

— Ты не приведешь Минь? — попросил он. — Скажи, пусть оставил Кенни, он же спит.

Лия выскочила из комнаты как раз в тот момент, когда туда вошли Зик и Энох.

Зик шлепнулся на пол, но Энох стоял, беспокойно переминаясь с ноги на ногу.

— Я не могу долго оставаться здесь, Бизон, — сказал он. — Моя паства в шоке.

Бизон кивнул.

— Давай соберемся на рассвете.

— И?.. — сказал Энох.

— Не знаю. Будем молиться.

— Мы уже молились, — сказал Альби. —
Пора произвести перезагрузку.

* * *

Рэйфорд не мог удержаться от смеха. Из глаз его катились слезы, грудь распирало от хохота, а вокруг орали, пели и плясали люди Петры. Они спонтанно образовывали большие хороводы, кладя руки друг другу на плечи, и вместе танцевали. Абдулла стоял возле Рэйфорда, то смеясь, то крича во все горло:

— Славьте Господа!

Они оставались посреди пламени такого мощного и высокого, что могли видеть только огонь да друг друга. Ни неба, ни солнца, ничего вдалеке. Они знали только то, что горят в самом жестоком пламени в истории человечества, оставаясь при этом в целостности и сохранности.

— Мы когда-нибудь проснемся, капитан? — орал Абдулла, задыхаясь от хохота. —
Никогда такого чудного сна не видел!

— Да мы и не спим, дружище, — крикнул ему в ответ Рэйфорд, хотя ухо Абдуллы было всего в паре дюймов от его лица. — Я уже ущипнул себя!

От этого Абдулла расхохотался еще сильнее, и когда их хоровод закружился и стал шире, Рэйфорд подумал: а что будет, когда пламя погаснет и мир увидит, что Бог снова одолел врага?

Прямо напротив них в хороводе шла пожилая пара. Они улыбались друг другу полными восторга улыбками.

— Я вся горю! — воскликнула женщина.

— И я тоже! — ответил мужчина и, желая показать, что огонь охватывает его ноги, неуклюже запрыгал, чуть не столкнув и ее и окружающих.

Рэйфорд посмотрел им за спину, уловив что-то странное — да разве может случиться что-то еще более странное, чем это? Тут и там, насколько хватало взгляда — а хватало его не более чем на тридцать футов, — на земле, словно кучи тряпок, лежали те, кто еще не осмелился подняться.

Рэйфорд высвободился из рук Абдуллы и еще одного молодого человека, что были в хороводе рядом с ним, и подошел к одному из тех, кто лежал на земле. Он опустился на колени и положил руку на плечо лежащего, пытаясь заставить его встать или хотя бы поднять голову. Человек отдернулся, воя, дрожа, крича:

— Господи, спаси меня!

— Да ты спасен! — крикнул Рэйфорд. — Подними голову! Посмотри! Мы горим — и нам ничего не делается! Господь с нами!

Человек помотал головой и еще глубже зарылся лицом в ладони.

— Тебе больно? — спросил Рэйфорд. — Пламя обжигает тебя?

— Господь оставил меня! — скулил тот.

— Такого не может быть! Ты в безопасности! Ты жив! Да оглянись же по сторонам!

Но тот не слушал его, и Рэйфорд увидел, что вокруг лежат и другие, скорчившись точно так же, — мужчины и женщины, несколько подростков.

— Люди! Люди! Люди! — Это был голос Циона Бен-Иегуды, и Рэйфорду показалось, что он где-то совсем рядом, но не мог его увидеть. — Еще будет время радоваться и праздновать, возносить хвалу Господу и благодарить Его, Бога Израиля! А ныне слушайте меня!

Пляски и крики прекратились, но смех не затихал. Люди по-прежнему улыбались и обнимались, даже не ища, откуда исходит голос. Казалось, им было достаточно просто слышать его. Однако к общему ликованию все еще примешивались вопли отчаяния.

— Я не знаю, — начал доктор Бен-Иегуда, — когда Господь поднимет эту завесу огня и мы снова сможем увидеть чистое небо. Я не знаю, когда мир узнает, что мы спасены, да и узнает ли вообще. А пока достаточно того, что это знаем мы!

Люди разразились радостными криками, но прежде, чем они снова начали петь и плясать, Цион продолжил речь:

— Когда злобный и его советники соберутся вместе, они увидят, что огонь не имеет власти над нашими телами. Ни один волосок у нас на голове не сгорел, наши одежды не пострадали и даже гарью от нас не пахнет. Они объяснят это в своей манере, братья мои и сестры. Возможно, они даже не дадут остальному миру об этом узнать. Но Господь явит

себя как Сам пожелает и в должное время, как всегда. И сегодня Он скажет вам слово, друзья мои. Он говорит: «Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания. Ради Себя, ради Себя Самого делаю это — ибо какое было бы нарекание на имя Мое! Славы Моей не дам никому.

Послушай Меня, Иаков и Израиль, призванный Мой: Я тот же, Я первый и Я последний. Моя рука основала землю, и Моя десница распростерла небеса; призову их, и они предстанут вместе.

Соберитесь все и слушайте: кто между ними предсказал это? Господь возлюбил его, и он исполнит волю Его над Вавилоном и явит мышцу Его над Халдеями. Я, Я сказал и призвал его; Я привел его, и путь его будет благоуспешен.

Так говорит Господь, Искупитель твой, Святый Израилев: Я Господь, Бог твой, научающий тебя полезному, ведущий тебя по тому пути, по которому должно тебе идти. О, если бы ты внимал заповедям Моим! Тогда мир твой был бы как река и правда твоя — как волны морские. Выходите из Вавилона, бегите от Халдеев, со гласом радости возвещайте и проповедуйте это, распространяйте эту весть до пределов земли; говорите: «Господь искупил раба Своего Иакова». И не жаждут они в пустынях, чрез которые Он ведет их: Он источает им воду из камня; рассекает скалу, и льются воды»¹.

¹ Книга пророка Исаии, 48 10—21

* * *

Пока отряд Скорби в Чикаго смотрел передачу, пилот бомбардировщика сообщил командованию МС, что у него есть видеозапись старта ракеты из Аммана. И в правом углу экрана возник густой белый след ракеты, идущей по направлению к Петре, обвальной огнем и дымом.

Снаряд исчез в черноте, через секунду последовал еще один взрыв, и пламя, охватившее горный район, взметнулось еще выше. Сразу же в небо ударил чудовищный гейзер, разбрасывая воду на милю в округе.

— Я... — начал пилот, — я вижу... я не понимаю, что я вижу. Вода. Да, вода. Брызги воды. Она... да, она как-то влияет на огонь и дым. Теперь видно лучше, вода все еще бьет и орошает округу. Похоже, ракета угодила в какой-то водный источник, который... это безумие, командир. Я вижу... я вижу... пламя угасает, дым развеивается. Эти люди внизу, они живы!

Бизон вскочил с кресла и упал на колени перед экраном. Его друзья разразились радостными воплями. Прямой репортаж прекратился, новостной канал МС приносил извинения за технические неполадки.

— Вы видели? — орал Бизон. — Они живы! Они живы!

* * *

У Чаня глаза полезли на лоб, когда его сотрудники, ругаясь, стали показывать на экран. А стоило трансляции прерваться, все просто взвыли.

— Не может быть! Не может быть такого! Да просто не может быть! Сколько там все горело? Две бомбы и ракета? Да не может быть!

Чань бросился к компьютеру, чтобы удостовериться, что тот все еще ведет запись из кабинета Карпати. Ему не терпелось услышать перебранку между Акбаром и пилотом.

* * *

Рэйфорд вернулся к Абдулле, и теперь они оба стояли, слушая Циона, как вдруг земля раскололась с оглушительным треском и в небо ударил фонтан воды по меньшей мере десяти футов в диаметре. Он взметнулся так высоко, что вода начала падать на землю лишь спустя минуту.

Пламя стремительно гасло, дым развеивался, и вода так славно освежала! Рэйфорд увидел, что и прочие поступают так же, как он. Они простирали руки и поднимали лица к небесам, подставляя их под капли воды. Вскоре Рэйфорд понял, что находится всего в сотне ярдов от Циона и Хаима, стоявших

на краю гигантской пропасти, из которой бил фонтан.

Цион снова попытался привлечь внимание людей, но все было бесполезно. Все бежали, обнимались, пели, пожимали друг другу руки, смеялись, и вскоре уже тысячи тысяч возносили хвалу Господу.

И все же тут и там Рэйфорд видел скорбящих и плачущих. Неужели они все еще были неверующими? Но как они тогда уцелели? Или Господь защитил их вопреки всему, просто потому, что они оказались здесь? Рэйфорд не понимал. Наверное, важно понять, кого Господь защитил, а кого нет и почему. И скажет ли Цион что-нибудь по этому поводу?

Спустя несколько минут Хаим и Цион сумели призвать людей к порядку. Каким-то чудесным образом Циона слышали все собравшиеся без всяких мегафонов. Голос его перекрывал грохот бьющей в небо воды.

— Я решил остаться здесь по крайней мере на несколько дней, — сказал Цион. — Чтобы молиться вместе с вами. Чтобы учить вас. О, смотрите, вода уходит!

Шум начал стихать, и фонтан бьющей воды начала постепенно снижаться, теперь он был не более трехсот ярдов в высоту. Вскоре он уменьшился до ста, потом до пятидесяти. Потом десяти. Наконец, источник превратился в небольшое озерцо, порожденное первоначальным взрывом. В самом центре озеро бурлило, словно кипело, однако вода была холодной, освежающей. Чудесный источник влаги для всех.

— Многие из вас плачут, охваченные стыдом, — сказал Цион. — И это правильно. В течение нескольких последующих дней я буду совершать службы и для вас. Ибо хотя вы не приняли клеймо врага, вы также не стали еще на сторону Бога Истинного. Он простер Свою милость над вами и защитил вас, дав вам еще один шанс примкнуть к Его пастве.

Многие из вас сделают свой выбор сегодня же, еще до того, как я начну открывать перед вами неисчислимые богатства Мессии, Его любовь и всепрощение. Но многие из вас останутся во грехе, ожесточат свое сердце так, что не смогут изменить свой разум. Но вы все равно никогда не забудете этот день. Этот день, этот час, это чудо, это неопровержимое свидетельство того, что Бог Авраама, Исаака и Иакова держит все в Своих руках. Вы можете избрать собственный путь, но вы не посмеете оспаривать того, что вера есть мировая победа.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бизон пытался из Чикаго дозвониться сначала до Хлои, затем до Рэйфорда, затем до Чаня. Все напрасно. Он отшвырнул в сторону телефон, но сесть уже не мог.

— Где Минь? — спросил он. — Она в курсе?

— Она ушла, — ответила Лия.

— Скажи, пусть люди Эноха спят спокойно, а она пусть поднимется.

— Мои теперь спать не смогут, — сказал Энох.

— Она не внизу, — ответила Лия. — Она записку оставила.

— Что?

— Ее брат кое-что передал ей о...

— Где Кенни?

— Он спит, Бизон. Он в порядке. Слушай, ее брат рассказал ей кое-что об их родителях, и она решила поехать к ним.

— Ох, мать вашу! — сказал Зик.

— Она что-нибудь говорила тебе, Зик? — спросил Бизон.

— Не-а, но я должен был догадаться. Я только утром с ней закончил. Прическу там сделал, все такое. А ксива — ну в первый раз такую делаю! Я ее в парня переделал! Ну, то есть не совсем, просто с виду.

Бизон понял. Минь была миниатюрной. В ней было что-то мальчишеское, но Зик еще остриг ей волосы, научил, как вести себя по-мужски, срезал ей ногти, убрал румянец. Взяв кое-что из своей «костюмерной» и перешив ее старую эмэсовскую униформу, он сделал из нее юного эмэсовского миротворца.

— Как ее зовут? — сказал Бизон.

— Как брата, — ответил Зик. — Чань. А фамилия — Чоу. Я не знал, что она смоется сразу, как я все сделаю.

— Ты не виноват. Как давно она уехала? Может, мы еще успеем ее перехватить.

— Бизон! — воскликнула Лия. — Она взрослая женщина, вдова уже. Если она решила добраться до Китая, ты ее не остановишь.

Бизон покачал головой.

— Как ты думаешь, долго мы тут будем в безопасности, если все начнем бегать по улицам когда кому вздумается? Чань уже предупреждал, наше убежище начинает вызывать подозрения. Если уж Стив Планк прослышал о нем в Колорадо, то очень скоро кто-нибудь начнет здесь вынюхивать.

— Может, она потому тебе ничего и не сказала, что знала: ты постарайся ее отговорить.

— Я мог бы попытаться ей помочь. Устроил бы ей переправу, как-то так.

— Ага, как ты пытался организовать самолет с пилотом.

Бизон понял двойной смысл насмешки Лии. Его тесть ворчал, что она может хорошо приложить, но прежде Бизон ей под руку не подворачивался.

— Это не конструктивно, Лия, — сказал он.

— Конструктивно было бы отправить с ней Альби.

— Но я же не знал, что она уезжает!

— А теперь знаешь.

— Я могу поехать, — заверил Альби, — но...

— Мы не можем без тебя, — прервал его Бизон. — Да и в любом случае твое инкогнито раскрыто, а нового прикрытия мы тебе еще не придумали.

— Я могу устроить это за двадцать четыре часа, — сказал Зик.

— Нет! Будем надеяться, что она будет держать нас в курсе. — Бизон пнул кресло. — Блин, как же она сумеет разговаривать как парень? У нее же такой тонкий голосок!

— Ну, когда она рывкала на подчиненных в тюрьме, он звучал иначе, — отозвалась Лия.

— Тогда ей придется рывкать на всех подряд всю дорогу до Китая, — сказал Бизон. — Представьте только, что будет, если ее рас-

кроют. Сразу выяснится, что она дезертировала из брюссельского центра, выйдут на ее брата — и все, ему конец. И что тогда будет с нами?

* * *

Хлоя не знала, чего ждать, но Птолемаида не была похожа на город, переживший войну. Пока у МС не доходили руки до Греции. Она входила в состав Соединенных Карпатианских Штатов, и, как думала Хлоя, это и сыграло стране на руку. Николае вряд ли понравилось бы, если бы в его собственном царстве обнаружили иегудаиты. Но сеть верующих разрослась так, что ее становилось трудно скрывать. После первой волны силовых мер, в результате чего многие умерли на гильотине, не желая принимать карпатианское клеймо верности, противостояние МС и тайных последователей Христа усилилось. Клеймение печатью верности началось с заключенных, сам процесс продвигался плохо. В стан врага просочились агенты противника. Двое юных заключенных сбежали. Когда массовые казни закончились, дела пошли наперекосяк.

Одно из самых мощных ответвлений Международного общества взаимопомощи, детища Хлои, имело в этом городе штаб-квартиру. Она стало местом тайных собраний верующих. Но внезапное нападение стоило церкви не только Лукаса Миклоса, но также одного из

самых любимых представителей старшего поколения — Кроноса, а также юного Марселя Пападопулоса. И если девушка, выдававшая себя за Георгиану Саврос, на самом деле была некоей Еленой, как слышал Стив Планк, то, значит, настоящая Георгиана была мертва.

Днем на улицах было мало прохожих, да и из тех большинство были эмэсовцами. Они вежливо салютовали своей сослуживице из Индии и ее европейской спутнице в мундирах старших офицеров и изящных белых кепи, обшитых синим шнуром. Альби научил Хлою и Ханну отдавать честь как принято у эмэсовцев. А вскоре они поняли, что у них это приветствие выходит резче и жестче, чем у большинства настоящих эмэсовцев. В настоящих сквозило безразличие. Никакого зрительного контакта, разговор друг с другом только так, чтобы никто другой не мог услышать. Серьезный вид, почти хмурый, деловой. У них есть цель, они направляются к конкретным людям, так что их поведение исключало любую возможность панибратства и случайных разговоров.

Из дворцового комплекса Мирового Сообщества в Новом Вавилоне Чань Вонг через тщательно размещенные конфиденциальные сообщения якобы от высокопоставленных придворных миротворцев передал в Грецию слухи о том, что начальство посылает туда высокопоставленного чиновника, чтобы разобратся с беспорядками на месте.

Хлоя была уверена, что эмэсовцы не раз внимательно осмотрят их с Ханной. Навер-

няка будут оценивать униформу и складывать в голове два и два. В итоге кто-нибудь решит, что они сопровождают ту самую «новую метлу», кем бы и где бы он ни был.

Ханна прекрасно имитировала военную походку, и Хлоя — не будь она настолько на пределе — восхитилась бы Индирой. Они быстро подошли к грязной витрине с наскоро заклеенным скотчем разбитым стеклом. Внутри стоял экраном к окну пыльный телевизор, и с полдесятка эмэсовцев сидели на корточках или стояли на коленях перед витриной и смотрели передачу. Один из них заметил отражение в стекле Ханна и Хлои и многозначительно кашлянул. Остальные быстро вскочили и отдали честь.

— Дайте дорогу, господа, — сказала Ханна с хорошо отработанным акцентом.

Хлое оставалось только взять себя в руки, увидев горящую Петру и то, что заставило новостной канал МС прекратить передачу. Столпившиеся перед экраном эмэсовцы сначала уставились на картинку, затем начали переглядываться.

— Это что такое было-то? — сказал один. — Они выжили?

Остальные засмеялись и стали щипать его.

— Ты спятил, парень!

— К делу, господа, — прикрикнула на них Ханна.

— Да, сэр, то есть мэм, — сказал один, и остальные рассмеялись.

— Ты не знаешь разницы между мужчиной и женщиной, сынок? — отрезала Хлоя.

— Да, мэм, — сказал тот, вытягиваясь по стойке «смирно».

— Тебе это кажется забавным?

— Нет, мэм. Простите.

— Где тут ближайший паб?

— Мэм?

— Ты оглох, сынок?

— Нет, мэм. Три квартала от центра и два туда. — Он показал.

— Ты на задании, миротворец?

— Да, мэм.

— Где ты должен сейчас быть?

— В штабе роты.

— Выполняй.

Женщины отключили телефоны, будучи солидарны с Маком в том, что не следует их использовать, пока не удастся установить контакт с подпольем или не случится чрезвычайной ситуации. Хлоя знала, что отец и муж будут пытаться дозвониться до нее после того, что она увидела по телевизору, но это может подождать.

Через несколько минут они оказались возле паба. Молодой человек, сидевший на стуле у входа — по виду Хлоя дала бы ему лет двадцать с небольшим, — посмотрел на них поверх «Глобал коммьюнити уикли». Интересно, а если бы он знал, что ее муж когда-то выпускал этот журнал, этот юноша поверил бы? Юноша осторожно сменил позу и нагнул вельветовую кепку поглубже на лоб, уперев ногу в подоконник.

— Ты заметила то же, что и я? — еле слышно проговорила Ханна.

— Да. Действуем по плану.

Женщины вели себя так, словно ничего не заметили, и вошли в паб. Жалюзи были опущены, и им понадобилось несколько минут, чтобы привыкнуть к полутьме. Здесь во- няло застарелым перегаром и сортиром.

Парочка эмэсовцев за столиком в углу тут же выскользнула из задней двери на боковую улочку. Ханна и Хлоя сделали вид, что не заметили. Хозяин с виноватым видом приветствовал их по-гречески.

— Английский? — сказала Хлоя.

Тот покачал головой.

Сидевший по соседству человек в тюрбане вдруг встал и что-то сказал Ханне на каком-то индийском диалекте. Хлою поразило, как отреагировала Ханна. Она многозначительно посмотрела ему в глаза и подмигнула, покачав головой. Это удовлетворило его, и он сел.

Хозяин показал рукой на ряд бутылок у себя за спиной. Хлоя покачала головой.

— Кока-кола? — сказала она.

— Кока-кола! — улыбнулся он и полез под стойку.

Хлоя инстинктивно прижала локтем рукоять «люгера», заметив, что и Ханна как бы невзначай положила руку на кожаную кобуру своего девятимиллиметрового «глока».

Мужчина за стойкой не сводил взгляда с них, даже роясь под стойкой. Он с улыбкой показал Хлое стеклянную бутылку с колой и поднял большой палец, указывая на бутыл

и пододвигая к ним два стеклянных стакана. Хлоя положила на стойку два ника и отнесла бутылку и стаканы к столу.

Глотнув тепловатой жидкости и промочив пересохшее горло, Хлоя повернулась на стуле и быстро осмотрела салон. Люди, которые таращились на них, быстро отворачивались.

— Английский? — сказала она. — Кто-нибудь?

Скрипнул стул, и грузный человек, тепло одетый, с лицом, блестящим от пота, робкими шажочками приблизился к ним. Вежливо отсалютовал им, хотя явно эмэсовцем не был.

— Англиски мало, — сказал он.

Он показал это самое «мало», чуть-чуть раздвинув указательный и большой пальцы.

— Немного? — сказала она.

Он кивнул:

— Мало.

— Подвал, — начала Хлоя. — Где находится подвал?

Мужчина нахмурился, и от этого цифра 216 на его лбу пошла волнами.

— Подвал? — сказал он.

Она показала вниз.

— Подвал. Цоколь. Погреб.

Он поднял пухлую руку и покачал головой.

— Чистить, — сказал он. — Мыть. Стирать.

— Стирать? — спросила Хлоя и прямо-таки ощутила взгляд Ханны. Оно.

Он кивнул.

— Спасибо, — сказала она

— Псибо, — ответил он, но остался на месте, сплетя толстые пальцы. Хлоя нашарила в кармане ник и протянула ему. Он с поклоном взял его и вышел из бара.

— Интересно, что им известно? — спокойно сказала Хлоя. — Остальные словно бы ждут, чтобы мы сделали первый шаг.

— Ох-ох, — вздохнула Хлоя. — Давай еще немного посидим, затем сматываемся. Прачечная — только прикрытие, но ведь люди должны на самом деле сдавать туда белье и получать его.

Ханна пожала плечами.

— Они что, оттуда сюда пришли? Вряд ли многие из верных часто сюда заходят с риском для жизни-то.

Женщины допили свою колу и посмотрели на часы. С той минуты, как они вошли в бар, из него вышли только двое эмэсовцев, и больше никто не входил. Молодой человек встал со стула и лениво расхаживал взад-вперед перед дверью. По меньшей мере двое прохожих заметили женщин в форме и решили не входить.

Хлоя и Ханна встали и вышли, по ходу высматривая какой-нибудь вход, который мог вести в подвал.

— Английский? — спросила Хлоя молодого человека у двери. Он пожал плечами и уставился на нее. — Есть другой вход в это здание?

Он покачал головой.

— С другой стороны? Из переулка?

Он снова покачал головой.

— Я слышала, тут есть прачечная, — сказала она. — Мне надо кое-что почистить.

Он уставился на нее.

— Я не вижу прачечной. — Он говорил с греческим акцентом.

— Мне не нужна прачечная поблизости, — сказала она. — Как я могу спуститься в подвал с прачечной?

— Мимо туалета, — сказал он хрипло. — Задняя дверь, вон туда. — Он кивнул в сторону двери, через которую ушли эмэсовцы. Он наклонил стул, спинка его уперлась в стену. — Но они закрыты.

— Среди дня? С чего это?

Он пожал плечами, еще глубже надвинул кепку и вернулся к своему журналу.

— Ладно, — сказала со вздохом Хлоя. Ханна пошла следом за ней за угол. — Ставлю на тридцать секунд.

Через мгновение Ханна выглянула из-за угла.

— Ты права, как всегда, — сказала она. — Смыслся.

Женщины поспешили назад в бар, прошли в заднюю дверь, мимо уборной и спустились вниз по шатким деревянным ступеням. Они увидели в тусклом свете, падавшем из окна, худую женщину средних лет, в мешковатом свитере и бандане, закрывавшей ее волосы и половину лба.

— Это прачечная? — сказала Хлоя.

Женщина кивнула, прижав к горлу кулак.

— Мы можем сдать сюда белье?

Она снова кивнула. Сквозь щель между тяжелыми шторами, загораживавшими дверной проем у женщины за спиной, Хлоя заметила того самого молодого человека. Он стоял, широко распахнув глаза. Она показала на него и поманила пальцем.

— Нет! — в отчаянии воскликнула женщина, пятясь к стене.

Молодой человек осмелился выйти. Из-под его куртки виднелся автомат.

— «Узи»? — спросила Хлоя.

— Да, и я буду стрелять, — ответил он.

— Сними кепку, — сказала Хлоя.

— Сначала я тебя пристрелю, — сказал он, потянувшись за «узи».

— Не надо, Костас, — простонала женщина.

Пока он возился с «узи», Хлоя и Ханна вместо того, чтобы схватиться за оружие, сняли кепи. Обнажив головы, они в один голос прошептали:

— Христос воскрес.

Юноша закрыл глаза и шумно выдохнул. Женщина соскользнула по стене на пол.

— Воистину воскрес, — еле выговорила она.

— Я чуть вас не убил, — сказал Костас. — Мама, ты как?

Его мать сидела, закрыв лицо руками.

— Вы приехали в одежде МС? — с трудом подбирая слова, сказала она по-английски. — Что вы делаете здесь?

— Я Хлоя Уильямс. Это моя подруга Хан...

— Не может быть! — воскликнула женщина, вытирая лицо и с трудом поднимаясь на ноги. Она бросилась к Хлое и горячо обняла ее.

— Я Паппас. Меня зовут госпожа П.

— Это моя подруга Ханна Пэйлмун.

— Вы тоже в международной взаимопомощи? — сказала госпожа П.

Ханна покачала головой.

— Вы из Индии?

— Нет, из Америки.

— То есть вы переодетые дважды?

Ханна улыбнулась, кивнула и посмотрела на Костаса:

— Мы тут в безопасности?

— Нам надо уходить, — сказал он и повел их за штору к большой бетонной кладовке, забитой посылками со всех сторон света. — Общество взаимопомощи работает здесь, как и везде, — произнес он. — Но нам очень досталось. Нас осталось очень мало.

— А люди наверху вам не мешают?

— Мы кое-что им даем. Они не задают вопросов. У них свои секреты. Но когда-нибудь, если им будет от этого выгода, они нас сдадут.

— Глава взаимопомощи у меня дома, — прошептала госпожа П, приложив руку к сердцу. — Никто не поверит.

— Вам нельзя дольше оставаться здесь, — сказал Костас. — Чем мы вам можем помочь?

* * *

Двое эмэсовцев показали Маку в окно неприличный жест, пролетая мимо в микроавтобусе. Затем Мак увидел, как сменилось выражение лица одного из них, когда он заметил его форму. Микроавтобус съехал на обочину, осыпав его гравием.

— Мы вам махали! — заорал пассажир, когда они остановились. — Мы вам махали, сэр! Вы нас видели?

— Видел, и я весьма вам благодарен.

Водитель тоже вышел из микроавтобуса, и Мак ответил им на приветствие.

— У моей вспомогательной группы свое задание, и они уехали вперед, а у меня есть дело в аэропорту.

— Мы можем вас подвезти. Вам нужна попутка? Мы подбросим вас.

— Благодарю, — ответил Мак, сбрасывая с плеча сумки и забираясь на заднее сиденье. — Как дела в Петре? Что там творится?

— Мы их сделали, сэр, — сказал водитель, включая радио. Мак оперся лбом на руку, словно прислушиваясь. Он отчаянно молился за своих товарищей. — Всех их поджарили. Даже хоронить нечего.

— Дайте послушать, ребятки, — сказал Мак, и оба замолчали. Прямо перед тем, как связь оборвалась, он услышал достаточно, чтобы воспрянуть духом. — Что ж, это хорошая новость, не так ли?

Пассажир повернулся к нему:

— Это точно. Не знаю, что он там под конец нес, но мы их сделали, это как пить дать.

В аэропорту Мак застал такой бардак, что едва поверил глазам своим. Остатки миротворцев расслабленно бродили без всякого порядка. Это работало ему на руку.

— Мне нужны колеса, — сказал он единственному в главном ангаре миротворцу, который встал, увидев его, и отдал ему честь. — Мне нужны ключи от этой машины, я хочу оставить на хранение мое барахло и хочу увидеть «блесну», если она здесь.

— Да, все здесь, сэр, мы вас ждали. Я беру ваши вещи.

— А я сказал, что хочу, чтобы вы их забрали?

— Нет, сэр, вы четко сказали, что хотите положить их сами. — Он побежал к стойке, нашел ключи в большой картонной коробке. — «Блесна» стоит в ангаре номер шесть. Машина первая с конца. Я могу вам ее подогнать.

— Сделайте это.

— О, чуть не забыл. Я должен ввести ваш код в компьютер, а потом...

— Сначала подгоните машину.

— Да, именно так.

Он убежал.

Мак понимал, что на него смотрят, и сидел, выпрямившись, с деловым видом. Но вроде бы ничего не происходило, никаких самолетов не прилетало и не улетало.

— Вы приехали нам помочь, командир? — крикнул кто-то с другого конца комнаты.

Мак сурово глянул на него.

— Извините, офицер?

— Я сказал, вы...

— Я слышал, что вы сказали! А теперь оторвите задницу от стула и обратитесь по форме!

Тот быстро вскочил, зацепился ногой за колесико кресла, споткнулся. Быстро выпрямился и подошел к Маку. Мак твердо посмотрел на него. Офицер остановился и отдал честь. Мак не ответил.

— У вас что, принято орать вашим старшим офицерам через всю комнату?

— Я не подумал, сэр.

— У вас был вопрос.

— Я просто хотел спросить, не будет ли нам тут какого-то подкрепления, сэр. У нас тут персонала не хватает.

Мак посмотрел по сторонам ангара, на взлетную полосу.

— Вам не хватает людей и рабочих рук, и вы это знаете.

— Да, сэр.

— Я не ошибся?

— Нет, сэр. Это именно так, нам приходится...

— Отставить.

Офицер снова отсалютовал и попятился. Младший офицер подогнал машину Мака и остановил ее перед ангаром, открыл багажник.

— Вам нужна помощь с этим высокоскоростным трансатлантическим самолетом?

— Мне нужны только инструменты и чтобы меня оставили в покое. Больше ничего. Что вы в нем такого нашли?

— Ничего, сэр.

— Серьезно?

— Нам было приказано зарезервировать эту машину для начальства. Как понимаю, это вы и есть.

Мак поджал губы. Интересно, есть ли хоть что-нибудь, чего Чань Вонг не мог бы сделать одним нажатием кнопки?

— Давайте мне инструменты и скажите, кто тут у вас занимается игеудайтами.

— Сэр?

Мак склонил голову набок и, прищурившись, посмотрел на парня.

— Вы хотите мне сказать, что мы нанесли один из самых удачных ударов по подполью прямо под носом у ваших ребят, и вы ничего не знаете об этом?

— О нет. То есть да. Мы знаем. В смысле, вы о чем?

— Кто этим занимается? Они взяли живьем одного агента, и я хочу его видеть. У меня приказ.

— Ну, я не знаю, где они его держат, сэр. В смысле, я...

— Да я и не думаю, что вам известно, где его держат! Я вас разве об этом спрашивал?

— Нет, сэр. Извините.

— Я полагаю, что об этом знает тот, кто заведует локальными операциями. Вы понимаете, о чем я?

— Конечно.

— Итак, кто?

— Да парень со смешным именем, сэр. Вам нужно будет спросить в штаб-квартире в Птолемаиде.

— То есть Нельсон Стефанис. Вы держите с ним связь?

— Да, сэр.

— Вы можете предупредить его, чтобы он ждал меня?

— Да, сэр.

— Скажите ему, что я жду от него полного сотрудничества и информации. Она мне понадобится, как только я доберусь до места.

— Да, сэр. А теперь могу я вас попросить сообщить мне ваш код безопасности для...

— Ноль-девять-один-ноль-ноль-один, — протрещал Мак, затем взял инструменты и поехал к ангару, где стоял на карантине самолет Джорджа Себастиана.

Он знал, где Джордж держит свой арсенал, и через пару секунд он снял панели в грузовом отсеке и достал оттуда лазерное оружие и винтовку 50-го калибра и переложил их вместе с сошкой в багажник машины. Судя по пломбе, эмэсовцы грузовой отсек проверяли. Но тайник за панелями не обнаружили.

Мак снова поспешил в главный ангар.

— Отлично, — сказал он молодому человеку, передавая ящик с инструментами в

окно. — Птолемаида извещена о моем прибытии?

— Они вас ждут, сэр.

* * *

Джордж Себастиан делал вид, что спит. Последние несколько минут он бодрствовал, прислушиваясь к срочным трескучим сообщениям, которые получали его тюремщики, и их отчаянно-серьезным ответам, таким тихим, что он едва мог расслышать, о чем они говорят вообще.

Он лежал на правом боку на земляном полу всем своим грузным телом. Он замерз, все тело его затекло, все болело. Правая рука от локтя до кончиков пальцев онемела. Руки его были скованы за спиной. Лицо саднило, голова гудела, во рту ощущался привкус крови.

Он услышал за спиной тихое фырканье. Ох, если бы ему только освободили руки! Он бы тогда растер правую руку, чтобы кровь снова потекла по жилам, тихонько бы сменил положение. И если бы рядом с ним находился только один спящий охранник, он мог бы наброситься на него, обезоружить и отключить его за пару секунд. Джордж повернулся — все тело его ныло, он смертельно хотел есть и пить. Он потерся щекой о землю, чтобы сдвинуть повязку с глаз и хоть чуточку выглянуть из-под нее. Да, охранник

дрыхнет, рука свесилась вниз, лазерная винтовка лежит на коленях. Странно. Может, Джордж и ошибался, но ему казалось, что он разобрался в иерархии этой команды. Громила, который пытался скрыть французский акцент, не был тут главным. Он много говорил, но тут был еще один человек — грек, которому Джордж не успел надавать, — вот он, похоже, и держал бразды правления. И все же если только он не был слишком хитроумен, чтобы вынудить Джорджа попытаться что-то предпринять, это именно он сейчас спал в кресле в нескольких футах от своего пленника.

Правая рука Джорджа зудела, но левой он смог достаточно пошевелить, чтобы почувствовать наручники. Тугие и крепкие. Ему случалось ломать обычные наручники, но те не были застегнуты так крепко. Он услышал, как наверху открывается дверь, и молодая женщина — он слышал, как другие называют ее Еленой, хотя сначала она выдавала себя за Георгиану, — сказала:

— Я же сказала — дайте ему последний шанс, а затем делайте что нужно.

Громила, почти такой же огромный, как Джордж, грузно топая, спустился вниз, с винтовкой наготове. За ним спустилась безоружная Елена. Она обернулась и крикнула кому-то наверху:

— Иди сюда, Сократ!

«У них еще и собака есть?»

Крик Елены пробудил главного, он встал, прокашлялся и протер глаза.

— Ну? — спросил громила.

— Нет. Даже не шевельнулся.

— А он еще живой?

— Дышит.

Громила шепнул что-то на ухо только что проснувшемуся главному.

— Да? — сказал тот. — А когда?

— Никто не знает, но сегодня днем или к вечеру.

Главный ругнулся.

Джордж надеялся, что никто не заметит, что повязка его чуть сползла с глаз. Нога громилы в тяжелом ботинке появилась возле плеча Джорджа. Он грубо пнул его, перекатив на спину.

— Просыпайся, парень, — сказал он, и главный добавил:

— У тебя последний шанс.

Джордж хотел было спросить — какой такой шанс? Снимите наручники и эту чертову повязку, трусы, и он голыми руками их всех порвет. Но он решил хранить молчание. Удовольствия он им не доставит.

С верхних ступеней послышались тяжелые, звучные шаги, вниз с трудом спустился охранник с поврежденным коленом. Громила передал винтовку Елене и наклонился над Джорджем. Он подсунул ему руки под мышки и, крикнув, поднял его, прислонив к стене. Джордж уронил голову на грудь.

— Ладно, — сказал командир. — Платон, сюда, Сократ — вон туда.

Джорджу почудилось, что у него слуховые галлюцинации. Он был одним из немно-

гих в студенческой футбольной команде в Сан-Диего, кто слушал курс греческой истории, но слабые оценки на экзамене заставили его пойти на военную службу. Наверное, у него не в порядке с головой. Значит, в шести футах от него по обе стороны стоят Платон и Сократ и целятся ему в голову? Наверное, это голодный бред, решил он.

— Будет дергаться — пристрелите его, только в меня не попадите.

Командир — Джордж с трудом мог вообразить, как его-то в таком случае зовут, — сдернул с его глаз повязку. Джордж заморгал и зажмурился, продолжая глядеть в пол. Теперь тот ткнул дулом Джорджу в подбородок и заставил поднять голову.

— Гляди мне в глаза. Я говорю серьезно.

Джордж едва удержался, чтобы не плюнуть ему в морду.

— Ты человек храбрый, прямо образец военнопленного. Но ты проиграл. У тебя остался только один шанс. Я не намерен больше тратить на тебя время и силы. Единственный для тебя способ выйти отсюда живым и еще раз увидеть жену и детей — это рассказать нам все, что мы хотим знать. Иначе я просто прострелю тебе голову и вышибу мозги. У тебя десяти секунд на то, чтобы рассказать мне, где находится убежище иегудайтов.

У Джорджа не было причин не верить ему. Он был слаб, опустошен, он был на пределе. Но все же он победил. Он ничего не рассказал и не расскажет. Даже если он выдаст убежище в Чикаго, живым его отсюда не вы-

пустят. Выбор был только один, но он не настолько был уверен в себе, чтобы принять его. Он мог бы наврать — начать длинный, изобилующий излишними подробностями рассказ, которому, может, даже и поверили бы. Он даже рассказал бы про отравляющий газ, который заполнил бы кабину «блесны», если бы кто-нибудь попытался взлететь, не введя соответствующего кода в систему безопасности.

Это не позволило бы МС утнать «блесну». Может, самолет даже мог бы пригодиться кому-нибудь из отряда Скорби, если бы кто-то из них попытался выручить его. Но он был уверен, что капитан Стил и прочие считают его мертвым, так что вряд ли. Конечно, вранье оттянуло бы момент его смерти — ведь сейчас он даже стоять не мог, — но он не мог рисковать выдать хотя бы крупицу истины.

Джордж просто уперся лбом в дуло и не сказал ни слова. Он не хотел, чтобы хоть что-то в нем дрогнуло. Он просто стиснул зубы в ожидании выстрела, который освободит его и откроет путь на небо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Мы были в группе, включавшей в себя лидеров, — объяснял Костас Паппас. — Пастор и его жена. Миклосы. Старик Кронос. Его двоюродный брат еще среди нас. Вы знаете, кто эти люди?

— Мы все знаем, — рассказала Хлоя. — Но как вам удалось уцелеть, зная так много?

— Марсель поведал нам план в ту ночь, когда все это случилось, — рассказала госпожа Паппас. — Вроде бы девушку видели в подземелье те, кто ее знал, но это был только слух. Вроде все играло нам на руку. У нас была помощь международного отряда Скорби, от одного военного, оперативника из Америки, который возвращался с операции из Израйля.

— Но откуда вы узнали, что произошло? Что вы сделали, когда мистер Миклос и Кронос не вернулись к назначенному сроку?

— Мы пошли посмотреть, — ответил Костас.

Губы его дрожали. Сначала Хлоя приняла его за неуклюжего соглядата. Затем он повел себя как разъяренный мальчишка. Но чтобы выживать в таких условиях он просто обязан быть храбрым. Его мягкость тронула ее.

— Мы знали план. Но мы так и не нашли тех камней у обочины дороги. Их либо унесли, либо просто снесли. Но эти твари оставили машину прямо там, где она остановилась, у всех на виду.

— Но ведь они наверняка за ней наблюдали, — сказала Ханна. — Сидели в засаде и поджидали вас.

— Мы не были уверены, — сказал юноша. — Мы быстро проехали мимо, пытаюсь делать вид, что мы даже и не смотрим в ту сторону. Но мы узнали машину Кроноса. Она стояла в паре метров от дороги — фары потускнели, мотор выключен, дверь открыта. Нам страшно хотелось осмотреть ее, чтобы понять, что случилось, но мы не хотели наделать глупостей.

— И?..

— Мы стали ждать. Нам пришлось. Мы не знали, надоест ли им выжидать, придет ли кто-нибудь, но спустя несколько дней мы просто уже не могли выносить неведения. Кузен Кроноса одолжил нам четырехприводный грузовик, мы взяли топографическую карту и по ней вычислили маршрут, чтобы подобраться к машине со стороны поля, а не с дороги. Мы сделали это после

полуночи. Мы медленно продвигались по еле заметной колее среди леса, а затем уже по каменистой равнине. Вел кузен Кроноса, я и еще двое шли впереди в темной одежде, чтобы проверять, что нас никто не видит и не слышит. Где-то к трем утра мы подогнали грузовик как могли близко. Машины Кроноса мы еще не видели, но мы знали, где она стоит. Затем мы ползком поднялись по склону, но там, где она должна была стоять, мы ничего не увидели.

Сейчас на уличные фонари средств давно нет, да и аккумулятор машины давно разрядился. Луны не было, фонариками мы пользоваться боялись, так что машину осветить было нечем. Если нас и ждали эмэсовцы, они не думали, что мы выберем самый трудный путь, особенно вот такой. Мы чуть не наткнулись на машину, когда, наконец, увидели ее в темноте. Мы слушали и смотрели, даже по сторонам походили вокруг, чтобы посмотреть, нет ли здесь эмэсовцев. И тут мы наткнулись на машину и нашли тела. Может, мы и сгупили, но мы осмелились осветить их фонариками, всего на секунду. Мы заслоняли собой почти весь свет.

Костас вздрогнул от воспоминаний. Его самообладание пошатнулось. Он хотел, чтобы его поняли.

— Все трое, — сумел наконец выговорить он. — Застрелены. Марселю выстрелили в лицо. Затылок снесло. Нам пришлось потрудиться, чтобы вытащить его из-под панели приборов. Кронос получил пулю в шею

сзади. Вероятно, был перебит позвоночник. Ласлос получил пулю в лоб.

— А американца нигде не было?

Костас помотал головой.

— Мы вытащили тела и перенесли их один за другим в грузовик. Они смердели и уже застыли. Это было ужасно. Мой друг, который раньше изучал криминалистику, сказал, что человек, застреливший их, находился с ними в машине. Мы нашли еще сумку Марсея, ту, которую мы ему дали. Она лежала под телом Ласлоса, вся была залита его кровью. Там все еще лежала смена белья и еда. Мы не знаем, что случилось с американцем.

Хлоя рассказала ему и его матери о том, что передал Стив Планк — что МС рапортуют об успешном пресечении попытки побега.

— И девушка, и якобы наш человек были самозванцами. Где-то случился прокол, и вот результат.

— Этот американец жив? — сказала госпожа Паппас.

Хлоя кивнула.

— Его держат где-то в тюрьме. Возможно, пытаются выбить из него информацию, но он крепкий орешек. Мы больше опасаемся, что его пристрелят за отказ сотрудничать.

— Наверное, вы считаете, что в МС одни дураки, — произнес Костас.

— То есть? — сказала Хлоя.

— Вы сюда приехали, переодевшись эмсовцами, и думаете, что они вот так прямо вас к нему и проведут.

— Да, это рискованно, мы знаем.

— Это чистое самоубийство, — сказал Костас.

— А ты бы что сделал, сынок? — спросила Хлоя, по ходу дела сообразив, что если Костас и моложе ее, то ненамного.

Он пожал плечами.

— Наверное, то же самое, но вряд ли это удалось бы.

— У нас есть свой человек в Новом Вавилоне, иначе мы даже и пытаться не стали бы, — заверила его Хлоя. Она начала вкратце рассказывать о приготовлениях и плане Мака.

— Извините, — сказала Ханна. — На минуточку.

Хлоя посмотрела на нее, затем проводила ее за угол.

— Хлоя, а им надо все это знать?

— Мы можем им доверять! Они из нашего общества взаимопомощи!

— А если их схватят и заставят говорить? Не надо их всем этим грузить.

— Ты подумай, через что они прошли, Ханна. Они никогда не провалятся.

— А если все же провал будет? Это кончится не только твоими похоронами.

Они вернулись к госпоже Паппас и ее сыну.

— И как? — сказал Костас. — Эмэсовцы клюнули?

— Это ненадолго, — согласилась Хлоя, украдкой бросая взгляд на Ханну. — Но кое-что поменяв в главной базе данных Нового Вавилона, мы присвоили себе важные посты.

— Мы только что познакомились, — сказала госпожа Паппас, — и вскоре нам придется вас хоронить.

— Мы люди веры, — сказала Ханна, оставив акцент. — И вы тоже, насколько мы знаем, но мы также должны быть и людьми действия. Мы знаем, каковы шансы, и идем на риск. Мы не знаем, что нам еще делать. Неужели вы оставили бы товарища на верную смерть?

Костас все никак не мог успокоиться. Он дернул плечом.

— Я не знаю. Я не вижу другого выбора для вас, но если бы вы явились с тяжелой артиллерией, а не под чужими именами, это было бы эффективнее. Я просто не понимаю, как все это может сработать.

— Но мы не знаем, где держат нашего человека! — воскликнула Хлоя. — Как мы можем это выяснить, если не просочимся в стан врага?

— А ваш человек в Колорадо? Он вроде бы столько знает.

— Он может передавать нам только то, что удастся подслушать. Если он начнет выпрашивать подробности, его скоро раскроют.

— А как же он проник в ряды МС без метки?

Хлоя рассказала о новом прикрытии Стива и о том, как ему пришлось восстанавливать лицо, хотя Ханна тяжело вздохнула и слегка покачала головой.

— Его лоб — пластиковый. Клеймо верности было бы поставлено под него, и никто не станет смотреть на его голый череп.

— Кончай, — еле слышно сказала Ханна.

— Я хочу пойти с вами выручать вашего человека, — сказал Костас.

— Не могу этого позволить, — ответила Хлоя. — У нас документы, униформа, в отношении компьютерных данных мы пока в безопасности. Чтобы так же прикрыть вас, потребовалось бы много дней.

— Я могу достать эмэсовскую форму, а вы прикрыли бы меня. Я...

— Нет, — отрезала Хлоя. — Мы ценим ваше желание помочь, но нельзя. У нас есть план, и мы будем ему следовать, а уж получится или нет...

— А вам оружие не потребуется?

— Потребуется. Было бы подозрительно появляться с мощным оружием не эмэсовского производства. Мистер МакКаллам попытается что-то добыть либо с самолета нашего человека, либо из его машины.

— А где его машина?

— Если верить Планку, те, кто схватил Себастиана, захватили и его машину, которую он сумел выговорить себе в аэропорту.

— И они не обыскали ее на предмет оружия?

— Мы не знаем, и ничего об этом не слышали.

Костас знаком позвал женщин за собой в угол, где стоял большой деревянный ящик, заваленный простынями. Он был набит «узи».

— Ничего не спрашивайте, — сказал он.

Его мать вытащила большую сумку для белья, в которую Костас положил три завер-

нутых в простыни автомата и несколько магазинов с патронами.

— А теперь вам лучше уйти.

* * *

Джордж Себастиан где-то читал, что того выстрела, который убьет тебя, ты не услышишь, но кто это проверял? Он старался держать себя в руках, не желая доставлять удовольствие своим мучителям, чтобы не дрогнуть в момент последнего выстрела. Он затаил дыхание на последние, как он думал, десять секунд своей жизни, но потом выдохнул и не смог сдержать дрожи.

— Ладно, — сказал главный, — быстро приведите его в приличный вид. Вода, еда, душ. И сделайте что-нибудь с его губой. Ну, сочините что-нибудь. Это не мы сделали.

Джордж открыл глаза. Заморгал.

— Тебе все равно конец, Калифорния, но нам за это не нагорит. Я снимаю наручники, но дернешься — получишь сразу две пули в башку. Дай только повод.

Джордж стал растирать затекшие руки. Платон поморщился. Джорджу очень хотелось пугнуть его, замахнувшись или просто прикрикнув.

— Прикрой чем-нибудь его запястья, — сказал главный Елене. — Пошли, надо двигаться.

Они поволокли Джорджа вверх по лестнице и дали ему два сэндвича с чем-то, по

вкусу напоминавшим сырокопченую колбасу. Куски хлеба были чуть ли не в два дюйма толщиной, сухие. Ему пришлось сильно сжимать их, чтобы запихнуть в рот. Пока он жевал, у него треснула и начала кровоточить губа. Он жадно опустошил бутылку теплой воды.

Джордж захотел снова сесть и сделать несколько глубоких вдохов. Пикник явно не задался. Он давился, кашлял, но все равно съел все. Самый подходящий случай сбежать или причинить как можно больше вреда — это пока у тебя руки не связаны и пока тебя перевозят. Он не желал думать, что происходит, но хотя бы приободрился от того, что пока еще жив и достиг хотя бы одной цели — ничего не сказал.

Покончив с едой, Джордж собрал со стола все крошки и закинул их в рот. Запил их последними глотками воды. Елена отняла у него бутылку и показала на маленькую комнатку с душевой, куда он едва мог бы впихнуться.

— Одежда там, — сказала она, показывая на пол. — Через окно ты все равно не протиснешься, но там будет стоять охрана на всякий случай.

Она вышла и захлопнула дверь. Хотя он и признавал, что она и остальные наверняка слышат все, что он делает, он заглянул под койку, но там была только пыль. Он вырвал три ящика из длинного деревянного комода. Пусто. В комнате не было ничего, кроме окна, выходящего, по всей видимости, на за-

пад. Он потянул тонкие, как бумага, жалюзи и увидел нацеленное на него дуло. Там стоял Сократ.

— Быстрее! — крикнула в дверь Елена.

Джордж сбросил одежду и полез в душ. Сначала повернул левую рукоятку крана, и ему в лицо ударила ледяная вода. Он попятился и протянул руку, чтобы дотянуться до другой рукоятки. Опять холодная. Он отвернул оба крана и подождал минуту. Попробовал отодвинуть душ в сторону, но тот приржавел к стене.

— Вода не питьевая! — услышал он снаружи.

Он хотел найти мыло или полотенце, но не желал разговаривать. Стиснув зубы, Джордж заставил себя войти под воду. Его трясло, но он все равно стоял под струями холодной воды, стекавшей с коротко остриженной головы на все тело. Он активно растирался, стоя под водой сколько мог, и, когда выключил воду, услышал, как закрывается дверь в комнату. Он выглянул наружу. На месте его одежды лежала стопкой чистая. Явно она прежде принадлежала Платону, который был приблизительно одних с ним габаритов. «Отлично. Он вовсе не кажется таким уж высоким».

На кровати лежало одинокое полотенце. Джордж растерся и бросил его на кучу одежды. Непонятная рубашка надевалась под колючий коричневый свитер. Военное нижнее белье было узковато. Серые шерстяные носки начали согревать его ноги, а шта-

ны хаки с холщовым ремнем были маловаты в поясе и на три дюйма короче, чем нужно. Хотя эмэсовские ботинки оказались вполне удобными.

Джордж пнул дверь, и Елена показала ему, чтобы он шел за ней к столу, за которым он ел. Платон, с оружием в руках, стоял и наблюдал. Интересно, какая же должность у этой девицы? Он мог бы вмиг схватить ее, прежде чем остальные успели бы среагировать, и убил бы ее, прежде чем они начали бы стрелять.

Она неуклюже смазала ему губу какой-то мазью и размассировала руки и запястья. Он всматривался в ее лицо, ища там хоть какие-то признаки слабости. Кровь, которую он увидел на ней, когда думал, что она — узник от подполья, явно была не ее. Она кого-то убила.

Елена прижала к его лбу клочок ткани. Джордж ощутил резкую боль, но не дернулся. Если он не сумеет вытерпеть маленькую боль, то как он будет бороться? Странно, что в таком месте удалось найти лед, но ведь она нашла его, завернула в тряпочку и прижимает к его лбу. Она проделала ту же операцию с шишкой у него на затылке. Вот что бы ей дать пару кубиков, когда он пил воду?

Еда тяжело лежала в желудке, но она придавала ему сил. Часть его сознания жаждала крови, чтобы показать этой сволочи, что может сделать пленный американец. О, он мог бы сделать куда больше, чем просто сохранять молчание. Сдается, он уже сло-

мал одному охраннику колено. Пока Елена обрабатывала его синяки и шишки, она сидела к нему так близко, что он мог ткнуть ее пальцами в глаза и лишит зрения, сломать ударом ей челюсть или подбородок или прикончить, обрушив на нее стол и рухнув всем весом поверх него.

Конечно, он мало что из этого успел бы, потому что его пристрелили бы. Он представил себе, что бросается на Платона, разоружает его, бьет прикладом, стреляет в Елену и пытается прорваться через двоих оставшихся охранников. Это давало лучший шанс, но все равно вероятность была мала.

Они пытались привести его в товарный вид и перевезти куда-то. Зачем? Кто-то наверху хочет информации? И хочет, чтобы с ним обращались осторожнее? Джордж был, вероятно, самым близким выходом на иегудаитов, и именно потому он еще был жив.

Идея устроить шоу для начальства МС ласкала душу. Его молчание доведет их до белого каления. Кстати, ведь чем выше поднимаешься по служебной лестнице, тем меньше готов к попытке побега заключенного. В какой-то момент они поймут, что он не намерен им помогать, что из него не вытянешь и не выбьешь никакой информации. Наконец, его сочтут бесполезным. Его используют как наглядный пример, заявив, что он вражеская «крыса», или просто казнят его. Или и то и другое.

Цель медленно формировалась у него в голове. Он хотел оставаться на чеку, не упу-

стити ни единой мелочи. Он хотел засечь момент, когда эмэсовцы, наконец, потеряют терпение и поймут, что ситуация тупиковая, и вот тогда, когда они наконец решат покончить с ним, он заберет с собой в вечность парочку врагов. Они достигнут пункта назначения куда скорее, чем думают.

Джорджу пришлось сдерживать улыбку, когда его повели к джипу. Ему снова сковали руки, но прежде надели пару больших перчаток.

«Как заботливо, — думал он. — Решили побережь мои нежные ручки».

* * *

К тому времени, когда Мак встретился с Хлоей и Ханной на просеке в лесу к северу от Птолемаиды, все трое уже были на связи с остальными бойцами отряда Скорби.

— Не терпится послушать, как Новый Вавилон вывернется с Петрой, — усмехнулась Ханна. — Как теперь-то можно не уверовать после всего этого?

— Кто знает, когда папа с Абдуллой смогут вернуться? — сказала Хлоя. — Пока мы знаем только то, что Цион намерен остаться в Петре, если там будут все технические условия для продолжения его мировой пасторской деятельности. Мне кажется, эмэсовцы будут убивать всякого, кто выйдет оттуда.

Мак рассказал Хлое и Ханне, что его ждут в штаб-квартире отряда в Птолемаиде, но он хочет все сделать по-тихому.

— Это почему еще? — сказала Хлоя. — Ведь казалось, что у тебя все гладко.

— Да, но если я пойду туда, весь такой с иголки, я же выставлю себя напоказ. От меня прямо-таки будет разить «крысой». Кроме того, если в этой штаб-квартире царит такое же раздолбайство, как и повсюду, будет подозрительно, если я не начну снимать стружку с того, кто там командует.

— Ты вот только нам не рассказывай, — отозвалась Ханна. — Терпеть не могла работать во дворце, меня просто тошнило от организации и этикета.

— Если бы я и правда был старшим офицером, я бы неделю заваливал Новый Вавилон жалобами на тутошные порядки. Я надеялся просто вломиться туда, забрать то, что мне нужно, и убраться. Я даже не собирался просить у них помощи, разве что в случае крайней необходимости. А теперь я даже светиться не хочу.

— То есть?

— В смысле, лично.

— Значит, мы?

— Одна из вас.

— Тогда я, — сказала Ханна.

— Нет, минуточку, — начала Хлоя. — Я...

— Честно говоря, я предполагал Хлою, Ханна. Я не думаю, чтобы кто-то вас заподозрил, но хуже всего, если они вдруг решат прове-

рить твои зрачки или отпечатки пальцев — ты ведь знаешь, что ты в списке во дворце.

— В списке погибших.

— Ну да, но как ты тогда объяснишь, что индуска обладает четкими идентификационными отпечатками покойной американки?

— Будто я не смогу выкрутиться.

— Шутишь? Да я, когда смотрю на тебя, все время забываю, что ты — это ты. Но Чань ввел антропометрические характеристики Хлои под ее новым именем, так что если вдруг им втемаяшится проверить, она-то проверку пройдет.

— Что я должна сделать, Мак? — сказала Хлоя.

— Я хочу, чтобы ты устала.

— Устала?

— И была раздраженной. У тебя трудное и нудное поручение. Пока твой ленивый босс, с которым ты сюда прибыла, вместе с остальными изволит отдыхать — где, это не их дело, — ты должна добыть нужную ему информацию. Любая проволочка, задержка — и тебе влетит по первое число. Ты можешь это отыграть?

— А ты как думаешь?

— Веди себя так, словно все это тебя окончательно достало — просто дайте мне информацию, и я пойду. Постарайся, чтобы те, кто взял заложников, знали, что мы приехали, так что пусть не разбегаются, а лучше подготовят нашего человека к транспортировке. Босс будет не слишком доволен, если они еще ничего из него не выбили, так что будь приветливей с теми, кто о нем знает.

— Ясно.

— Тот летчик, дружок Абдуллы, уверен, что если все пойдет хорошо, мы сумеем отвезти Себастиана — в наручниках, вестимо, — прямо к его самолету и к ночи улететь отсюда.

— А местные в курсе, что ты намерен увезти заключенного?

— Нет, и когда до них дойдет, нас тут уже не будет.

— Все не так просто, — вмешалась Ханна. — Даже если они будут верить всему вплоть до того момента, как мы доберемся до него.

— Никогда ничего не бывает просто, Индира, — с улыбкой ответил Мак. — Дело в том, что нам и не следует пытаться заставить их верить хоть чему-нибудь. Чтобы заставить кого-то сделать то, что тебе нужно, — просто поймай на крючок. Поняла?

— Не совсем.

— Например, если бы я намекнул тебе, что Рэйфорд или Цион хотят, чтобы ты сделала что-то такое, чего тебе вовсе не хочется, например, прямо сейчас вернуться в Чикаго, то ты сразу бы сказала «нет». Ты не захотела бы этого делать, отказалась бы. Тогда я сказал бы — ладушки, нет так нет, ты уже все решила, так что большего тебе знать не надо. Я не могу говорить за тебя, но если бы я был на твоём месте, я бы в лепешку разбился, чтобы узнать, что там за тайна такая и не поторопился ли я с отказом.

— Могу поспорить — я так и сделала бы, и я все бы из тебя вытянула. Ты же сам это знаешь.

— Может, и вытянула бы. Но ведь я заставил тебя сделать то, что я и хотел. И мне не надо пытаться в чем-то тебя убеждать. Если бы ты стала вытягивать из меня информацию, я выдал бы тебе то, что мне нужно, чтобы заставить тебя сделать то, что я хочу, а ты бы не поняла до самого последнего момента, что я тобой манипулировал.

— Другими словами, — сказала Ханна, — ты намерен каким-то образом заставить этих людей упрашивать тебя забрать у них Себастиана.

— В точку.

— И они еще должны думать, что ты делаешь им одолжение.

— Точно.

— И это я должна устроить.

— И устроишь.

— И что я буду делать, пока Хлоя будет работать в штаб-квартире?

— Будешь ждать в джипе, держа ухо востро. Впечатление должно быть таким, что да, вас двое, но только одна получает указания от босса.

— А ты где будешь? — спросила Хлоя.

— Буду держать связь по телефону с Чанем, а потом с тем парнем в аэропорту. Я хочу, чтобы мою «блесну» заправили и подготовили к отлету.

— Ты скажешь ему, что с нами заключенный?

— По ситуации. Если мы не найдем оружия в машине Джорджа, я в любом случае добуду его для себя и для него. А у вас ваши пистолеты.

— Думаешь, понадобится?

— Хотя бы для виду. Нет ничего подозрительного в том, что старший офицер берет с собой вооруженных сотрудников для подобных визитов.

* * *

После обеда Чань поспешил в свою комнату и бросился к компьютеру в надежде отследить сестру. Но она оказалась куда ловчее, чем он ожидал. Он желал только одного — чтобы она дала ему знать о себе, чтобы он мог ей хоть как-то помочь. Может, если бы она прибыла куда-нибудь и увидела, что он подготовил для нее транспорт, она поняла бы, что он следит за ней.

Миротворец Чоу уже был в системе. Похоже, «он» покинул Чикаго и нашел транспорт до Лонг-Гроув в Иллинойсе. Чань был рад, что его сестра не направилась в Канкаки или на старую базу ВМС Гленвью. Хотя там не хватало персонала, как и повсюду, они не так давно погорели из-за иегудайтов, и обмануть их было невозможно. Но Чань никогда прежде в системе не находил ничего такого, что указывало бы на наличие взлетной полосы в Лонг-Гроув.

Наконец, он нашел правительственную полосу, которая недавно снова была открыта для ограниченного числа коммерческих рейсов. Когда его обеденный перерыв подошел к концу, Чань связался с диспетчер-

ской и представился высокопоставленным чиновником из руководства авиаперевозками МС и затребовал «стандартное подтверждение о вылете на коммерческом грузовом самолете на Паули-Айленд в Северной Каролине миротворца из международного сектора 30».

Ждать ответа Чань не мог, ему срочно надо было возвращаться на рабочее место. Стало понятно, что Сухайль Акбар лично допрашивает первого пилота, вернувшегося после налета на Петру. Чань предполагал, что и второй также будет вызван в личную совещательную комнату Сухайля. Набрав код на клавиатуре, он активировал «жучка» и включил запись. Позже он сгрузит этот материал из центральной системы.

* * *

Хлоя была благодарна Ханне, что та не стала отвлекать ее от размышлений по дороге назад, в Птолемаиду.

— Ты ведь не злишься, что это мне поручили, да?

— Это оправданно, — ответила Ханна. — Если у них есть возможность проверить отпечатки, то так будет лучше.

Хлоя попыталась успокоить сердцебиение, сделав несколько глубоких вдохов, и немного подремать. Не удалось. Она знала, что ее жизнь зависит от того, сумеет ли она, как говорил Мак,

изобразить усталость. И раздражение, если до этого дойдет. Но лучше всего — усталость.

Штаб-квартира располагалась на трех верхних этажах пятиэтажного здания. Второй этаж был заброшен, прежде в нем, похоже, находились какие-то коммерческие помещения.

Одни из тех, кто встретился тогда Хлое и Ханне на улице, сидел в темноте у лифта на первом этаже, курил и читал в серебряном лучике света, пробивавшегося с улицы. Он встал, когда увидел ее, и отдал честь.

— Лифт неисправен, мэм, — сказал он. — Нужная вам лестница у вас за спиной.

— Отставить. Это твой пост?

— Да, мэм. Кому-то надо же предупредить людей, чтобы они весь день не ждали лифта.

— А объявление написать не додумались?

— Да, но старший офицер хочет, чтобы кто-то лично сообщал.

Она кивнула.

— Вот его-то мне и нужно. Ты не мог бы ему сказать, что я...

Молодой человек поднял обе руки:

— Никак не могу, мэм. Выше сидит секретарь.

— Сдается, народу у вас не хватает.

Он пожал плечами:

— Мне приказывают — я выполняю, мэм.

Лестница привела в грязную, облицованную кафелем комнату, освещаемую лампами дневного света, из которых около половины не работали. За столом никого не

было, но с продавленного диванчика начал подниматься другой миротворец. Хлоя махнула ему рукой.

— Что ты здесь делаешь, сынок?

— Несу охрану нравственности миротворческих сил, мэм. И еще сообщаю, что секретарши нет на месте.

— Это я и сама вижу.

— И еще говорю, что она скоро вернется.

— И как скоро будет это «скоро»?

Он посмотрел на часы:

— Десять минут, как должна была уже прийти, так что вот-вот будет.

— А ты не мог бы сообщить командующему Стефаничу, что здесь мисс Айрин из штаба старшего командующего Джонсона?

— Мог бы, мэм, но мне приказано...

— Выполнять. Последствия беру на себя.

— Да, мэм. Мисс кто и откуда?

— Забудь. Я сама, — сказала Хлоя, потянувшись к ручке двери.

— Извините, я не могу вас впустить, мэм. Подождите, пожалуйста. Извините, что я упустил ваши данные.

— А чего это ты положил руку на пистолет, а? — сказала она.

— Нет, мэм, да, мэм, но я не нарочно. Я...

— Прочти-ка мое имя на бедже, сынок, и запомни. Все, что тебе нужно знать, — старший командующий Джонсон.

— Понял. Минуточку.

Хлоя покачала головой. Как только эмсовцы могли хоть что-то делать при такой дисциплине? Дверь едва успела закрыться, как распахнулась снова, и блюститель

нравственности кивком дал ей знак войти. Он показал ей на стеклянный отсек в углу комнаты, где сидел за столом командир. Его секретарша сидела перед стеклянной загородкой.

— Мне еще и ей представляться? — сказала Хлоя.

— Да, мэм. Это секретарша командира.

Большая часть остальных столов пустовала, свет мигал. Казалось, что все, чем командир занимается, так это ставит людские барьеры между собой и посетителем. Хлоя подошла к пожилой женщине в форме. Та одарила ее дежурной улыбкой, но Хлоя прошла мимо ее.

— Айрин, из штаба Джонсона, к Стефаничу.

Женщина не успела ничего сказать. Нельсон Стефанич глянул на нее испуганно и начал вставать.

— Привет. Извините, сэр, но старший командующий Джонсон не выделил мне времени на преодоление всех ваших барьеров. У вас есть для него информация?

— Конечно, но...

Хлоя раскрыла кожаные корочки и показала свое эмсовское удостоверение.

— Что вам нужно?

— Ну, я хотел бы посетить командующего Джонсона. — Стефанич говорил с восточно-европейским акцентом. Видимо, польским.

— Он сожалеет. Начальство в Мировом Сообществе желает, чтобы все было сделано спешно, и мы понимаем, что вы готовились к...

— Прошу, садитесь, мисс Айрин.

— Я действительно...

— Прошу вас.

Хлоя села.

— Я надеялся сообщить вашему начальнику о тех, кого мы выбрали для исполнения этого задания. Мы весьма гордимся их...

— Простите, сэр, но мы понимаем, что из этого мятежника не удалось вытянуть никакой информации.

— Это только вопрос времени. Он — матерый военный, и пока мы вели себя... корректно.

— Смею ли я предположить, что если ваши сотрудники находятся на том же самом этапе, то командующий Джонсон должен все так и оставить?

— Возможно. Но я доволен тем, что они смогли достигнуть, и намерен рекомендовать их...

— Как вам угодно, сэр, но, пожалуйста, отпустите меня к моему начальнику с тем, что ему нужно для налаживания контактов.

Стефанич театральным жестом неторопливо достал из ящика стола папку, но не передал ее Хлое.

— А вы не знаете, что случилось сегодня? Значение этого заключенного резко упало после успешного налета.

— Насколько я понимаю, результаты не однозначны. Если так, разве о них не сообщали бы по всему свету?

— Это технические проблемы. Вы узнаете, что миллионы предателей мертвы, включая их предводителей.

— Мы до сих пор не знаем, где их штаб-квартира, — сказала Хлоя, — и сколько главарей уцелело.

— Мы сузили их область распространения до Карпатианских Штатов. Даже мятежники не отрицают этого.

— Сэр, вы не даете старшему офицеру допуска к пленному?

— Нет, я...

— Если так, то мне влетит первой. Но следующим будете вы. — Она встала. — Я уже и так опоздала, но раз уж я возвращаюсь с пустыми руками, не скрою, я переведу стрелки на вас.

— Вот, берите, — сказал он, протягивая ей папку.

Хлоя двинулась к дверям.

— Вы можете рекомендовать к награждению нанятых вами местных, но вы не сможете их наградить, если вы...

— Нет-нет, что вы, — сказал он, виновато улыбаясь.

Хлоя остановилась и с подозрением посмотрела на него.

— Папка? А зачем она мне? Мне от вас нужно только узнать для моего командира, где находится преступник.

— Так все как раз тут! В этой папке!

Хлоя стояла, держась за дверную ручку и покачивая головой.

— И ваши люди нас ждут.

— Конечно!

Она постояла, поджав губы и исподлобья глядя на Стефанича. Она далеко зашла. Она не собиралась возвращаться к нему.

— Ну, давайте тогда.

Он сел и протянул ей папку. Она сурово посмотрела на него сверху вниз. Наконец, он кивнул, встал и подошел к ней. Хлояхватила у него из рук папку и вышла прочь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чань сидел за столом и делал вид, что работает. Он не мог сосредоточиться. По идее, он должен был координировать снабжение пассажирских и транспортных самолетов с оборудованием, провизией и производственными товарами для самых нуждающихся регионов. Он изобрел способ придавать своим инструкциям вид логичности и законченности, они даже казались эффективными. Но по сути дела, они никак не мешали проволочкам. Из-за ложного сигнала, введенного им в систему, поставки задерживались на целые дни в отдаленных локациях, а затем доставлялись не в те места. Часто не те места для МС оказывались самыми теми для Международной взаимопомощи или отряда Скорби.

Чань получил даже похвалу за свою работу. Он умело заметал следы и старался избегать проблем, из-за которых он мог бы по-

пасться. Но сейчас какая-то мысль неотступно зудела на грани сознания. Что-то было не так.

Минь оставила записку, в которой сообщала, что направляется к своим родителям в Китай. Если так, то почему она поехала на восток? Это имело смысл только в том случае, если она собиралась найти рейс до Западного побережья. Хотя крупнейшие города Калифорнии лежали в развалинах и крупные аэропорты более не существовали, оставалось еще много мест, откуда можно было улететь.

Чань решил было притвориться больным и отпроситься на оставшуюся часть дня, но он не рискнул привлечь к себе внимание. Он должен быть на месте и не вызывать подозрений. Он посмотрел на часы.

* * *

Бизон держал Кенни на коленях и болтал с Лией и Зиком. Только что пробило восемь утра, и Лия разбиралась с сообщениями и отчетами от представителей международной взаимопомощи со всего мира. Эта огромная система, как ни удивительно, работала, даже несмотря на трагедию, постигшую моря и океаны. Безрассудная дерзость людей без клейма верности, перевозящих на собственном транспорте огромные партии груза, передававших их из рук в руки, совершенно не

думая о выгоде, — это поражало до глубины души.

— Знаешь ли ты, Бизон, что ты обрел в лице своей жены? — спросила Лия.

Бизон до сих пор еще не раскусил ее. Он хотел бы счесть эти слова откровенным комплиментом, похвалой Хлое. Но вдруг это шпилька? Вдруг Лия намекает, что он скотина бесчувственная и не понимает, что за сокровище Хлоя?

— Да, думаю, знаю, — ответил он.

— Не думаю, что он даже понимает это, Кенни. А ты что скажешь? Думаешь, он понимает?

— Понимаааа! — ответил Кенни.

— Правда?

Малыш засмеялся.

— Ты понимаешь, какое сокровище твоя мама, лапусик? Она гений! Она...

Но Кенни услышал слово «мама» и начал вертеться, верещать и повторять: «Мама, мама, мама!»

— Спасибо, Лия, — сказал Бизон.

— Извини, — ответила она действительно виноватым голосом. Не будь этого, Бизон уже готов был выдать: «Блестяще. Очень умно».

Лия умела влиять на него. Она попыталась было сменить тему и отвлечь Кенни, но надо было изобрести что-нибудь такое, что заинтересовало бы Кенни, а не Бизона.

— Я серьезно, — сказала она. — Знаешь, что я из всего этого узнала? Хлоя знает, сколько крупных океанских судов водоизмеще-

нием в тысячу тонн или больше было в мире прежде, чем вода обратилась в кровь.

— Ты серьезно?

— Ты! — повторил Кенни.

— Серьезно, — ответила Лия. — Как ты думаешь сколько?

— Понятия не имею, — ответил Бизон. — Несколько тысяч, наверное.

— Можно, я угадаю? — сказал Зик.

— Зи! — крикнул Кенни.

— Больше тридцати тысяч.

— Таких крупных судов? — усомнился Бизон. — Многовато как-то.

— Он прав, — сказала Ли. — Хлоя что-то тебе рассказывала? Откуда ты знаешь-то?

Зик не смог скрыть улыбки.

— Ага, она мне говорила. Но у меня ведь очень хорошая память, не правда ли?

Бизон подумал обо всем этом.

— А что случилось со всеми этими кораблями? — спросил он.

— Погибли, — сказала Ли. — Утонули в воде. То есть утонули в крови.

— А если Господь снимет наказание? И кровь снова станет соленой водой, что тогда?

Она покачала головой:

— Понятия не имею. Я даже представить не могу, как отчистить корабль от крови, а такое ведь везде.

— И отдохлой рыбы, — добавил Зик.

— Рыба!

— Кто выдержит такую вонищу? В новостях этого не показывают, но люди стара-

ются уйти с побережья. Если ничего не изменится, смрад только усилится, начнутся болезни и все такое. Эх!

— Эх!

Бизон отпустил Кенни побегать.

— Не знаю, как с этим справляется Карпати. От такого не отмажешься, не представишь в выгодном свете. Ежедневно умирают тысячи, а еще есть команды кораблей, брошенные на произвол судьбы... Они ведь тоже в конце концов умрут. Знаешь, Лия, несколько лет назад я писал статью о том, насколько Панама зависит от своей индустрии перевозок. И что станет теперь со странами, подобными ей?

Она перевернула несколько страниц.

— Это единственная страна, у которой судов больше, чем в Греции, — сказала она. — Страна обанкротится.

Упоминание о Греции заставило Бизона посмотреть на часы.

— Там уже далеко за полдень, — сказал он. — Если план сработает, они должны быть готовы к вылету, как стемнеет.

— А почему они ждут?

Бизон пожал плечами:

— Мак считает, что это даст им преимущество. Он не знает, как там сложится, но если им придется с оружием в руках пробиваться или пытаться бежать, он считает, что в темноте это будет им сподручнее.

Лия сидела, глядя куда-то в пространство, словно бы и не слышала его.

— Ты о чем задумалась? — сказал Бизон.

— Я ждала звонка или письма примерно в это вот время. Хлоя сказала мне, что какой-то бизнесмен имеет нечто, что мы хотели бы переправить в Петру. Какие-то дешевые сборные дома.

— И?..

— Богатый человек. Сделал состояние на страшно дешевом строительстве, затем уверовал. Очень вовремя. Полностью запал на Ционовы графики и схемы, вычислил, что Явление во Славе будет точно через семь лет после подписания соглашения между Карпати и Израилем.

— А разве ты не так же?

— Ну да. И если бы Цион сказал мне, что сегодня — это вчера, я бы поверила. — Было понятно, что она упустила мысль. — Мне не хватает его, Бизон. Я постоянно молюсь за него.

— Мы все молимся.

— Не как я.

— Я знаю.

— Что?

— Я знаю.

— Знаешь?

— Конечно, — сказал Бизон. — Одна мысль о нем заставляет тебя забыть о том, что ты только что говорила.

— Неправда! — У нее был растерянный вид.

— Докажи.

— Мы говорили... э-э-э... о кораблях. Панама и Греции.

— Мы уже дошли до сборных домов, Лия.

— Ну да, а что?

— Итак, кто этот человек и что мы хотим от него услышать?

Ли встала и посмотрела в дырочку в окне, залитом черной краской.

— Я не уверена, — сказала она. — Он отсюда, из Иллинойса. Что-то там Гроув. Говорит, что нам осталось меньше трех с половиной лет и что он просит нас придумать способ, чтобы перебросить его материалы в Петру. Говорит, что эти дома он соберет за считанные дни. Как думаешь, Бизон, он выжил?

— Выжил где?

— В бомбардировке.

— Этот человек в Петре?

— Да я о Цione!

— О, прости. Мы снова вернулись к нему. Я точно так же волнуюсь за своего тестя, Хаима и Абдуллу, но я думаю, что да.

— Что — да?

— Думаю, все они живы.

— Но ведь из новостей мы этого никак не узнаем, да?

— Нет. Но Чань узнает. Он все знает.

* * *

Чань пропустил ужин, так что, когда его рабочий день закончился, он вернулся к себе из общей столовой с сумкой, набитой едой. Он очень о многом хотел услышать, но в

первую очередь его заботила судьба сестры. Он не знал, где сейчас его родители — еще в пути или уже в убежище, но без клейма верности они в любом случае были под ударом. Он передал им контактную информацию о подпольной церкви в их провинции, но он не знал, вышли они с ней на связь или хотя бы попытались это сделать.

Как Минь их найдет, если даже он не знал, где они находятся? И сколько она будет добираться до Китая, если она направилась на восток из Соединенных Штатов Северной Америки?

В дворцовом комплексе царил мрачное настроение. Все торопливо расходились по своим комнатам. Странный был день. Кто не видел налета на мятежников? Обманули ли хоть одного человека заявления о так называемых технических проблемах, из-за которого прервали прямой репортаж именно в тот момент, когда пилот ясно сказал, что видит внизу живых людей?

Чань на всякий случай глянул в обе стороны коридора, быстро вошел к себе и запер дверь. Запустил в компьютере короткую программу, которая показывала, нет ли в комнате «жучков». Она показала, что его системы, установленные еще Давидом Хасидом и оставленные ему по наследству для использования и хранения, по-прежнему безопасны и функционируют нормально.

Чань жадно проглотил фрукты и крекеры, затем проверил электронную почту. Там было подтверждение, присланное на исполь-

зуемое им вымышленное имя чиновника МС из администрации авиаперевозок: «Пассажир — миротворец МС Чань Чоу из сектора 30 вылетел вместе с пилотом Лайонелом Уолумом, Лонг-Гроув, Иллинойс. Полетный план — беспосадочный перелет до Паули-Айленд, Южная Каролина. Документы мистера Чоу в порядке, пункт прибытия — Сан-Диего, Каролина. Примечание: у Уолума нет клейма верности, но мистер Чоу заверил, что позаботится об этом, когда они доберутся до Южной Каролины».

Чань поблагодарил, затем порылся в базе данных, чтобы найти рейсы из Паули-Айленд в Сан-Диего. Имя летчика, назначенного на этот рейс, прозвучало в голове Чаня словно сигнал. Это был пилот общества взаимопомощи. Значит, Минь пользовалась услугами людей из взаимопомощи, чтобы добраться до Китая. Был ли этот Уолум тоже из взаимопомощи? Он порылся в записях Хлои. Ничего. Если он и был из взаимопомощи, его еще ни разу не использовали, или она, по крайней мере, не занесла его в списки. Может, он пользовался другим именем, или Хлоя еще не успела ввести его имя в общую базу.

Чань пробежался по международной базе МС, и пока поисковик искал Уолума, он закончил обед. Когда он вернулся к компьютеру, он нашел и фото, и целую страницу информации о Лайонеле Уолуме из Лонг-Гроув в Иллинойсе. Он был афроамериканцем. Он с женой и тремя детьми

переехал из Чикаго в пригороды, когда его бизнес стал успешным. Он имел много гражданских и бизнес-наград. Его степень верности Мировому Сообществу отмечалась как «неопределенная, но не вызывающая подозрений».

Чань переключился на другую базу данных и скопировал информацию из центра внедрения верности в Стейтсвилле в Иллинойсе. Вернувшись к информации по Уолуму, он изменил степень верности на «подтверждено», зафиксированную отделением МС в Стейтсвилле под датой, когда Уолум получил свое клеймо. Если он действительно из взаимопомощи, это снимет с него подозрения. И Минь получит намек, что Чань следит за ней.

Компьютер Чаня пискнул, и на экране развернулось сообщение, которое оповещало его и прочих служащих МС о «трагический гибели обоих пилотов, участвовавших в сегодняшней атаке на мятежников. Из-за ошибки пилота ракеты прошли мимо более чем на милю от цели, а снаряды мятежников поразили и уничтожили оба самолета. Мировое Сообщество выражает искреннее соболезнование семьям этих героев и мучеников, павших жертвой ради поддержания мира во всем мире».

Чань быстро вернулся к спискам ангара и увидел, что оба самолета стоимостью в несколько миллионов ников вернулись назад и оба внесены в отчет. Оба пилота, по данным морга, считались погибшими — «остан-

ки доставлены с места крушения в пустыне Негев». Их личные дела уже были отмечены красным с указанием даты гибели.

Он включил запись из кабинета Акбара, относящуюся примерно к тому времени, когда первый самолет вернулся. На записи был ясно слышен разговор Акбара с секретарем, а также было слышно, как пилота выводили из кабинета. Через несколько минут снова обмен любезностями, приглашение садиться. Затем голос Сухайля:

— Вы сегодня славно постарались.

— Благодарю вас, сэр, — слышался голос, говоривший с британским акцентом. — Отлично выполненное задание. Чувствую себя удовлетворенным.

— Мне очень жаль, но вы знаете, что задание провалено?

— Сэр?

— Результат отрицательный.

— Я не понимаю, директор. Оба снаряда легли точно в цель, весь район выжжен, как и было приказано. Когда я повернул назад, снаряд был выпущен, и согласно тому, что я слышал...

— Вы правда не знаете, что не попали в цель?

— Сэр, если координаты были верны, то мы не промахнулись.

— Молодой человек, жертв нет!

— Невозможно. Я видел людей перед тем, как мы выпустили ракеты, и за несколько минут перед тем, как вернуться на базу, я видел только пламя.

— Как я уже сказал, вы хорошо постарались. Увы, человеческий фактор привел к полной неудаче.

— Я не... я в растерянности, сэр.

— Вы будете понижены в звании. Официальная версия такова: вы не знаете, как такой значительный недочет вообще мог произойти.

— Простите, сэр, я не уверен, что он вообще был, этот недочет!

— Если я говорю — был, значит, именно так вы и будете говорить всем, кто станет вас спрашивать.

— Я не буду такого говорить! Либо вы доказываете мне, что мы промахнулись, или я буду говорить всем, что выполнил задание безупречно!

— В свое время вы увидите по рекогносцировочным снимкам, что в Петре не было жертв.

— А вы сами их видели?

— Конечно.

— И у вас нет сомнений в их достоверности?

— Нет, сынок.

Повисло долгое молчание. Затем молодой человек снова заговорил несчастным голосом:

— Если на той горе выжил хоть один, то это чудо. Вы сами знаете, что мы там сбросили. Вы сами отдали этот приказ! Другого объяснения нет, и я не хочу за это получать по шее.

— Вы уже получили. И вы, и ваш товарищ будете переведены на другие должности, а как отвечать на вопросы, вы знаете...

— Я не буду подтверждать то, во что не верю, сэр.

— Ну-ну, друг мой. Я вижу цифру 2 у вас на руке и изображение нашего вождя. Вы лояльный гражданин. Вы поможете в этом деле...

— Неужели потентат захочет, чтобы я сказал, что сделал ошибку, когда я ее не совершал?

— Но вы сделали ее.

— Нет.

— Его святейшество весьма разочарован тобой, сынок.

— Я не стану этого делать, директор Акбар.

— Извините?

— Я не буду играть в эту игру. Я очень горжусь выполненной работой. Я не оспаривал приказа. Я верил, что эти люди опасны и угрожают Мировому Сообществу. Я сделал то, что мне было приказано, и я выполнил все четко. Никто не может сказать, что я промазал по главной цели, или что наши «восемьдесят вторые» не выжгли весь тот район вместе со всем, что там находилось. Если у вас есть точное доказательство того, что именно те самые люди выжили, то тогда я буду называть все своими словами. Я не согласен с понижением в должности и не буду, как попугай, повторять то, что вы требуете. Если эти люди по-прежнему живы, то они сильнее нас. Если они до сих пор живы — они победят. С этим мы ничего поделать не можем.

— Вы понимаете, что не оставляете мне выбора?

— Сэр?

— Мы не можем допустить, чтобы персонал увиливал от ответственности за собственные ошибки.

— Вам не удастся заставить меня замолчать.

Акбар рассмеялся. Его прервал вызов по внутренней связи.

— Первый пилот ждет, сэр.

— Пусть войдет.

Как только Чань услышал звук открываемой двери, британец снова заговорил:

— Скажи ему, Ури. Скажи ему, что мы не напортачили!

— Что?

Разговор возобновился. Акбар обвинял пилотов в ошибке, британец протестовал, Ури некоторое время молчал.

— Извините, я на минуточку, — сказал Сухайль. Дверь открылась и закрылась.

— Керри, — сказал Ури, — слушай. Он прав. Они...

— Он не прав! Я видел то, что видел, и я никогда...

— Тсс! Слушай! Оба мы знаем, что выпустили снаряды точно в цель. Но я еще оставался на месте, когда ты ушел. Ты слышал мою передачу. Эти люди остались живы после двух бомб и ракеты, они выжили!

— Невозможно!

— Невозможно, но это правда.

— Это чудо.

— Стопроцентно.

— Тогда нам придется с этим смириться, Ури. Мы должны открыть глаза МС и всему

миру. Это более чем страшный враг, и если мы этого не признаем, мы никогда их не победим.

— Согласен. Ты слышал, что я уже пытался это объяснить.

— Так они отрезали мне связь! А теперь хотят сделать из нас козлов отпущения. Понизить в звании. Заставить признать ошибку!

— Только не меня, — ответил Ури.

— И не меня, — сказал британец.

Они подбодрили друг друга.

— Держись.

— Не сдавайся.

— Давай держаться заодно.

Чань проверил телефон Акбара.

Сухайль позвонил в медицинский отдел и попросил доктора Консуэлу Кончиту. Только вчера Чань читал бюллетень по личному составу, в котором говорилось, что она получает повышение и становится главным хирургом Мирового Сообщества.

— Конни, — говорил Акбар, — мне нужны две убойные дозы успокоительного, причем быстросействующего. В мой кабинет, срочно. У меня там охрана на случай, если пациент будет сопротивляться. И нужны каталки из морга.

— Морга?

— Я хочу, чтобы их кремировали.

— Так тебе нужны смертельные дозы?

— Нет-нет. Я просто хочу, чтобы их вывезли отсюда прежде, чем они отключатся, под простынями. А кремация доведет дело до конца. Не так ли?

— Покончит с ними? Конечно. То есть ты просишь меня отправить на тот свет двоих человек?

— Это приказ сверху, Консуэла.

Молчание.

— Поняла.

Чаня перевернуло, когда он слушал запись, где Сухайль пытался убедить пилотов, что им сделают инъекции, просто чтобы их успокоить. Они начали кричать и отбиваться, и Чань даже мог сказать, когда их повалили и сделали инъекции. А теперь их нет. Все, кто видел, как они приземлялись в Новом Вавилоне и шли от ангара во дворец и в кабинет Акбара, никогда не признаются в этом и ни слова не проронят. Их сбили враги, и точка.

Чань снова проверил машины. Их серийные номера уже поменяли. А машины под первоначальными номерами были отмечены как уничтоженные в бою. А вот общая численность эмсовских действующих бомбардировщиков почему-то осталась прежней.

То, что сейчас разворачивалось на экране перед Чанем, будет вечером транслироваться по всему миру. Несомненно, Карпати лично выразит соболезнование семьям погибших.

Чань просмотрел записи из Греции и увидел, что Нельсон Стефанич передал координаты местонахождения искомой личности группе «Хоуи Джонсона». Но до темноты оставалось еще два часа, а Мак намеревался нанести визит, когда стемнеет. У Чаня было

время, чтобы подтвердить инструкции Мака обслуживающему персоналу аэропорта в Птолемаиде — заправить «блесну», а также ввел в компьютер приказ, чтобы старшему командующему Джонсону обеспечили свободный вылет в Новый Вавилон по высшему уровню.

Сделав дело, Чань нашел номер сотового телефона Стефанича и передал его Маку.

— Больше вам ничего не нужно? — спросил он.

— Мне по-прежнему надо узнать, где находится та малышка Ставрос.

— Пока ничего нет, сэр. Вы еще надеетесь?

— Надежда есть всегда, Чань. Но таков уж я.

— Спросите Стефанича.

— Да непременно. Эй, Чань?

— Сэр?

— Кто лучше тебя?

— Спасибо, сэр.

Наконец, Чань смог прослушать остальные записи за этот день. Он нашел одну из кабинета Карпати и прокрутил ее назад до того момента, как Николае, его секретарша Кристелл, Леон Фортунато, Сухайль Акбар и Вив Айвинз уселись смотреть трансляцию из кабины первого бомбардировщика. Сухайль только что сказал потентату, что организовал прямую видеопередачу, и Карпати сгорал от нетерпения. Чань пропустил несколько минут, пока Сухайль делал настройку, а Николае приглашал в комнату разных людей.

Затем началось самое оно. Акбар сообщил Карпати, что бомбардировщики стартуют из Аммана и что он может вывести это на монитор, «если вы пожелаете».

— Если пожелаю? Да конечно!

— Дворец — командованию в Аммане, — сказал Сухайль.

— Амман, на связи.

— Начать визуальное освещение взлета.

— Понял. Исполняю.

Несколько секунд тишины. Затем голос Карпати:

— Сухайль, это и есть бомбардировщики? Это не оптический обман? Они же просто огромные!

— Они такие и есть, ваше святейшество. Они всего несколько недель как поступили на службу. Заметьте — как высоко они стоят на земле. Таких высоких шасси нет ни у одного самолета. Это для того, чтобы можно было подвесить бомбы.

— Так это бомбы внизу?

— Да, сэр.

— Ничего себе! Они такие здоровенные!

— Немного великоваты, чтобы нести их внутри корпуса, сэр. Они четыре с половиной фута в диаметре и одиннадцати футов длиной. Одна бомба весит пятнадцать тысяч фунтов.

— Невероятно!

— О да, сэр. Они транспортируются на так называемой подвеске.

— А что в них, Сухайль? Чем мы сегодня попотчуем врага?

— Американцы называли их «Биг-Блю-82». Это бомба объемного взрыва. Восемьдесят процентов ее веса приходится на гель, состоящий из полистирола, нитрата аммония и порошкообразного алюминия.

— Она такая же убойная, как кажется по ее величине?

— Ваше превосходительство, — сказал Сухайль, — мощнее только ядерная бомба. Эти бомбы разработаны так, чтобы взрываться в нескольких футах от земли и создавать ударную волну силой в несколько тысяч фунтов на квадратный дюйм. Она уничтожит все — даже мелких тварей под землей — на площади в две тысячи акров. Один гриб поднимется более чем на милю в воздух. А мы ведь сбросим две бомбы.

— Плюс ракету.

— Да, сэр.

— Огонь?

— О, ваше высочество, вот это самое замечательное! Каждая бомба объемного взрыва создает огненный шар диаметром шесть тысяч футов.

Чань сжался, услышав громкое шипение, — перед его глазами прямо как живой предстал Карпати, глубоко втягивающий воздух через нос и выдыхающий сквозь стиснутые зубы.

Позже, когда пилоты сбросили свой груз, Николае сказал:

— Сухайль! Как быстро мы сможем передать это по телевидению?

— Я думаю, это дело всего лишь нескольких щелчков клавиши, ваше...

— Сделай это! Немедленно!

Запись прерывалась лишь периодическими выкриками Карпати:

— Ах! Глядите! Ох! Замечательно! В цель! Обе в цель! Успех — лучшая месть.

— Совершенно верно.

— И победа.

— Да, сэр.

— Полная и окончательная, — сказал Николае.

Радостное хрюканье со стороны остальных.

Громкий вздох, закончившийся рыком. Это напомнило Чаню льва, которого он видел в зоопарке в Пекине. Он только что сожрал несколько фунтов сырого мяса, рыкнул, зевнул и потянулся, положил тяжелую голову на лапы и вздохнул вот точно так же, кончив глухим грудным рыком.

Несколько минут они смотрели, и, в конце концов, кто-то поздравил Николае.

— Вот и все, ваше величество.

Это говорила Вив Айвинз. Карпати не ответил, и Чань подумал, что она, наверное, до сих пор в немилости. На поздравления остальных он только сухо благодарил.

Предложение первого пилота отменить запуск ракеты было тут же отвергнуто Сухайлем.

— Да, — слышался на заднем плане голос Николае. — Очень хорошо, директор Акбар. Финальный удар.

Когда пилот начал было что-то говорить, Сухайль тут же перебил его. Затем повисло

молчание, которое в конце концов прервал Карпати:

— У меня галлюцинации или он осмелился возражать?

— Он почти превысил полномочия, ваше превосходительство.

— Наказать его! — рявкнул Леон.

— Не думаю, чтобы он предполагал, что я его услышу. Он лично видит то, что мы видим лишь на экране. Конечно, ему это показалось излишним.

— Но все же... — сказал Леон.

Кто-то заставил его замолчать.

Когда бомба упала и пилот начал прерывистым голосом свой сбивчивый комментарий, Чань услышал грохот откатившегося кресла, как будто кто-то резко вскочил.

— Что?!! — Это был Николае.

— Невозможно! — Фортунато.

— Прервать трансляцию! — приказал Карпати, и Акбар громко повторил приказ.

Звук шагов к столу и, как предположил Чань, к монитору. Открылась дверь. Люди выходят — все, кроме Николае и Сухайля.

— Две наши самые большие зажигательные бомбы? — прошипел Карпати. — Ты сказал, одной будет более чем достаточно.

— Так и должно было быть.

— Мы видели пламя, видели, как они горели. Сколько это длилось?

— Довольно долго.

Несколько минут относительной тишины. Чань слышал, как Карпати тяжело дышит. Когда потентат, в конце концов, заго-

ворил, в голосе его слышалось отчаяние, он задышался.

— Слушай меня, Сухайль.

— Да, сэр.

— Ты слушаешь?

— Да, сэр.

— Разберись с этими пилотами. Они промахнулись. Они провалили задание. Их обманули собственные глаза. Не дай иегудайтам похвалиться этой победой! Не дай!

— Я вас понял, сэр.

— Тогда свяжись с остальными девятью региональным потентатами лично. От моего имени. Скажи, что иегудайты подняли оружие против нас и нанесли нам тяжкий удар. Мы оплатим им той же монетой. Я совсем недавно сказал им об этом.

— Это так, сэр.

— И этот час расплаты пробил. Бюджет неограничен. Я санкционирую, прощу, поддержу и вознагражу каждое убийство еврея, где бы в мире оно ни произошло. Я хочу, чтобы это стало первоочередной задачей и было выполнено во что бы то ни стало. В тюрьму их. Пусть страдают. Пусть будут опозорены. Пусть их Бог будет оплеван. Отнять у них все, что они имеют. Для потентата нет ничего важнее. Ты понял?

— Понял.

— Тогда ступай. Сделай это прямо сейчас.

— Да, сэр.

— Сухайль!

— Сэр?

— Пришли ко мне достопочтенного Фортунато.

Через несколько секунд в комнату с шумом влетел Леон.

— О, ваше превосходительство, я не знаю, что сказать. Я не понимаю! Что...

— Мой дорогой достопочтеннейший Фортунато. Поцелуй мне руку.

— Чем я могу послужить вам, потентат? Я преклоняюсь перед вами!

— Молчи и внимай. Ты по-прежнему безгранично мне предан?..

— О да, прев...

— Тсс... мой достопочтеннейший отец карпатианства?

— Да, всем сердцем!

— Леон, ты любишь меня?

— Ты же знаешь, что да!

— Я дорог тебе?

— Вся душа моя...

— Ты поклоняешься мне?

— О, возлюбленный мой...

— Встань, Леон, и слушай. Мои враги надсмехаются надо мной. Они совершают чудеса. Они отравляют ложью мой народ, призывают кары небесные, превращают моря в кровь. А теперь еще это! Они выживают после бомбежки и среди пламени! Но и у меня есть сила. И ты это знаешь. И тебе она доступна, Леон. Я видел, как ты ею пользовался. Я видел, как ты призвал молнии, которые испепелили тех, кто мог бы восстать против меня. Леон, я хочу победить огонь огнем. Я хочу Иисусов. Ты понял меня?

— Сэр?

— Мне нужны мессии.

— Мессии?

— Я хочу спасителей во имя мое.

— Поведай мне больше, высочайший.

— Найди их. Найди тысячи их. Обучи их, возвысь их, напитай их силой, которой я благословил тебя. Я хочу, чтобы они исцеляли больных, превращали воду в кровь и кровь в воду. Я хочу, чтобы они вершили чудеса именем моим, привлекая ко мне нерешительных, да, даже отвращая моих врагов от их Бога ко мне.

— Я сделаю все, что ты приказал, высочайший.

— Сделаешь?

— Сделаю, если ты дашь мне силу.

— Преклони снова колени передо мной, Леон.

— Возложи свои руки на меня, о восставший из мертвых.

— Я дарую тебе всю силу, дарованную мне свыше и от земли! Я даю тебе силу совершать деяния великие и могущественные, чудесные и ужасные, столь блистательные и невообразимые, что никто, узрев это, не сможет усомниться в том, что я есть их бог!

Леон рыдал.

— Благодарю тебя, господь мой. Благодарю тебя, высочайший.

— Ступай, Леон, — сказал Карпати. — Ступай же скорее и сверши это.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Джордж чувствовал себя вполне сносно. Он прикинул, сколько же прошло времени с тех пор, как его запихнули на заднее сидение джипа. Он сидел на противоположной от водителя стороне. Перед ним сидела Елена, рядом — Платон. Главный сел за руль и приказал Платону снова завязать Джорджу глаза. Джордж был доволен, что у него есть предлог подпрыгивать на кочках и валиться на Платона. Если рассчитать время правильно, то, может, он ему и головой в челюсть заедет.

Главный затормозил, и джип остановился. Некоторое время они просто стояли.

— Где он? — пробрюзжал он.

— Там, у дороги.

— Что он там делает? — Громкий вздох. — Сократ! Иди сюда! — Джордж услышал прихрамывающие шаги. — Ты разобрался с машиной?

— Все шито-крыто, Аристотель.

— Давай ключи.

— Зачем? А вдруг она мне понадобится?

— Это все испортит! Давай сюда!

Джордж услышал звяканье, когда Аристотель брал ключи.

— Сам подумай! — сказал он. — Сейчас, что бы ни случилось, у тебя нет ключей, которые ты мог бы отдать. И держись подальше от дороги! У тебя нет повода быть здесь. Просто жди поблизости. — Аристотель понизил голос, словно считал, что если Себастиану завязали глаза, так он еще и оглох. — Помни: чем ближе ты к срыву, тем легче тебе поверят.

— Ты думаешь, у меня получится?

— Я это знаю! Ты по-прежнему умеешь пускать слезу по желанию? Так и пусти в нужный момент. Должно показаться, что ты сделал все прежде, чем сломался. А теперь — извини, мне жаль, что тебе сейчас достанется, но это важно для нашего дела.

* * *

Хлоя понимала, почему ее отец так восхищался Маком. Он был прост и прям, но в то же время педантичен. Он разложил странички местного эмэсовского досье на Себастиана на панели управления позаимствованной машины. Они изучали досье в лесах к северу от Птолемаиды, где у них была в густых за-

рослях спрятана еще одна машина — джип без ключа. Хлоя сидела на пассажирском сиденье, Ханна заглядывала сзади им через плечо. Все трое были в эмсовском камуфляже, лица их были перемазаны грязью.

— Они думали, что их подсадная утка похожа на ту девочку, Ставрос.

— Георгиану, — сказала Ханна.

— Верно. Настоящее имя ее Елена, фамилия начинается на А. Хмм, только у нее указано настоящее имя. Сдается, они не намерены ее прикрывать. Затем пара каких-то незначительных местных, оба вроде пытались откосить от службы в миротворцах, но влипли в этот «отряд бдительности». Ох, целая куча кличек.

— Один из них вожак, Мак, — ткнула в бумагу Ханна.

Мак покачал головой.

— Аристотель. Другой — Сократ. Очень творческий подход. С учетом этого Елена должна бы быть Еленой Троянской? А этот здоровенный громила, которого готовили на подмену Джорджу — Платон? Бог ты мой! Ладно. Вам нужно только не терять друг друга из виду. Он француз. Направлен специально для этой операции. Себастиан будет оскорблен. Этот парень и правда здоров, но ростом не вышел. За Джорджа не сойдет.

Мак по-прежнему посматривал на часы, но даже когда начало темнеть, они продолжали читать и запоминать. Наконец, они были вынуждены включить свет в салоне и три маленьких фонарика.

— Первоначальный план был не так уж и плох, — сказала Хлоя. — Просто кто-то не стал сотрудничать.

— Я не знаю ни парня, ни того, постарше, который был за рулем, — сказал Мак. — Но судя по тому, что я знаю о Миклосе, это он. Как бы то ни было, кто-то почуял предателя. Они должны были подобрать девушку в восьми километрах от аэропорта, затем Платон, выдавая себя за Себастиана, появляется на дороге.

— Но Себастиан должен был встретиться с ними ближе к аэропорту.

— Они просто обязаны были сделать так, чтобы сделка состоялась до того, как он придет проверить, — сказал Мак. — Они чрезвычайно гордятся тем, что вот так изменили план. Похоже, они сначала хотели захватить их всех, включая Джорджа, а затем пригрозить перестрелять всех, если Джордж откажется говорить. А если бы он заговорил, они все равно убили бы всех, если бы они отказались от клейма верности.

Хлоя чуть приподняла страницу.

— А мы это знали? — сказала она.

— Что именно? — спросил Мак.

— Что всех троих застрелила девушка.

Когда время начало приближаться к часу Х, Хлоя ощутила трепет в душе. Мак посмотрел на координаты и прикинул, что они находятся где-то в сорока минутах езды от того места, где держат Джорджа. В 21:30 он позвонил Стефаничу с личного сотового по номеру, данному Чанем.

* * *

Поздним утром в Чикаго Бизон и Энох собрали своих людей.

— Последняя информация, — сказал Бизон. — Чань нашел на след Минь, похоже, она направляется в Сан-Диего. Оттуда она собирается попасть в Китай. Проблема в том, что она не знает, где находятся ее родители, и, насколько мы знаем, и не могла узнать.

— А как она доберется до Сан-Диего? — спросил Альби.

— Долгий рассказ. Сдается, она вылетела с каким-то частным пилотом из Лонг-Гроув в Южную Каролину, затем она сможет...

— Ого! — воскликнула Лия. — Минуточку! Лонг-Гроув?

— Да. Затем она...

— Бизон! Того пилота, часом, не Уолум зовут?

— Не знаю. Дело в том, что она...

— Дело в том, что если это он, то это именно тот самый парень, который готов поставлять строительные модули в Петру.

Бизон осекся:

— Не понял.

— Она может направляться в Петру.

— Не выйдет. Там слишком суровая блокада.

— Ну да.

— Может, она просто летела с парнем, который направлялся в Петру, но сама она летит не туда.

— Стоит за это помолиться. — сказала Лия.

— Мы для этого и собрались.

— Значит, Минь воспользовалась контактом взаимопомощи...

— Мы можем продолжать, Лия?

— Конечно, но мы ведь даже не проверяли его пока. Не знаю, не подсадная ли он утка. Ая-то думала, когда Минь рылась во всех этих отчетах, что она просто помочь хочет.

Бизон склонил голову набок.

— А разве не ты сама сказала, что Минь взрослая женщина и имеет право делать, что хочет?

* * *

Мак удивился, когда трубку взяли только после четвертого звонка. Устав МС требовал, чтобы командир всегда был доступен для связи с начальством.

— Нельсон Стефанич слушает, — слышалось, наконец, — и я отвечаю по закрытому номеру только потому, что сейчас осуществляется операция, так что говорите, какое у вас дело.

— Эй, Нелли, как тебя там, Стефанич, ты что о себе там возомнил?

— Это...

— Извини, что не зашел к тебе днем. Хоуи Джонсон на связи.

— Да, сэр, командующий. Мы знакомы?

— Не-а, но я много хорошего о тебе слышал, так что будто и знаком, ну, ты просекаешь.

— Спасибо, сэр.

— Спасибо за инфу, что скинул мне сегодня.

— Без проблем.

— Мы сейчас к тебе подкатим, Нельс, так что предупреждаю, чтобы ты дал пинка своему Аристотелю — пусть знает, что мы едем. Надеюсь, твой телефон не прослушивается.

— Конечно, командир.

— Ладно-ладно. Я не хочу, чтобы твои ребята обделались со страху. Пусть ждут нас и не начинают палить, как только услышат мотор. Мы их тоже обижать не хотим, так что прямо в дверь к ним не въедем. Мы подойдем пешком, и как только окажемся на расстоянии слышимости, я громко свистну пару раз. Пусть ответят. И я пойму, что мы можем спокойно продвигаться дальше.

— Понял. Вы свистнете два раза, они один раз.

— И еще пусть усвоят — как только я появился, я главный.

— Да, сэр. Непременно.

— Кстати, с именами — хорошая выдумка.

— Спасибо. Я...

— Слушай, мы все забываем поговорить о первоначальной цели, этой самой...э-э-э... Г. Ставрос, что сбежала из тутошней каталажки. Какова ситуация?

— Ну, вы же знаете, что именно она послужила источником основной информации и здешнем иегудаитском подполье.

— Значит, она ценный кадр.

— Да, была.

— Была?

— Верно. Устранена.

— Даже так?

— Да, сэр. Она отказалась от клейма, даже выдав нам много информации.

— Гильотина?

— Вообще-то нет, сэр.

— Но вы же знаете, что официально в таких случаях применяется гильотина, командир Стефанич. Так или нет?

— В обычных условиях — да, сэр.

— И что в этом случае было необычного?

— Она, ну, начала выдавать нам ложную информацию.

— Например?

— К примеру, мы так и не получили прямого ответа на вопрос, где в настоящее время затаились подпольщики. Ее захватили во время одного из налетов на место их встречи, так что мы знали, что если она вернется, то она должна выйти как минимум на одно из новых условленных мест встречи.

— Звучит разумно. Но она не сказала где, ага?

— Нет, сэр. После очередного безрезультатного налета она была...

— Устранена?

— Да, сэр.

— Каким образом?

— Расстрельный взвод.

— Для расстрела какой-то одной девки-подростка понадобился целый взвод?

— Ну, это фигура речи, сэр.

— Внимательно слушаю.

— Любой на определенном уровне имеет право атаковать личный состав врага в чрезвычайной ситуации.

— Стрелять на поражение?

— Именно так.

— И тот, кто это делает, разделяет ответственность с остальными? Это так следует понимать — расстрельный взвод?

— Верно.

— Так это ты ее пристрелил, командир, верно?

— Да, сэр, я.

— Что же, тут ты проявил замечательную, почти неопишемую силу духа, Нельсон.

— Спасибо, сэр.

— Я понимаю, что ты сделал это ради Мирового Сообщества, с глубокой ему благодарностью. Ты хорошо начинаешь.

— Большое вам спасибо, сэр.

— Ты меня не благодари, командир Стефанич. Мне очень хотелось бы лично наградить тебя за это...

— Я просто выполнял свой долг, сэр...

— ...воздать тебе за службу.

— Ну, я не знаю, что и сказать. Это было бы...

— Ладно, Нелли, не будем тратить время. Оповести греческих философов и их дамочку, что мы скоро к ним подъедем, ладно?

— Я все сделаю. Э... сэр?

— Слушаю, — ответил Мак.

— Мы надеемся, что вы нам поможете, конечно, но вы должны знать, что мы весьма польщены участием в этой операции.

— О, вы еще не так обрадуетесь.

— Ну, я бы мог по вашим словам и сам догадаться, но ваша помощница дала мне понять, что вы можете выказать неудовольствие нами, если мы не предоставим в ваше распоряжение заключенного. Мы хотели наградить всех участников операции за успех.

— Я понял вас, командир. Не беспокойтесь на этот счет. Не буду скрывать, что мы намерены оперативно отреагировать на их достижения.

* * *

— Мы также вознесем благодарность за то чудо, которое было нам явлено сегодня в Петре, — сказал Бизон. — То, что два опытных пилота промахнулись на таком близком расстоянии... Ну, слава Богу!

Остальные рассмеялись.

— Да уж, — сказал Альби. — И то, что все люди все равно каким-то образом оказались охвачены пламенем, это, скажем так, удивительно.

— Но если серьезно, — вступил Бизон, — то пути Господни неисповедимы, и мы не должны принимать Его власть и покровительство, Его заботу о нас и защиту, которую Он простирает над теми, кто нам дорог, как данность.

При этих словах люди начали опускаться на колени и благодарить Господа. Энох возглавил молитву за безопасность «наших новых друзей, наших братьев и сестер — Мака, Ханну и Хлою, находящихся на опасном задании. Защити их, иди пред ними, пошли ангелов на их защиту, и пусть они вернут домой целым и невредимым нашего калифорнийского брата, чтобы мы могли поблагодарить его и возрадоваться вместе с ним».

* * *

Хлоя была просто счастлива, когда Мак обернулся к ней и протянул руку ей и Ханне. Они оба вложили руки ему в ладонь, и все вместе помолились. Молитва была недолгой и не красноречивой. Но молитву вел Мак, и казалось, будто он знает, с кем говорит. Это успокоило Хлою. На время. Немного.

Когда Мак подъехал примерно на полмили до их места назначения, Хлоя с удовольствием выбралась из машины. Почва была неровной, но вполне приемлемой, а короткая прогулка хорошо успокаивает нервы. Все они отключили сотовые и сунули их в левый задний карман. Их рации, спрятанные в задних карманах, были настроены на одну частоту и поставлены на небольшую громкость.

Хлоя сняла с предохранителя старый «люгер», прикрепленный к правому бедру, а Ханна отстегнула кожаную застежку на ко-

буре «глока». На плече у каждого висел заряженный «узи», находившийся под правой мышкой.

Мак бросил Хлое из багажника лазерную винтовку, и она забросила ее на левое плечо. Он протянул Ханне маленькую, но тяжелую брезентовую сумку с запасными магазинами для «узи» и несколько патронов для винтовки 50-го калибра, которую Мак держал вертикально, сошкой от себя. Он держал приклад четырехфутового орудия весом в тридцать пять фунтов в правой ладони, обхватив левой рукой ствол.

— Хорошо, что я еще в форме, чтобы управляться с этим антиквариатом, — сказал он. — Мне уже шестой десяток пошел, а я все еще могу обогнать любую из вас на длинной дистанции.

— Только не с этой штукой на плече, — сказала Ханна, и Хлоя заметила, как подрагивает ее голос. Ее даже как-то успокоило то, что не она одна трясется от страха.

— Я бы поспорил, — заявил Мак, ловко захлопывая левой ногой багажник. Он поднес компас к фонарику Ханны и двинулся вперед. — За мной, дамы.

Мак шел ровным шагом, и вскоре Хлоя поняла, что взмокла и задыхается. Она чувствовала себя хорошо, вроде и Ханна не отставала. Однако это не могло отвлечь Хлою от опасности. Пока их обман еще не раскрылся. Может, все идет уж слишком хорошо. Но если бы все было так легко, они не вооружались бы до зубов.

* * *

Чань отследил Минь до Сан-Диего и заметил, что она не сможет оттуда улететь до раннего вечера по времени Западного побережья. Он позвонил ей по сотовому.

— Привет, Чань, — сказала она.

— Ты где?

— Это проверка? Ты думаешь, я буду тебя убеждать, что сижу в убежище в Чикаго?

— Ты должна знать, что я с ними говорил.

— Конечно. И судя по тому, как рассчитали дорожку моим пилотам, я могу сказать, что ты довольно быстро меня вычислил.

— Минь, но мне надо знать, где ты в точности находишься и что делаешь.

Она вздохнула:

— Я сижу в маленьком чартерном терминале к югу от Сан-Диего. Мои документы и внешний вид пока работают безупречно. Никто не требует показать клеймо, поскольку я в форме, а когда пилоты видят мою печать верующего, они сразу начинают очень заботиться обо мне.

— Но ведь ты им не говоришь, кто ты?

— Конечно, говорю, Чань, я ведь такая дура непроходимая. Естественно, нет. Меньше знаешь, крепче спишь. С них нельзя спрашивать за то, чего они не знают. Это отличное прикрытие. Они помогают Мировому Сообществу тем, что переправляют его служащего. Втайне они знают, что я из веру-

ющих, но они не знают, что я женщина или бывшая служащая МС и вообще дезертир.

— Минь, ты ведь знаешь, что папа и мама не дома.

— Я так предполагала.

— Тогда как ты их найдешь?

— Буду спрашивать — как уполномоченный. Может, даже арестую их.

— Но ты еще не продумала до конца.

— Продумала, Чань. Даже глубже, чем ты считаешь. Они должны будут выйти на тебя каким-то образом до того, как я туда доберусь. Ты скажешь им, что я еду, и мы условимся о месте встречи.

— А почему ты не могла сказать мне об этом до своего отъезда?

— Потому что ты был бы против. Ты думаешь, что очень много знаешь. И это действительно так. Но ты не знаешь всего, иначе понял бы, что я не могу сидеть в убежище, пока мои родители в бегах. Мы ведь не знаем, воистину ли они уверовали, или нам просто удалось их отговорить соглашаться на клеймо верности. Я должна узнать это точно. Я понимаю, что не смогу спасти их жизни, да и свою тоже. Но я должна что-то сделать.

Чань был тронут. Значит, она все-таки думала об этом. Пусть и не продумала детально. Пусть не разработала стратегию. Но кто бы на ее месте смог сделать больше?

— Как только доберешься туда, ты просто обязана дать мне знать, где находишься, — сказал он.

— Ты ведь любишь меня, Чань?

— Конечно.

— Мы ведь никогда друг другу этого не говорили. Нужды не было.

— Я знаю, — сказал он. — Но мы ведь это знали.

— Ты не можешь знать.

— Могу, — заверил он, — но даже когда я только думаю об этом, меня охватывает волнение, а я не могу этого допускать. Сейчас — не могу.

— Ты — и чувства? Это невероятно.

— Не надо так, Минь. Если ты так говоришь, значит, ты меня не знаешь.

— Прости, Чань. Я просто пошутила.

— Если говорить правду, то я люблю тебя, сестричка. — У Чаня немедленно подступили слезы к глазам, горло перехватило. — Люблю тебя всем сердцем, волнуюсь за тебя и молюсь.

— Спасибо, Чань. Но не волнуйся. Все в порядке. Я не хочу, чтобы ты волновался. И — я знаю, я все знаю, хорошо? Я тоже люблю тебя и часто молюсь за тебя. Тебе и правда надо сохранять трезвость рассудка и практичность, так что не волнуйся за меня.

— Но как мне не волноваться?

— Потому что со мной Господь. Он защищает меня. А если Он решит, что мой час пробил, то мы же все равно скоро встретимся.

— Не говори так!

— Ну-ну, Чань. Все в порядке. Ты ведь знаешь, что это правда. Больше нет никаких гарантий, кроме одной — мы знаем, куда мы

попадем. Я перезвоню тебе из Китая. Буду надеяться, что услышу хорошие известия о папе и маме.

* * *

После десяти минут ходьбы Хлоя отошла чуть в сторону и позволила Ханне идти следом за Маком. Ханна смерила ее в полумраке долгим взглядом, словно спрашивая, все ли в порядке.

— Все нормально, — ответила Хлоя. — Я буду прямо за тобой.

Ей было трудновато поспевать за Маком, и она подумала, что если будет держаться следом за Ханной, это ее подбодрит — если Ханна не отстает от Мака, то и она сможет.

Она оказалась права. Хлоя не хотела показывать им, что выдыхается. На самом деле она сама в это не верила. Теперь они шли по щебенке, ее пульс выровнялся, дыхание успокоилось. Она взмокла, но ведь Мак с Ханной тоже.

Наконец, Мак быстро поднял правую руку, затем снова взялся ею за пятидесятикалиберный ствол. Он замедлил шаг, потом остановился, отошел к обочине и повернулся к женщинам.

— У всех все в порядке?

Обе кивнули.

— Передохнуть никому не надо?

Хотя обе часто дышали, они замотали головами.

— Мы почти на месте, — сказал он, и они начали подъем по склону холма. Прямо перед гребнем Мак опустился на колени и положил ствол на землю. Он показал знак V у себя перед лицом и показал через просеку на маленькую деревянную хибару. Сквозь ставни одного из передних окон пробивался слабый лучик света. Он взял у Хлои лазерную винтовку и прислонил ее к дереву.

Мак показал знаком, что они должны вместе с ним зайти с тыла. Хлоя удивилась, какой большой они заложили крюк, чтобы оставаться в темноте, и как бесшумно они двигаются — она едва слышала шорох почвы у себя под ботинками. Когда ее «узи» задел рукоятку «люгера», у нее от этого короткого скрежета аж дыхание перехватило. Мак остановился и полуобернулся. Хлоя еле удержалась, чтобы не пожать виновато плечами. Она снова взяла себя в руки, и они начали подкрадываться с той стороны, где деревья заслоняли свет звезд, и хижина была совершенно темной.

Мак присел на корточки где-то в сорока футах за домом.

— Мне это не нравится, — прошептал он. — Только одна машина, в точности как моя, так что, наверное, та самая, которую Себастиан позаимствовал из парка МС в аэропорту. И разве похоже, что в этой хибаре могут уместиться пятеро? Нет, я понимаю, что они скрываются, но...

— Я уже потерялась, — сказала Ханна, задыхаясь. — Я вообще никакой машины не вижу.

Мак положил ей руку на плечо и повернул в сторону от хижины, где в кустарнике была спрятана маленькая белая машина. Ханна кивнула. Хлоя тоже ее не видела.

— Может, глаза еще к темноте не приспособились, — сказал Мак, словно действительно так думал. Хлоя чуть не рассмеялась. Они же притащились сюда в темноте.

Мак тихо снял с плеча «узи» и положил на землю. Достал из кармана отвертку.

— Я понимаю, что это все выглядит как вестерн, — сказал он, — но прикройте меня.

Прежде чем Хлоя успела спросить, что он собирается делать, он быстро двинулся к машине и поработал над замком багажника. Каждый раз, когда до них от машины доносился хоть какой-то слышимый звук, он замирал и несколько секунд выжидал. Наконец, послышался глухой звук открываемого багажника. Мак придержал крышку.

Он запустил туда руку как мог глубоко и позволил крышке приоткрыться на парудюймов. От этого в багажнике включился свет, так что пришлось снова опустить крышку. Он положил отвертку на левый бампер, сунул руку внутрь и стал удерживать крышку левой рукой, ощупывая все внутри правой. Найдя то, что искал, он резко выдернул руку, схватил инструмент, снова залез внутрь, приподнял крышку так, чтобы забраться внутрь

и — когда снова загорелся свет — сунул отвертку в лампочку, заставив ее потухнуть.

Теперь он бесшумно открыл багажник на полную высоту и стал его ощупывать изнутри. Хлое, с того места где она стояла, казалось, будто он залез внутрь аж по пояс.

Внезапно он замер и выбрался назад, тихо закрыл машину и поспешил к Хлое.

— Как я и думал, — прошептал он. — Все так и есть.

— Двустволка двенадцатого калибра, — сказала Ханна. — Я стреляла из такой в детстве.

— Эти солдафоны так любят свои короткостволки, — сказал Мак. — Оставили лазер и большую пушку в самолете, а на дело взяли двустволки. И какой бы блестящей ни была эта группа захвата, они даже не обыскали эту машинку.

— Мы входим? — спросила Ханна.

— Да, но мне все равно это не нравится. Или половина из них смылась, когда они увидели, что мы подъезжаем, или что?

Он явно не ждал ответа. Мак протянул короткоствольную винтовку Ханне.

— Эта штука делает много шума, когда взводишь курок, так что делай это, когда я свистну.

Он взял «узи», и они вернулись следом за ним по той же дуге к передней части дома и спрятались в самой густой тени, которую только смогли найти, примерно в двадцати футах слева от двери. Мак кивнул Ханне и шепнул:

— На счет три.

Он отсчитал на пальцах, и дважды пронзительно свистнул, пока Ханна умело взвела курок.

Изнутри слышались торопливые шаги, тяжелые, один громче другого, словно человек хромал. Дверь со скрипом открылась на пару дюймов, и в ответ кто-то свистнул. Или попытался. По большей части получалось шипение. Затем последовала вторая попытка.

— Кончай! — крикнул Мак, и Хлоя аж подпрыгнула. — Ты знаешь, кто мы, выходи и покажись.

Дверь открылась, стукнула не то по человеку, не то по его оружию, когда тот попытался отойти в сторону.

— Сюда, — сказал он с сильным акцентом.

Мак пошел прямо к двери, и Хлоя заметила, что он держит палец на спусковом крючке «узи».

— Старший командующий Хоуи Джонсон, со мной офицеры Айрин и Джинна. В сторону, миротворец.

Тот, явно оберегая одну ногу, неуклюже отшатнулся к стене, настороженно глядя на них, а затем кивнул, здороваясь.

— Так. Ты кто? — спросил Мак. — Геракл? Константинополь? Кто?

— Я Сократ, сэр.

— А, ну точно. Ладно, где все? И в первую очередь мой заключенный?

— Не здесь, сэр.

У Мака был такой вид, словно он сейчас взорвется. Он запрокинул голову.

— Не здесь, сэр, — передразнил он. Снова опустил голову и уперся взглядом в Сократа. — И это все? Где они?

— Они сказали мне, чтобы я дал вам прочесть условия, которые в деле мелким шрифтом.

До Хлои это дошло через секунду, и, судя по взгляду Мака, до него тоже.

Мак театрально прошел мимо Сократа, снова припечатав его к стене. Он подошел к входной двери и пнул ее так, что задребезжало стекло, и звук эхом отдался от деревьев. Мак набросился на Сократа.

— Мелкий шрифт где? Ты думаешь, я припер с собой папку с делом Себастиана в леса?

— Я просто передаю вам...

— А почему бы просто не сказать мне, в чем эти условия состоят?

— Это поручили мне, потому что я замедлял их передвижение. Заключенный набросился на меня, пнул меня по ноге и повредил...

— Я тебя не об этом спрашиваю! Что я упустил? Что за условие?

— Что у них есть право перевозить заключенного в любой момент, не доводя до сведения МС, пока...

— Где они, миротворец? Куда они уехали?

— Они не обязаны ставить в известность свое начальство, пока не доберутся до места наз...

— Ты знаешь, где они?

— Им показалось, что они услышали что-то, причем задолго до того, как вы должны были приехать, потому...

— Ты ведь понимаешь по-английски, Сократ. Я знаю. Ты. Знаешь. Где. Они?

— Я уверен, что они не сказали мне потому...

— И ты хочешь, чтобы я поверил, что они оставили тебя одного тут поздороваться со мной, и не сказали, где они будут находиться?

— Если я не буду знать, то не смогу рассказать... не тем.

— Надеюсь, ты врешь.

— Сэр?

— Надеюсь, ты врешь, потому что сможешь передумать и скажешь мне, где они, прежде чем умрешь.

— Командир, я не знаю!

— Офицер Джинна, покажите Сократу, что двустволка делает с дверью.

Хлоя опасалась, что Мак не шутит. Похоже, Ханна в этом не сомневалась. Она навела дуло на дверь и, как только ствол стал параллельно полу, выстрелила. Впечатление было как от разорвавшейся бомбы. Хлоя оглохла на мгновение, но со зрением ничего не случилось. В двери появилась огромная дыра, ее сорвало с петель и отшвырнуло на несколько футов от хижины.

— Следующий выстрел будет тебе в морду, Сократ.

— Но, сэр! — закричал тот. — Я...

— Тогда доставай говорилку и скажи своим, что я желаю знать, где мой пленный, и хочу знать это прямо сейчас!

— Но они...

— Пристрелите его, Джинна.

Ханна подняла двустволку так же быстро и умело, как в первый раз, и Сократ тут же упал на пол, заливаясь слезами.

— Нет! Подождите!

Он нашарил в кармане рацию, по ходу дела выронив оружие.

— Сократ — Платону! Сократ — Платону! Платон? Я же знаю, что ты меня слышишь! Пожалуйста, ответь! Ты мне нужен!

Мак покачал головой, словно у него не было выбора.

— Джинна?

— Нет! Не надо! Подождите! Елена! Елена, ты здесь? Ответь мне, пожалуйста! Я не шучу! Аристотель! Аристотель! Они меня убьют! Они не шутят! Я знаю, что не должен вам звонить, но мне уже все равно! Пожалуйста, пожалуйста, выходите на связь или мне конец!

Ответа не было. Он поник и уронил голову, рыдая.

Мак опустился на колени и положил руку на плечо Сократа.

— Они ведь недалеко. Верно?

Он покачал головой, всхлипывая.

— Они близко, верно?

Он кивнул.

— Можете пристрелить меня, потому как мне все равно конец.

— Ты что сказал?

— Они сказали не выходить с ними на связь, что бы там ни было. Молчать, что бы ни спрашивали.

— Но ведь они не имели в виду, чтобы ты ничего не рассказывал мне? Конечно! Они же имели в виду — если они были правы в смысле тех шумов непонятных, — если вдруг появятся не те люди. Или они боятся МС?

Сократ пожал плечами:

— Не знаю. Может, я не понял. Но я покойник.

— Тогда какая разница тебе? Рассказывай.

Казалось, Сократ задумался. Он метнулся к стене, вытер глаза. Сунул рацию в карман. Когда он потянулся было к оружию, Мак сказал:

— Оставь.

Казалось, Сократ пытается выровнять дыхание.

— Они достаточно близко, чтобы слышать выстрел? — спросил Мак.

— Нет. Не знаю.

— Насколько близко?

— Пятьсот метров к востоку. Там гараж с односкатной крышей.

Мак сел в старое мягкое кресло.

— Тогда они должны были слышать тебя.

Сократ кивнул.

— И они оставили тебя подыхать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пляски, песни и ликование в Петре продолжались до самой ночи. Люди бросались в новое озеро, чтобы омыться и напиться из бьющего в его середине огромного ключа. Землю покрывала манна, и Рэйфорд чуть ли не пьянел от ее освежающего вкуса.

— Прямо с Господнего стола, — сказал он Абдулле, — я даже и не мечтал о таком!

Абдулла просто одурел от радости.

— Как же такое может быть, капитан? Чем мы заслужили такую благодать?

Слова его ускользали от Рэйфорда, но он понимал смысл.

К ним подошла молоденькая женщина, наверное, ей еще и двадцати не было.

— Рэйфорд Стил? — робко спросила она.

Рэйфорд встал.

— Да, милая.

— У меня есть два дела к вам, — сказала она, очень медленно выговаривая слова, и подняла два пальца. — Вы понимаете?

— Да, и что же это за дела?

— Вы правда говорите только по-английски?

— К стыду своему, да. Ну, немного еще испанский знаю, но недостаточно для общения.

— Не смущайтесь, сэр. Я говорю только на иврите.

— Ну, у вас и английский неплох, милая.

— Вы не понимаете.

— Я прекрасно вас понимаю. Вы отлично говорите по-английски.

Она рассмеялась.

— Вы не понимаете.

В разговор встрял Абдулла и сказал со смешком:

— Забавная вы девушка. Вы говорите по-арабски, а утверждаете, что знаете только иврит. Рэйфорд, а ты, оказывается, тоже арабский знаешь?

Девушка запрокинула голову и снова рассмеялась.

— Каждый из нас говорит на своем языке, и все мы прекрасно понимаем друг друга.

— Что? — воскликнул Рэйфорд. — Минуточку!

— Сэр! Я говорю только на иврите!

— И на арабском, — поправил ее Абдулла.

— Нет, мне запрещалось учить арабский.

— Мне надо прилечь, — ответил Абдулла.

— Вы сказали, что у вас два дела, — напомнил Рэйфорд.

— Да, — кивнула она и снова подняла два пальца. — Два.

Рэйфорд накрыл ее пальцы ладонью.

— Не надо. Я вас понимаю.

Она рассмеялась.

— Второе дело, — она говорила уже быстрее, — это то, что доктора Розенцвейг и Бен-Иегуда просят разрешения поговорить с вами.

— Со мной? Это мне пристало просить их! Они ведь такие занятые люди.

— Они просили меня привести вас, сэр.

Рэйфорд пошел за ней, перешагивая через груды камней, расколотых взрывом в щебень. Прямо в пещере, в свете закрепленного на стене факела, сидели Хаим и Цион вместе со старейшинами. Цион представил всем Рэйфорда и сказал:

— Вот о нем мы вам рассказывали. — Цион кивнул и улыбнулся: — Слава Богу, Рэйфорд.

— Ныне, присно и во веки веков, — ответил Рэйфорд. — Прошу прощения, я в большой тревоге.

Цион снова кивнул.

— Я тоже жду вестей от наших соратников из Греции. Но Господь посылает мне в душу мир и уверенность.

— Может, и мне Он пытается внушить то же самое, брат, — сказал Рэйфорд, — но ведь там и моя дочь, и это суровое испытание для моей веры.

Цион снова кивнул и улыбнулся.

— Возможно. Но после всего, что ты пережил сегодня, честно будет признаться, что

любое нарушение связи между тобой и Господом — твоя вина.

— Ну, об этом и говорить нечего.

— Кстати, я говорю на иврите, а ты...

— Я уже знаю, брат. Та милая девушка уже все мне объяснила.

Остальные рассмеялись, и один из старейшин сказал:

— Это моя дочка!

— Милая девушка.

— Спасибо!

— Мы с Хаимом беседовали с братьями о наших планах, — сказал Цион. — Мы будем молиться за бойцов отряда Скорби по всему свету, и мы жаждем увидеть, как Господь поможет им. Но каждый должен за что-то отвечать, и поскольку мы с Хаимом отвечаем за тебя...

— О, Цион, не надо! Мы ведь это уже проходили! Ты некоторое время был духовным лидером отряда Скорби и практически всегда — главой всемирной Церкви Христовой.

— Нет-нет, Рэйфорд, послушай меня.

— Прошу прощения, сэр, вы всегда льстили мне, называя меня номинальным главой отряда Скорби, но, пожалуйста...

— Эти люди, Рэйфорд, дают нам хороший старт для нашей деятельности здесь. Это ядро группы старейшин, которых я со временем надеюсь сделать помощниками Хаима в каждодневной работе. Но они — неофиты, сам понимаешь.

— Как и я, Цион. Ты ведь не хочешь...

— Прости, Рэйфорд, но ты забываешь, что никто из нас не является, так скажем, опытным верующим. Как минимум, по годам. Я не хочу оскорбить тебя, говоря, что ищу совета в Писании, хотя не стану отрицать, что научился этому у тебя. Но Господь поставил тебя на нужное место в темный для меня час. И если ты не против, я хотел бы отвлекать тебя от мыслей о непосредственном будущем и обратить к прошлому.

— Если ты так хочешь. Но давай хотя бы согласимся в том, что это не я стоял посередине миллионной толпы и смотрел, как Господь чудесным образом спасает людей от огненной гибели.

Цион подмигнул ему, затем обернулся к остальным. Те расхохотались от души.

Хаим показал на Рэйфорда и фыркнул.

— А разве это был не ты? Значит, глаза обманывают меня! — Он повернулся к Циону Бен-Иегуде: — Цион! Разве не этого человека я видел среди толпы и разве он мог не увидеть деяние Господа?

— Ладно, — сказал Рэйфорд. — Намек понят. Но не я причина вражеской атаки, Цион. Это ты и Хаим. Я не наставлял людей, я не молился, не стоял, преисполненный веры, когда бомбы падали на нас. Честно говоря, моя вера оказалась крепче задним умом. А не тогда, когда мы были среди огня.

Цион стал серьезнее, провел рукой по бороде, внимательно глядя на Рэйфорда.

— Из тебя вышел бы хороший израильтянин, — сказал он.

Рэйфорд пожал плечами:

— Зик старался сделать меня похожим на египтянина, но все равно.

— Нет, я имею в виду, что ты споришь, как мои соотечественники. Мы всю ночь могли бы дискутировать. И даже если ты будешь не прав, ты все равно будешь спорить!

Остальные рассмеялись при этих словах.

— Ладно, Цион. Я не знаю, почему ты решил считать себя ответственным за того, кого так легко поднять на смех...

— Ладно, отнесись к этому с юмором, милый мой брат. Ты ведь все понимаешь.

— Конечно. Но, как бы то ни было, я тебя слушаю.

* * *

Мак вытащил телефон из кармана и включил его.

— Итак, Сократ, что вытворяют твои приятели? Они что, проверяют нас?

Сократ пожал плечами.

— Давай, не терзай мне душу. Они хотят знать, те ли мы, за кого себя выдаем, не набросимся ли мы на них и не возьмем ли враг-сплох, а?

Мак набрал номер Чаня.

— Тут рядом нет трансляционных вышек, сэр, — сказал Сократ. — Вы ни до кого не дозвонитесь.

— Ага, будь у меня дерьмовая технология, тогда да. А что, если у меня телефончик

на солнечных батареях и со спутниковой связью? Тогда ведь мне наплевать, есть у вас тут сотовые или нет, ага?

— Но вы не можете связаться с командующим, если только...

— Чань слушает, Мак. Все в порядке?

— Я в порядке, верховный командующий, сэр. Просто проверяю, могу ли я дозвониться отсюда прямо до Нового Вавилона.

— Слышу вас хорошо, Мак. Говорите со мной. Что творится? У вас проблемы? Что мне для вас сделать?

— Все хорошо, сэр. Как погода?

Чань ответил:

— Я настроил экран на отслеживание по GPS, и вижу вас и... э-э-э... Джинну и Айрин прямо там, где вы должны быть.

— Оставайтесь на связи, босс. Минуточку.

Мак сунул телефон в нагрудный карман, но сделал это так, чтобы Чань мог слышать его слова.

— Что ты только что говорил, Сократ? Что я не смогу пользоваться телефоном в лесу?

— Ну да, вы, очевидно, можете, со спутником-то и всеми примочками. Но ведь вы не можете связаться с тем, у кого всего такого нет, вот это я и хотел сказать.

— А с кем я хочу поговорить по моему чудо-телефону, у кого такого нет?

Сократ побелел.

— Ну, у меня нет такого!

— И у кого еще?

— У моих напарников. У нас обычные.

— Значит, ты думал, что я собираюсь позвонить одному из твоих, не так ли?

— Э-э-э... нет.

— Конечно, нет. Только в том случае, если их начальник даст мне их номер, верно?

— Верно.

— Но ведь и в этом случае я отсюда не смогу до них дозвониться?

— Нет. Я только это и хотел сказать.

— Но ведь ты сказал кое-что еще, Сократ. Разве не так?

— Нет. Я просто говорил.

— Ты думал, я звонил командиру Стефаничу, верно?

— Нет, я...

— Верно?

— Да.

— Но ты не думал, что я до него дозвонюсь. — Сократ с жалким видом кивнул. — Но откуда ты мог это знать?

— Я догадался.

— Я не могу дозвониться до него в Птолемаиду, там, где сотовые берут?

— Наверное, можете.

— Но ведь его там нет, верно?

— Откуда мне знать?

— Да потому, что он тут, в лесах, разве не так? — Молчание. — Это так, Сократ?

Он пожал плечами.

— Как он тогда дал понять тебе и твоей шайке, что я еду? Значит, позвонить нельзя, да?

— Я дурак.

— Не стану спорить, Сократ. Сдается, ты еще не заслужил это имя, не так ли? — Мак вернулся к телефону. — Прошу прощения за задержку, шеф.

— Я опередил вас, Мак. Я могу сделать звонок на мобильник Стефанича. Это поставит его на уши, даже если я не смогу поговорить с ним. Он получит сообщение, что заместитель командующего Конрад, прямой подчиненный шефа безопасности Акбара, желает немедленно говорить с ним.

— Я понял, шеф. Я отзвонюсь вам позже. Тут все в порядке.

— Когда он позвонит, я поставлю голосовой модулятор, чтобы говорить как этот замшелый немец, и скажу ему, что Акбар считает его лично ответственным за передачу Себастиана Хоуи Джонсону.

— Отлично.

— И если он не перезвонит, сообщение появится на его телефоне как раз вовремя, чтобы помочь вам. Я прикрыл вас, Мак.

— В точку, командир! — Мак захлопнул телефон. — Дай-ка сюда рацию, приятель.

— Вы убьете меня.

— Кто, я? Не-е-ет. Ты и так уже покойник. Сам сказал.

— Вы убьете меня? Или ей прикажете? Мак покачал головой.

— Я отдам тебя твоим же. Но ты смотри на жизнь веселей. Если они будут сотрудничать, как ты, то, возможно, ты еще сумеешь разок позавтракать.

Сократ уставился на него.

— Ты ведь завтракаешь, а, Сократ?

Тот кивнул.

— Извини, — сказал Мак, делая вид, что жмет кнопку вызова рации. — А теперь слушайте все сюда, Платон, Аристотель и Еле-

на. С вами я говорить не желаю. Я хочу говорить с Нелли Стефаничем. Нелли, я знаю, что ты рядом, восхищаюсь твоей изобретательностью, приверженностью правилам и так далее. Я даже не обижаюсь на твою идиотскую проверку. Я тебе предлагаю сделку. Когда ты получишь подтверждение, что я — это я, я хочу, чтобы ты лично привез мне Себастиана. Ты знаешь, где я нахожусь. И еще выведи из-за камней свою банду философов, чтобы я их всех видел. Если ты это сделаешь, Нелли, то я обещаю не лишать тебя командования. Да, Нельсон, это приказ. У тебя тридцать минут.

Мак обернулся, глянув на Хлою и Ханну.

— А теперь, Сократ, можешь топать.

— Что вы сказали?

— Ты слышал. Иди. Вали отсюда. — Сократ с трудом встал на ноги, затем хотел было подобрать оружие.

— А это пусть лежит, — сказал Мак.

— А моя рация? — потянулся было он за ней.

— Ее я тоже придержу.

— А куда мне идти?

Мак пожал плечами:

— Куда хочешь.

Сократ сел на край хлипкого стола и потер колено.

— Мне некуда идти.

— Ты же не хочешь быть здесь, когда...

Он быстро встал, покачиваясь.

— Нет. Нет. До города далеко. А без оружия или рации...

— Ничем не могу помочь, приятель. Ты часть операции, которая вышла из-под контроля. Радуйся, что жив остался, с учетом вариантов-то. Хочешь быть здесь, когда все твои вернутся...

— Ай! — Сократ похромал к двери.

Мак кивком приказал Хлое следить за ним. Он осторожно переступил через щепки и пошел прочь.

— Иди за ним, — приказал Мак, — пока не удовлетворишься, что он идет в город. Ханна, следи за периметром. Я проверю дом, и встретим их с оружием в руках.

* * *

Рэйфорд чувствовал себя по-дурацки, сидя в пещере, еще не остыв от пережитого им ветхозаветного чуда, волнуясь за Хлою и изумляясь тому, что Цион Бен-Иегуда вообще счел необходимым спрашивать его мнение.

Он понимал, что так или иначе он воссоединится с дочерью, но разве дурно просить избавить ее от мерзкой, жестокой смерти?

— Вам с Абдуллой надо решить, что вы будете делать, Рэйфорд, — сказал Цион. — Конечно, если вы пожелаете остаться, то добро пожаловать, но я не знаю, будет ли толк, если ты станешь руководить отрядом Скорби отсюда. Наши компьютерщики говорят, что Давид Хассид и Чань Вонг каким-то образом уже подготовили здесь почву для создания

большого технического центра и эти бомбы совершенно не повредили ни «железо», ни программное обеспечение.

— Ты серьезно? — спросил Рэйфорд. — Да один электромагнитный импульс, вызванный снарядами, разнес бы все вокруг.

— Все цело! Слава Богу. Короче, ты можешь спокойно следить за всем и вся отсюда, но выбор за тобой.

— О, я уеду, — сказал Рэйфорд. — Когда — пока не знаю. Но меня волнует твое возвращение в Чикаго, Цион.

— Мы как раз об этом и говорили, Рэйфорд. Мы не знаем, есть ли смысл кому-нибудь из нас пытаться вернуться. Разве ты и Абдулла не в розыске, как и я? Если не случится очередное чудо, то как мы сумеем вернуться в убежище, не выведя на него врага?

Мысль о том, что придется искать новое убежище или снова срываться с места, очень мучила Рэйфорда.

— Всех нас это заботит, Цион. Каковы твои планы? Ты ведь можешь вести свои ежедневные проповеди и наставления и отсюда.

В разговор вмешался Хаим.

— Таково мое желание и желание здешних старейшин. И осмелюсь заявить, остальных людей.

— Не знаю, — сказал Цион. — Я сделаю все, что велит Господь, но я уверен, что здешний божий человек — это Хаим.

— Моя работа сделана, Цион, — сказал Хаим. — Господь сделал все это, невзирая

на мои жалкие усилия, и вот, я передаю тебе бразды правления, бывший мой ученик.

— Я остаюсь вашим учеником, доктор, — ответил Цион.

— Господа, — сказал Рэйфорд, — взаимные расшаркивания, конечно, вдохновляют, но ни к чему не ведут. Здесь, в этом месте, нужен вождь, нужна организация, нужна координация. Если ты останешься, Цион, то тебя надо оградить от обязанностей, мешающих твоему наставничеству и проповедничеству как перед здешней паствой, так и перед своей всемирной интернет-аудиторией.

Старейшины закивали.

— Возможно, среди нас, — сказал Хаим, — мы сможем найти молодежь с подобным даром. Я готов руководить, немного координировать, но я уже не молод. Это город, целая страна. Нам нужно правительство. Господь дает нам воду, еду и одежду, которые не иссякают, но я уверен, что Он ожидает от нас, что управлять мы здесь будем сами. Мы должны организовать и обустроиться — пусть и ненадолго, но все же...

— Возможно, — сказал Рэйфорд, — сама эта работа и есть Господень способ найти нам занятие здесь, в этом месте. Жить вместе, трудиться в гармонии — это само по себе непрерывный труд. Представь только, как тоскливо было бы целому миллиону человек сидеть без дела и ждать Явления во Славе.

Цион схватился за эту мысль.

— Именно потому я и уверен, что нам нужно побуждать людей помогать отсюда осталь-

ному миру. Мы же знаем пророчества, мы знаем о кознях Врага. Попытка уничтожить нас бомбами и ракетами — это лишь начало. Он будет пытаться уморить нас голодом, перерезав наши каналы снабжения. Он не будет знать или просто не поверит в то, что Господь кормит нас. Но мы знаем, что мы в безопасности. Чего нам следует опасаться — так это его попыток выманить отсюда нерешительных и завлечь их туда, где они будут беззащитны не только в эмоциональном и психологическом плане, но и физически. Я очень хочу удерживать их здесь и переубедить.

— Не понимаю, — сказал Рэйфорд, — как человек до сих пор может колебаться и сомневаться.

— Это выше человеческого понимания, — сказал Цион, — но Господь это предвидел. Сейчас я мечтаю, чтобы мы, здешние верные, могли бы помогать нашим братьям и сестрам по всему миру. Петр предупреждает, чтобы мы были рассудительны и держались начеку, ибо Враг бродит среди нас, аки лев рыкающий, выискивая, кого бы поглотить. «Противостойте ему твердой верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире».

Враг усилится в злобе, станет более решительным, более жестоким, многие погибнут от его руки. Разве есть более благородная задача для миллиона сильных, собравшихся здесь, как помогать обществу взаимопомощи, созданному твоей дочерью, или поддерживать святых, противостоящих Антихристу?

Я вижу, как тысячи специалистов-технологов создают сеть для верных, где те смогут найти указания на убежища, помогут им связываться друг с другом. Мы знаем, что мы потеряем многих братьев и сестер, и все же мы должны предложить то, что поможет распространять Благую Весть, даже сейчас.

Рэйфордсел.

— С этим поспорить не могу. И устроить тут новую оперативную базу — хорошая идея. Конечно, нам тебя будет недоставать, но нет смысла рисковать твоей жизнью, когда все, что тебе нужно, — здесь под рукой.

— Я тут подумал, — сказал Хаим, — и ты, Рэйфорд, поправь меня, если что, поскольку в этой теме я не разбираюсь, но мне вот подумалось — а не пора ли отряду Скорби покинуть свое убежище? Мы знаем, что Новый Вавилон рыщет в округе и обнаружение убежища в Чикаго — лишь вопрос времени. Да, возможно, нам нужен центр координации для общества взаимопомощи, но на твоём месте я бы побеспокоился за своих меньших, если бы меня мотало туда-сюда. Я оставил бы указания и тебе, и твоим соратникам. Но я хочу тебя спросить — разве не правда, что все, кому приказано оставаться в убежище, быстро подхватывают клаустрофобию?

Вот тот молодой человек, Зик, который так искусно сделал для тебя документы, может считать переезды делом неприятным. К тому же при этом трудно хранить записи и сами компьютеры. Но, возможно, убежище в будущем будет в тысячах точек, а не в

одной. Возможно, настало время, когда твой дом будет в тайных убежищах верных по всему миру.

Рэйфорд боялся, что Хаим прав, и, наверное, это отразилось у него на лице.

— Я не говорю, что это будет легко, — сказал Хаим, — но я хочу, чтобы ты проявил инициативу. Прими трудное решение. Прикажи покинуть убежище и распредели своих людей в других местах прежде, чем их найдут, потому что тогда ты потеряешь всех и сразу. Вы ведь сами понимаете, что вы уже слишком долго находитесь на одном и том же месте.

— Я понимаю, Хаим, — сказал Рэйфорд. — Мы ведь давно уже не были в небоскребе Стронга. Слишком давно, несомненно, но не так долго, как в том месте, где мы сейчас.

Цион встал и потянулся.

— Это бремя нам придется возложить на тебя. Господь поведет тебя. Я просил твоего совета, а теперь мы пытались дать совет тебе.

— Я ценю это.

— Прошу тебя, Рэйфорд, дай мне совет. Позволь рассказать тебе о том, что, как мне кажется, мне внушил Господь. Я хочу посмотреть, не найдешь ли ты в этом какой смысл. Я понимаю, что это ранит чувства многих, и все же я не могу пройти мимо этого. Понимаешь, из-за того, что случилось с того момента, как Господь забрал на небеса Церковь Свою, было полно свидетельств лишь одной стороны природы и характера Господа. Да, это время суда, даже гнева. Мы находимся посреди-

не последних семи скорбей, ниспосылаемых Господом, и мы даже пережили одно, которое Он Сам называет в Писании Гневом Агнца.

Наставнику легко было бы освещать и растолковывать истину Божьего нетерпения, кару, которую Он обрушивает на своих врагов, Его требование суда за пролитую кровь святых. Но я пришел к выводу, что это ясно и без слов. Да, это последний шанс. Да, в последние семь лет все очень ускорилося, и мы уже прошли добрую половину испытаний. Господь сделает то, что Он намерен сделать, но я намерен отстаивать Его репутацию.

Да, я понимаю, что Он не нуждается во мне и не требует моей помощи. Я потрясен до глубины души тем, что Он вообще счел меня достойным хоть какой-то роли в служении людям всего мира. Но сердце мне тяготит глубокое и вроде бы противоречивое послание. Я верю, что оно — от Бога, но это такой парадокс, такая дихотомия, что я не смею забегать вперед без совета моей духовной семьи.

Цион потер виски и начал расхаживать взад-вперед.

— Господа, — сказал он. — Идемте со мной.

— Тебя толпа раздавит, если ты отсюда выйдешь, — сказал кто-то.

— Они увидят, что я занят, я в этом уверен, — ответил Цион. — Не будем устраивать спектакль. Обступите меня и пойдем.

Люди по-прежнему ликовали вокруг источника, в то время как остальные наполняли контейнеры и собирали манну. Рэйфорд при-

соединился к старейшинам и Хаиму, а те как бы ни в чем не бывало спустились по расщелине и потом вниз по каменистому склону.

Когда они отошли от остальных, Цион заговорил на ходу:

— Я понимаю, что мне дана огромная привилегия. У меня только тут паства числом в миллион душ. У меня есть возможность наставлять этих младенцев в вере, вскармливать их млеком Мира. Я также рад преломить хлеб и разделить мясо более глубоких мыслей с более зрелыми. И я благословлен нести Благую Весть, ибо даже здесь и сейчас есть колеблющиеся. Мы не завоюем сердца всех, и эта истина ошеломляет меня, особенно в свете событий, которые мы пережили всего несколько часов назад. Но дело в том, что Господь каждый день возобновляет дары Свои и позволяет мне — даже ждет от меня, — что я использую эти дары, которые он даровал мне как пастырю и наставнику.

Когда Цион замолчал, остальные остановились. Он сел на камень, и они обступили его.

— Это может показаться странным всем вам, поскольку я не раз говорил, что это — самый страшный семилетний период в истории человечества, но в то же время я считаю для себя величайшим блаженством жить в это время. Технология позволила мне иметь паству, и если цифры не врут, то численность ее достигает миллиарда человек. Однажды на небесах я спрошу Господа позволить моему ограниченному разуму осознать эту цифру. Сейчас я просто не способен объ-

ять ее. Не могу вообразить, не могу сказать вам, сколько это будет сотысячных стадионов. Конечно, я понимаю, что это десять тысяч таких стадионов, но как это представить в голове? Я не могу.

Теперь позвольте мне сказать, что меня тяготит, когда я думаю об ответственности перед своей паствой. Я верю, что пришло время перестать говорить о карах Господних. Я не отрицаю этого. Я не хочу сказать, что гнев Его не обрушивается на Землю. Но я пришел к выводу, что все, что Господь хотел сказать нам в течение тысяч лет нашей истории, — это сплошной гимн Его милосердию.

Большинство из вас знают, что слова эти исходят от человека, который видел гибель своей возлюбленной жены и детей. Я не говорю, что святость Господа выше любви Господней. Как бы я мог такое сказать, когда Писание говорит, что Он есть любовь, но что Он свят, свят, свят?

Я просто говорю — пусть Господня справедливость, суд и гнев говорят сами за себя, а остаток своей жизни я проведу, отстаивая его милосердие.

Рэйфорду показалось, что Цион заглянул в глаза каждому из тех, кто слышал его. Он мог бы продолжать, защищать себя и отстаивать свое новое мнение. Но он закончил тем, что просто сказал:

— До завтрашнего полудня у вас есть время поправить меня, если вы сочтете меня заблудшим. Иначе я начну свои наставления, и тема вам известна.

* * *

Бизон сочувствовал Альби. Этот уроженец Ближнего Востока глубоко переживал и не мог сидеть спокойно.

— Я не могу так жить, Кэмерон, — говорил он. — Я намерен провести этот вечер с Зиком и посмотреть его файлы. Ты видел его каталог?

— Конечно.

— Наверняка найдется что-то и для меня. Мое эмэсовское удостоверение вряд ли поможет мне, но я должен что-то сделать. Только бы не сидеть здесь. Как думаешь, он сумеет сделать из меня высокого блондина?

Бизон не мог удержаться от улыбки. И то и другое было бы неплохо.

— Я пойду с тобой, — сказал он. — Зик — гений, а это ничегонеделанье меня убивает.

— Но ты хоть пишешь. Ты получаешь инфу от Чаня и ловишь в Сети. Я люблю твоего сынишку, Кэмерон, но нянькаться с ним, читать, сидеть и пялиться в окно, ждать, когда все вернутся, — я же с ума от этого схожу!

— Я знаю.

— А ты много общался с Маком? — спросил Альби.

— Еще бы.

— Он великий человек. Но мы мыслим по-разному. Я могу представить себе все, что может сейчас случиться с той операцией, которую он проводит в Греции. Ой, прости. Я все забываю, что с ним там Хлоя.

— Что? Ты считаешь, что Мак не позаботится о Хлое? Она-то наверняка заботится о нем.

— Я должен был быть там, вот что я хочу сказать.

* * *

— Заместитель командующего Конрад?

— Верно, — сказал Чань через электронный модулятор. — И хорошо, если вы Нельсон Стефанич.

— Да, сэр, я...

— Командир, я хочу знать, что у вас происходит.

— Да, сэр, мы...

— Я послал своего старшего командира из Нового Вавилона, чтобы он поговорил с вашим заключенным.

— Так и будет, сэр. Я...

— Мне не нравится, что мой человек бегает по лесам, в то время как вам было послано четкое предупреждение и у вас была куча времени, чтобы все подготовить.

— Я понимаю. Мы...

— Я жду полного отчета. Он должен быть у меня в кабинете к завтрашнему полудню.

— Я обязательно это сделаю, поскольку я все могу вам объяснить.

— Джонсон сейчас общается с Себастианом?

— Пока нет...

— Даже сейчас, когда мы разговариваем? Если нет, я хочу знать почему.

— Тут путаница с нашей местной командой, сэр. Они подумали, что услышали...

— Подробности я просмотрю завтра, командир, но я предполагаю, что сейчас вы занимаетесь устройством встречи.

— Да, сэр.

— А не заставляете Джонсона искать вас.

— Сэр?

— Он сделал ровно то, что я от него ожидал. Где бы он ни был, это место в безопасности, так что прикажите вашим людям привести вашего заключенного.

— Да, сэр. Заместитель командующего, могу ли я вам передать приятную новость?

— Не может быть других приятных новостей, пока я не узнаю, что Джонсон встретился с Себастианом.

— Я просто хотел уведомить вас, что мы нашли центральную штаб-квартиру подпольщиков в Птолемаиде и намерены нанести удар в полночь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хлоя следила из хижины за Сократом, хромавшим к дороге, до тех пор, пока он не скрылся из виду. Затем она на цыпочках выбралась наружу, прошла напрямую к деревьям, прошла место, где были спрятаны лазерная пушка и пятидесятка, мимо которых только что проковыляла ее цель. Ей было не сложно держаться за хромым Сократом.

Хлоя крепко сжимала «узи», натягивая ремень, чтобы автомат не стукнул по «люгеру». Она повернула в сторону и мелкими шажками побежала вниз по склону, осторожно пересекла щебневую дорогу. Остановившись в кустарнике по другую сторону, она услышала какое-то движение — кто-то шел слева, с востока. Он торопился, и ему было наплевать на хруст хвороста под ногой и треск, с которым он продирался сквозь заросли. Хлоя присела на корточки и выравнивала дыхание, оценивая

расстояние и направление, чтобы идти следом не слишком близко и не выдать себя.

Ей не надо было идти по зарослям. Она могла легко держаться вровень с ним, оставаясь по другую сторону дороги и ступая по мягкой почве. Единственной опасностью было перегнать жертву и очутиться на виду. Наверняка это шел Сократ. Когда он снова поравнялся с хижинкой — хотя он был уже ниже поля видимости от двери, — он остановился, очевидно, прислушиваясь. Ничего не услышал, видимо, это его подбодрило, поскольку он пошел прочь, опережая Хлою где-то футов на пятьдесят и также пытаясь идти по более мягкой почве параллельно с дорогой.

Хлоя замерла — на случай, если он вдруг решит обернуться. Вряд ли он заметит ее в темноте, но кто знает, какое зрение может быть у этого хромого, невооруженного человека? Некоторые видят или даже чувствуют в темноте других людей. Мак, например. Может, этот тип хорошо знает местность, так что заметит силуэт между деревьями, четко рисующийся на фоне звездного неба.

Хлоя подождала, пока тот сделал крюк, а потом направился туда, откуда она снова смогла слышать его прихрамывающую поступь. Она протерла глаза и увидела — или, по крайней мере, ей так показалось, — как он трет колено, пытаясь идти прямее, нормальнее, — но у него ничего не вышло. Иногда он постанывал. Ему было больно, а до города было далеко.

Нет, Сократ выведет ее на Джорджа Себастиана. Хлоя просто это знала. Следует ли попытаться послать Маку сообщение, что

Хромой идет не туда? Далеко ли он уковыляет за тридцать секунд? Мак и Ханна быстро догонят ее, так что они успеют его перехватить в два счета.

Но Мак осматривал хижину, а Ханна была одна снаружи, следила, чтобы никто не застал их врасплох. Хлоя не простила бы себе, если из-за ее сообщения кто-нибудь их засечет. Если Сократ выведет ее прямо-ком к тому самому гаражу или еще куда, то опасности для нее нет — разве что ее увидят. Если остальные трое там — даже пусть там сам Стефанич, — у нее все равно будет полно времени, чтобы вызвать остальных.

* * *

Мак опустился на колени в сыром холодном погребе. С потолка свисала одинокая лампочка, бросая на земляной пол тени. При помощи фонарика он попытался выяснить, как обращались с Джорджем. Невозможно было рассмотреть, есть ли на полу среди следов пятна крови. «В таком месте я сумел бы нагнать страху на пленника», — подумал Мак.

Он осветил каждый угол, выключил освещение в подвале и уже направился было наверх, когда у него запищал телефон. Ему не терпелось выбраться наружу, к месту встречи, но он не хотел говорить по телефону наверху, так что остановился на лестнице. Это игра воображения или он и правда услышал голос у себя за спиной? Он решил, что Ханна

закончила осмотр периметра и ждет Хлою у дерева перед хижиной.

Мак не осмеливался сказать ни слова, так что просто слушал телефон.

— Мак?

Это был Чань, но Мак не хотел отвечать. Он нажал кнопку на клавиатуре.

— Мак? Это вы?

Он некоторое время удерживал кнопку.

— Хорошо, вы не можете говорить, но я тоже не могу, пока не получу подтверждения, что это вы. Один сигнал — в случае, если последующее истинно, два — ложно. Итак, из первых пяти книг Нового Завета четыре носят одинаковое название.

Теперь Мак был уверен, что слышит голос сзади. Утверждение Чаня было верным, но он должен один раз сигнал дать или два, если утверждение верно? Он замялся, прислушиваясь, по ходу подъема наверх по лестнице.

— Мак знал бы это, — сказал Чань. — Один — если верно, два...

Мак быстро нажал кнопку один раз.

— Это может оказаться удачной догадкой, — сказал Чань, и Мак закрыл глаза. «Давай».

— У вас контакт в очень важном месте. Дайте сигнал по количеству букв в девичьей фамилии моей сестры.

«Что?» Чань — весьма умный напарник. Ладно, если я говорю с Чанем, то его сестра — Минь Той. Три. Минуточку! Девичья фамилия. Та же, что у Чаня. Вонг. Четы-

ре. Мак быстро нажал четыре раза, теперь выглядывая из темной хижины с черного хода. Он ничего не видел.

— Хорошо, Мак, верно. Теперь слушайте. Я говорил со Стефаничем от имени Конрада. Его парни приведут Себастиана к вам, так что сидите спокойно, но не тратьте времени. Они утверждают, что нашли штаб-квартиру подполья и нанесут удар в полночь. Я не знаю, сколько там людей из нашего общества взаимопомощи. А вы знаете? Один — да, два — нет.

Мак нажал дважды.

— Ладно, значит, вы там, где говорить вслух не можете. GPS показывает, что вы на том же месте. Рядом с вами кто-то есть?

Два сигнала.

— Снаружи?

Один.

— Вы их видите?

Два сигнала.

— Ладно. Вы их слышите. У вас есть люди снаружи?

Один сигнал.

— Обе там?

Один сигнал.

— Я хочу отсоединиться. Или мне остаться на связи?

Два сигнала.

— Отзовитесь, когда все кончится. Я хочу знать, не сможем ли мы чем-нибудь помочь тамошним братьям.

Мак спрятал телефон и крадучись выбрался наверх. С полдюжину вооруженных эмэсовцев копошились вокруг машины.

— Я сказал — забираем ее. Мы несколько часов пешком топали.

— Ключей нет.

— Закоротим.

— Еще чего! Нам тут метров пятьсот осталось!

Эмэсовцы свернули на восток. Мак обошел хижину и вышел к передней двери.

Значит, Стефанич прислал пополнение. Интересно, это все, больше никого не будет?

Ни Ханны, ни Хлои у дерева не было. Мак тихо свистнул сквозь зубы на случай, если кто-то из них рядом.

Ответа не было. Он опустился на колени в темноте. Пушка была на месте. Лучевик исчез.

* * *

Джорджу показалось, что Аристотель свернул налево на дорогу и ехал на восток примерно минут двадцать прежде, чем съехать на обочину и затаиться. Если поначалу он мог следить за ходом времени, то сейчас его клонило в сон. Джордж прикинул, что ждали они примерно час с небольшим. Но он не удивился бы, если бы на самом деле прошло вдвое больше времени.

Наконец, Аристотель сказал:

— Что скажешь?

— Мы давно могли бы уехать, — сказала Елена. — Тут рано пустеет, да и в любом случае тут теперь малоллюдно.

— Платон?

— Поезжай! Нам надо вернуться туда поскорее!

Джорджу показалось, что они выбирают из леса на щебневую дорогу, а затем на основную и направляются на юг. Затем они повернули на восток, и, судя по ощущениям и звукам, оказались в каком-то населенном месте, возможно, городе.

— Убери его с глаз, — спустя несколько минут сказал Аристотель.

Платон схватил Джорджа за правое плечо и повалил, так что его голова теперь лежала на коленях великана.

Аристотель скоро затормозил и стал парковаться.

— Нет-нет! — сказал Платон. — Заезжай с тыла.

Как только они, наконец, окончательно припарковались и остановились, Елена сказала:

— Я посмотрю, нет ли хвоста.

У Джорджа под спиной был какой-то бугор, но поделать он ничего не мог. Она вернулась, снова села в джип, захлопнула дверь.

— Примерно двадцать минут.

— Ты нашла? — сказал Аристотель. — Дай посмотреть.

— И где?

— Примерно футом ниже верхнего края правой двери.

— Я прежде не замечал.

— Могу я его посадить? — сказал Платон.

— Подождем.

* * *

Хлоя остановилась в пятидесяти футах ниже за спиной Сократа. Она поняла, что они находятся примерно в пятистах метрах от хижины. Он согнулся, опершись руками на колени и тяжело дыша. Последние сто метров он еле шел — возможно, пытался принять максимально страдальческий вид, чтобы его товарищи пожалели его, а не приняли в штыки.

Она внимательно следила за ним, как вдруг услышала шаги по щебенке. Она замерла. Несколько человек. Не торопятся. Не прячутся. Просто идут. Она попятилась в заросли, опустилась на колени и затаилась где-то в десяти футах от дороги. Штаны на коленях немедленно промокли. Она еле удержалась от соблазна затаить дыхание, опасаясь, что в таком случае чересчур громко выдохнет, когда кто-нибудь будет проходить мимо. Хлоя понимала, что это не могут быть Мак или Ханна. Слишком много народу.

Теперь она не видела Сократа и не могла знать, не пустился ли он в путь снова. Если так, он встретится со своими, а она и знать не будет, где это произошло. А тут еще человек пять миротворцев, да к тому же и вооруженных. Они не торопились, разговаривали. Двое даже курили. Хлоя пыталась понять, куда они идут. К какому-то определенному месту? Она могла бы пойти за ними, это было бы просто — они слишком шумно топали.

Они прошли где-то в десяти футах от нее. Она выждет секунд тридцать и пойдет следом. Ее рация два раза пискнула из-за статики, перепугав ее насмерть. Эмэсовцы продолжали идти, переговариваясь. Она запаниковала. Хотя они и не слышали ничего, но если кто-то начнет с ней разговаривать, они точно услышат.

Она сунула руку в карман, чтобы отключить рацию, но, нащупывая нужную кнопку, случайно сделала звук громче. В панике пытаясь отключить рацию, она споткнулась и шлепнулась на задницу.

— Джонсон — Айрин, отвечайте.

Слишком громко!

Хлоя вскочила на ноги, выхватила рацию, дважды нажала кнопку передачи, отключила ее и взяла «узи» на изготовку. Эмэсовцы развернулись и теперь медленно шли в ее направлении.

* * *

Мак достал рацию и прошептал:

— Джонсон на месте, Джинна. Где находитесь?

— В ста ярдах к северо-западу от точки randevu.

— Вы в порядке?

— Все в порядке. В лесу эмэсовцы, сэр.

— Айрин с вами?

— Нет.

— Лазер?

— У меня.

— Иду. Их сколько?

— Десятка два, сэр.

— Точнее?

— Минимум двадцать четыре.

— Понял. Удостоверьтесь, что нет хвоста, отключите рацию и немедленно возвращайтесь к точке встречи.

«Вот тебе и провели Стефанича. Либо не купился, либо непроходимый дурак».

— Джонсон — Айрин... Джонсон — Айрин... Джонсон — Айрин. Вы меня слышите?

Мак посмотрел на часы, топнул, поджал губы и стал ждать Ханну.

* * *

Хлоя стояла в кустах, держа палец на спусковом крючке, широко расставив ноги на вязкой земле. Миротворцы остановились на дороге, развернувшись к ней, так близко, что ей было слышно их дыхание. Все шестеро направили на нее оружие одновременно. Она едва видела их и предполагала, что они не видят ее. Она затаила дыхание и не шевелилась.

— МС! — крикнул один. — Кто идет?

Хлоя лелеяла надежду, что все шестеро вдруг решат, что ничего не слышали.

— Выходи, или все тут разнесем!

— Свои! — крикнула она. — МС. На том же задании. Притормозите, парни.

— Оружие есть?

— Сейчас подниму над головой, миротворец. Десять к одному, что я выше тебя по званию, так что не суетись.

Свет мощного фонаря заставил ее зажмуриться. Держа «узи» над головой, она сказала:

— Убери свет! Мы все здесь на одном задании.

Фонарь выключили.

— Отдайте оружие, мэм, и мы разберемся.

— Нет, сначала разберемся. Сейчас я возьму его под мышку и покажу документы. Отойдите. Пока все идет по правилам, и я не могу вас ни в чем обвинить.

— Спасибо. Мне надо будет осветить ваши документы, мэм.

— Стой, у меня есть фонарик поменьше. Сейчас я выну его из кармана.

Держа под мышкой «узи» и освещая фонариком документы, Хлоя слышала, как бешено колотится ее сердце.

— Старший офицер, ребята, — сказал главный. — Отдать честь.

— Незачем, — ответила Хлоя. — Молодцы. Немного топаете на марше, но хотя бы вовремя пришли.

— А что вы делаете в кустах, мэм?

— Выполняю приказ. Теперь подождите моего командира и еще одного офицера, и двинем дальше.

— А ваш «узи» не стандартный, да?

— Скоро введут.

— Правда?

— На моем уровне уже ввели.

— Ух ты!

— Мы из графика не выбиваемся? — сказала она.

— Даже опережаем минут на двадцать.

— Подождите, господа. — Хлоя достала рацию и включила ее.

— Офицер Айрин старшему командующему Джонсону.

— Джонсон! Ни фиги себе!

— Старший командующий!

Хлоя повернулась с эмэсовцам:

— Пожалуйста, соблюдайте приличия.

— Джонсон на связи.

— Сэр, я встретила шестерых миротворцев, которые присоединятся к нам на задании. Находимся примерно в четырехстах восьмидесяти метрах к востоку от вашей позиции.

— Шестеро?

— Да.

— Все в порядке?

— Да.

* * *

— Насколько мне известно, окружить нас не могли, — сказал Мак Ханне. — Ты уверена, что тебя не заметили?

— Да.

— Что происходит? — Он позвонил Чаню и сообщил ему о ситуации. — Как ты думаешь, что намерен сделать Стефанич?

— Я роюсь в его компьютере, и там ничего нет. Может, действительно такой дурак или все еще пытается прятаться?

— Но на кой ему все эти люди в лесу? Они собрались здесь для того самого ночного рейда?

— Странно.

— Да уж. Если только они не напутали насчет местоположения штаб-квартиры. Мы неподалеку от того места, где пастор прятал Рэйфорда. Думаешь, они в конце концов нашли это место?

— Да вы в добрых тридцати милях оттуда, Мак. Я остаюсь на связи. Но я даже не знаю, что вам сказать, Мак.

* * *

— Ладно, пошли, — сказал Аристотель.

Платон рывком поднял Джорджа. Кто-то открыл дверь с его стороны, и, похоже, вытащили его в четыре руки Платон с Аристотелем, а дверь открывала Елена. Они прошли футов пятнадцать, поднялись по трем цементным ступенькам, вошли куда-то, затем еще двенадцать ступенек вниз по проходу, который, судя по эху, был узок. Наконец, вошли в большую комнату.

Аристотель отпустил Джорджа и отошел на несколько шагов.

— Ай! Не дотягиваюсь! Платон!

— Пусти.

Джордж услышал какой-то скрежет металла по металлу, затем пару громких щелчков. Платон хрюкнул.

— Что тут за секрет? — сказал он.

— Дай с другой стороны возьмусь, — сказал Аристотель, и его место рядом с Джорджем заняла Елена.

«Эх, был бы я без наручников», — подумал Джордж. Вот сейчас бы попытаться. Оглушить девку, сорвать повязку, броситься в коридор, выскочить наружу, а там как повезет. Но не в том случае, когда руки скованы за спиной. Любая заминка — и она его пристрелит, это уж точно.

Платон и Аристотель все пыхтели, и Аристотель сказал:

— Заталкивай его туда, Елена. Давай, Платон, мне отойти придется.

Елена и Платон толкнули Джорджа вперед, развернули и попытались пропихнуть в какое-то отверстие. Он не пролезал.

— Еще на пару дюймов, — сказала она, и они запыхтели громче. Пропихнули Джорджа внутрь.

— Держите двери, — сказал Аристотель. — Я не хочу, чтобы его нашли в наручниках и с завязанными глазами.

Ему расстегнули наручники.

— Брось мне повязку, — сказала Елена.

Джордж снял ее и увидел, что находится в темном лифте. Елена стояла, наведя на него ствол. Везет им, подумал Джордж. Платон и Аристотель были полностью заняты тем, что держали двери лифта. Елена взяла повязку,

сунула ее в карман и взяла у кого-то бутылку с водой. Бросила ему и сказала:

— Будь здоров.

Двери захлопнулись.

Джордж не стал подбирать бутылку и попытался просунуть пальцы между створками двери. Как раз когда он нашел за что зацепиться, он снова услышал поворот ключа и щелчок замка. Он услышал плеск воды и нашарил в темноте бутылку. Он поднял ее и решил беречь воду как можно дольше.

Растопырив руки, Джордж нащупал по обе стороны стены и, пройдя по периметру, понял, что помещение квадратное. Неудивительно, что кнопки на панели не работали, но, судя по их количеству, он находился в пятиэтажном здании. Потолок у лифта был низкий, менее фута над головой. Все вроде бы было прочным. Наверху, по идее, должна была находиться тонкая пластиковая пластина, прикрывающая освещение. Он снял ее и нащупал маленькую двойную флуоресцентную трубку. Он сильно надавливал на ее конец, пока она не подалась, а затем вырвал ее. Теперь он нащупал лопасти вентилятора, пыльные и жирные.

Он уже вспотел и запыхался. Они что, спятили? Неисправный лифт — идеальная камера, но они что, хотят, чтобы он задохнулся, что ли? Джордж снял свитер, ботинки и носки и прислонился спиной к дверям. Взял ботинок и стал колотить им по дверям.

— Только пробей мне дверь — мигом прикончу! — крикнула Елена. Значит, они оста-

вили ее охранять его. Он хотел было сказать, что если они не хотят предъявить начальству мертвого заключенного, то хотя бы пусть вентилятор включат. Но он решил не разговаривать с ними. Ни слова не говорить. Поэтому продолжал колотить.

* * *

У Чаня было погано на душе. С того дня, когда он остался единственным агентом во дворце МС, он никогда не ощущал себя таким беспомощным. Вдруг Стефанич просто прикидывается? Казалось, им удалось его запугать, заставить сотрудничать. Даже если бы тот и стал проверять Мака, у Чаня все было готово, чтобы подтвердить реальность Хоуи Джонсона. Он был уверен, что Стефанич растерялся от того, что его поймали на сомнении в полномочиях высокопоставленного офицера Джонсона, и теперь ему приходится замечать следы.

Чань в отчаянии видел, как беззащитны сейчас Мак, Хлоя и Ханна. Неужели они попали в ловушку? Время работало против него, но, вероятно, неправильно будет сейчас говорить Маку прекратить операцию. Может, они и сумели бы завести машину у хижины и вернуться в аэропорт, но Чань знал, что Мак не бросит Себастиана. А что, если тот уже мертв? Если Мак раскрылся, то эмэсовцам нет смысла оставлять его в живых.

Чань охватил голову руками.

«Думай. Если они против Мака, то почему? Если ты сумеешь найти связь, то сумеешь и понять, что они могут сделать».

Чань начал общий поиск, запрашивая супермощную систему Давида Хассида, не связан ли кто из высших сфер дворца с эмэсовцами в Птолемаиде. Он даже ввел программу взламывания кодов на случай, если кто-то из предполагаемых личностей опасался слежки в самом дворце. Пока компьютер жужжал, просматривая тысячи файлов в сотнях локаций, Чань упал на колени.

— Господи, я никогда не просил Тебя выступать в роли части оборудования. Но Ты знаешь, что эту систему сделал Твой слуга, и я тоже хочу послужить Тебе. Помоги мне думать. Ускорь процесс. Пожалуйста, дай мне защитить моих братьев и сестер. Я знаю, что сегодня случилось в Петре, что все в руках Твоих. Мы столько потеряли по вине Врага, и я знаю, что мы еще больше потеряем до Твоей окончательной победы. Но я не могу позволить верным из Греции пострадать еще сильнее. Только не сегодня. Защити наших. И помоги мне выгнать оттуда Мака, Хлою, Ханну и Джорджа.

* * *

Мак любил ясные задания, где было понятно, что черное, а что белое. Проникнуть в нужное место, взять штурмом ворота, осво-

бодить своего человека и дать деру. В этом и был подводный камень. Он не покинул бы Грецию без этого человека, а теперь он тем более не может уйти, не защитив здешних верующих.

В первоначальном плане не учитывалось, что неприятель может превышать числом его отряд. Заложника взяли четверо. Мак, двое из его команды и Джордж — тоже четверо. Такое соотношение было вполне приемлемым. Но отправлять Ханну к Хлое и шести эмэсовцам, зная, что в лесу еще как минимум два десятка? Нет, это невозможно.

— Стой на месте, — приказал он Ханне. — Ты сможешь завести машину без ключа?

— Мне признаваться или нет?

— Просто скажи. Время против нас.

— Да.

— Заводи.

Пока она заводила машину Себастиана, Мак разговаривал по рации с Хлоей.

— Джонсон — Айрин.

— Айрин. Слушаю.

— Непредвиденные сложности. Нужна ваша помощь.

— Поняла. Привести помощь?

— Нет. Пусть идут. Мы их догоним.

* * *

— Вы все слышали, господа, — сказала Хлоя. — Встретимся на месте.

— Мы хотели бы помочь старшему командующему, мэм.

— Спасибо, не нужно.

— Мы встретимся с ним позже?

— Непременно. — И в это самый момент Хлою осенило. — Вы окажете мне одну любезность?

— Все, что угодно, мэм.

— Командир Стефанич не ожидает сегодня старшего командующего Джонсона. Это для него сюрприз. Его должны наградить за недавние его действия. Так что...

— Не оповещать его?

— Вот именно.

— Все будет сделано, мэм. И знаете что? Мы не знали, что командир Стефанич собирается быть здесь. На самом деле мы даже не знаем, что мы тут делаем.

Хлоя побледнела. А что, если Стефанича тут нет?

— Это тоже сюрприз, ребятки.

* * *

Чань знал, что Бог защищает его, возможно, даже сильнее, чем он думает. Но он понимал, что Бог ничем ему не обязан и не должен действовать сразу же только потому, что Чань Его попросил. Совершенно не уверенный в том, что его молитва подействовала, Чань устало вернулся в кресло и сел за компьютер.

Экран засветился красными вспышками. Поисковик наткнулся на защищенные файлы на высшем уровне и теперь сравнивал, переводил, превращал сказанное в записанное. Маленькое окно в правом верхнем углу экрана показало шесть совпадений между некоторыми участниками операции МС в Птолемаиде и высшим руководством во дворце. Самым высшим.

Чань боялся, что многократное сложение замедлит поиск, но он должен был рискнуть. Мак и две женщины были в опасности, их превосходили числом, они понятия не имели, с чем столкнулись.

Он проверил первые три совпадения и нашел, что это рутинные контакты с администрацией Птолемаиды по передаче командованию МС статистических данных. Но четвертый контакт был совсем другим. Это был контакт высшей секретности, переписка между некими ТБ и ОТ, к тому же более чем один телефонный звонок между теми же двумя. Сейчас они переводились в печатный вид.

Чань ввел:

— Соответствие алгоритму?

Ответ был немедленным.

— Большое, простой критерий: инициалы на одном письме взяты у ключевого сотрудника в МС Греции и МС Дворца.

Чань прищурился. Вот об этом он и просил — найти какую-нибудь связь, основанную на стандартной процедуре поиска и кодах. ТБ — это же если взять на одну букву

выше по алфавиту от СА. ОТ — то же самое для НС. Чань вскочил и стоя склонился над клавиатурой. Он набрал:

— Показать взаимодействия. — И когда файлы каскадом развернулись на экране, он позвонил Маку.

* * *

Мак услышал, как завелась машина, и шаги с северо-востока.

— Дамы? — сказал он.

— Да.

— Да.

Зазвонил телефон.

— Подождите. Это Чань.

— Мак! Я сейчас передам тебе эту информацию и потом вернусь сразу же, как только у меня будут подробности. Готов?

— Давай.

— Акбар и Стефанич лично общались сегодня несколько раз.

Отключение.

— Блин, — сказал Мак. — Слушайте. Времени на расспросы нет. Ханна, за руль. Хлоя, садись. Берите лазер, «узи», личное оружие держать наготове, телефоны включить, рацию включить. Быстро к нашим. Пусть немедленно уходят и ничего не оставляют, чтобы эмэсовцы не обнаружили улики во время ночного рейда. Затем быстро в аэропорт и ждать меня и Себастиана в его самолете.

Быть готовыми к взлету в любой момоент. Если мы не появимся, значит, мы оба мертвы, и вы вольны действовать по усмотрению.

Мак наклонился и повесил на грудь пушку.

— Пора поработать, малышка.

Ханна и Хлоя побежали за хижину к работавшей вхолостую машине.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Слава Тебе, Господи, — шептал Чань, стоя над клавиатурой и с пулеметной скоростью набирать коды. За какие-то секунды он открыл расшифровки телефонных переговоров по линии защищенной настолько, что сам Карпати однажды обмолвился, что у него нет к ней доступа.

«Но Давид Хассид взломал ее, Ники. Он получил к ней доступ».

Чань также скопировал переписку, которая не сохранилась на компьютере дворца или Птолемаиды и должна была исчезнуть из записей сразу же по прочтении. Видимо, единственные существующие копии остались на мастер-диске Хассида. Они отсутствовали даже у корреспондентов.

Несмотря на любопытство, Чань понимал, что человек такого уровня, как Стефанич, слишком мелкая сошка, чтобы иметь

личный доступ к шефу безопасности. Их переписка говорила о какой-то особой предыстории их взаимоотношений. Окошко в углу экрана снова замигало, и Чань не стал тратить время на ее отслеживание, пока все не кончится. Он быстро щелкнул по окошечку и увидел сообщение: «Стопроцентное соответствие, необходимости декодировки нет».

Он открыл список и быстро прочел: «Прямое соответствие списка А и списка Б: Сухайль Акбар и Нельсон Стефанич зарегистрированы в Мадридской военной школе, сроки пребывания совпадают».

Судя по годам, они учились там вместе еще подростками, двадцать пять лет назад.

«Потому-то он и ответил на его звонок».

Теперь Чань работал в страшной спешке, просматривая копию и историю раскрытия их обмана.

Стефанич спросил, надежный ли человек Хоуи Джонсон.

Акбар ответил, что это имя ему ничего не говорит.

Стефанич сказал — это старший командир из епархии Конрада.

— Я проверю его.

Акбар нашел его и ответил:

— Блестящее досье, но мы с ним не пересекались. Это необычно для людей такого уровня, но бывает.

— Не хочу быть занудой, — продолжал Стефанич, — но Конрад может за него по-

ручиться? Хочу удостовериться прежде, чем отдавать ему пленного.

— Какого пленного? И при чем тут Конрад?

— Да иегудаита этого, Джорджа Себастиана.

— Он по-прежнему молчит?

— Мы его либо сломаем, либо прикончим.

— Сломай. Я знаю, что ты можешь.

— Ты не являешься непосредственным начальником Конрада?

— Нет. Мне и его проверить?

— Неплохо бы. Он должен быть одним из ваших главных, заместитель командующего, кабинет на твоём этаже.

— Присылай документацию.

Позднее Акбар сказал Стефаничу:

— Тебя обвели вокруг пальца. И Джонсон, и Конрад в системе есть, все на месте, только вот в реальной жизни таких не существует.

— Позволяешь отплатить им той же монетой?

— С превеликим удовольствием. Доставь их живыми или мертвыми, и я переведу тебя во дворец.

По ходу телефонных разговоров и переписки выяснилось, что и женщины не те, за кого себя выдают.

— Та, что из Монреаля, была у меня в кабинете.

Поздним утром Акбар принял решение:

— Если Себастиан им так дорог, то они крепко связаны с подпольем. Объявляй рейд

и посмотрим, не выдадут ли они местоположение штаб-квартиры.

Чань перезвонил Маку.

— Рейд — фикция. Если вы предупредите верующих, вы выдадите их.

— Звони Хлое или Ханне. Я занят.

— Ваше местоположение тоже ловушка, Мак.

— Ладно, Чань, слушай. Ты нас спас. Но во что бы то ни было найди Себастиана. Я вытащу его или погибну при попытке это сделать.

* * *

Хлоя ответила на телефонный звонок. Это был Чань.

— Рейд подстроен для того, чтобы вы вывели МС на подполье. Прекратить операцию немедленно.

— Ханна, ты была права.

— Что?

— Ханна была права, Чань. Она подозревала, что за нами следят. Я-то ничего не замечала и подумала, что у нее просто паранойя.

— Я же говорила тебе!

— Оторвитесь от них или заведите в никуда, — сказал Чань. — Если верить моей информации, эмэсовцы понятия не имеют, где находится штаб-квартира подполья или где место встречи. Я отсоединяюсь. Мак звонит.

* * *

— Слушаю, Мак.

— Вопрос. Если это ловушка, почему миротворцы не вернулись вместе с Хлоей и не взяли меня?

— Не понимаю.

Мак рассказал ему о встрече с миротворцами.

— Дошло. Я все еще читаю переписку между Акбаром и Стефаничем. Похоже, не все еще знают.

— Возможно.

— В этом ваш козырь.

— Подтверди, если сможешь.

— Хорошо.

* * *

Мак ушел достаточно далеко на восток, чтобы уже увидеть гараж, если он там вообще имелся. Он не увидел ничего. Даже эмэсовцев, на которых натолкнулись Ханна и Хлоя. Это означало, что место встречи находилось немного дальше. Если Чань прав, то Себастиана держат во многих милях отсюда.

«Ты великий белый вождь, Мак. Остался один в глуши, да еще против превосходящих сил противника».

Мак взвесил свои шансы. Заметить его было сложно. Он был достаточно опытен,

чтобы не попасть в ловушку, туда, где якобы находился Себастиан. У него была пушка. До машины идти было далеко — бегом будет побыстрее, но машину уже наверняка пасли. Скорее всего, эмэсовцы окружили ее, так что глупо было бы пытаться до нее добратся, его там легко возьмут.

— Господи, — тихо сказал он, — благодарю Тебя за то, что Ты дал мне повод держать себя в форме. Но пошли мне побольше выносливости. Я хочу только вытащить отсюда нашего человека и двух моих товарищей. Если Ты это уже сделал, то благодарю Тебя, поскольку я тут некоторое время буду занят. Но если Ты решил не помогать нам, то Тебе лучше знать, и тогда я вскоре смогу увидеть Тебя.

Мак вернулся к хижине и остановился в сотне ярдов выше ее. Он снял тяжелую куртку, оставил себе только три патрона 50-го калибра и два магазина для «узи», затем дважды обмотал ремень «узи» вокруг себя, чтобы автомат плотно прилегал к телу.

Бежать с пятидесяткой было невозможно, но он шел размашистым шагом как мог быстро по гребню холма, следуя изгибам местности, порой в двух сотнях ярдов выше дороги. Воздух поначалу охлаждал его руки, шею и лицо, но вскоре Мак вспотел. Он понимал, что это только начало. Все мышцы ныли, но он не желал останавливаться. Он даже не замедлил шага, просто шел и шел все дальше на запад, пытаясь прикинуть, сколько ему еще до того места, где он оставил машину. Преодолев неровный склон с шатающимися камнями, из-за которых он несколько раз

чуть не полетел вниз, он, наконец, решил по-искать машину.

Мак растянулся на крутом склоне, глядя вниз на дорогу. Установил сошку трясущими от усталости руками, откинул защитные крышки с телескопического прицела, затем ослабил крепление, чтобы можно было осматривать окружающую местность с его помощью, а не двигать тяжелый ствол, и стал осматривать дорогу.

Казалось, сто лет прошло прежде, чем он приспособился к темноте. Щебенчатая дорога казалась сверху лентой чуть светлее ночной темноты леса, но Мак знал, на что он смотрит. Вдалеке справа, на пределе видимости — достаточно далеко, так что пришлось бы перетаскивать оружие футов на сто, — он заметил нечто, отражавшее свет звезд. Это могла быть только белая машина.

Мак еще раз глотнул холодного воздуха. Затем заставил себя встать и передвинуться туда, где он мог бы установить ствол на одной линии с машиной. Его нельзя было назвать нетерпеливым. Подрегулировав резкость и сделав прикидку на глаз, он мог бы поклясться, что заметил какое-то движение на северном краю дороги. Если он не ошибся, там его ждут эмэсовцы. И почти наверняка на другой стороне дороги тоже.

По опыту он помнил, что надо заткнуть уши. Он оторвал от нижней рубашки два лоскутка и затолкал в уши. Положил рядом с собой запасной магазин, затем уперся в землю ногами. Ему очень повезло, что стрелять пришлось сверху вниз, поскольку отдачей

его отбросило бы назад и вверх. Не забыть согнуть колени.

Мак собирался дать два выстрела в машину с как можно более коротким промежутком, понимая, что потом он будет вынужден уходить, поскольку тот, кто хоть раз стрелял из этой громадины — и он в том числе — не захочет повторять это удовольствие, тем более сразу же.

Он установил пушку, лег, положил палец на спусковой крючок, уперев приклад винтовки себе в плечо. Он примеривался до тех пор, пока приклад не лег на мускул, а не на кость — и все равно Маку могло крепко достаться.

Мак приготовился. Спокойно. Расслабиться. Крепко прижать приклад к плечу. Расслабить палец на спуске. Уши заткнуты. Под ногами упор есть. Локти чуть согнуты. Колени согнуты и готовы спружинить. Едва заметное перекрестье прицела лежит на крыше машины. Взять на миллиметр левее с учетом ветра. Дистанция — чуть меньше двух сотен ярдов. Что бы ни было, перезарядить и выстрелить еще раз, уже не заботясь о точности.

Начав обратный отсчет от трех, Мак увидел в прицел вполне определенное движение. У него камень спал с души — разве что кому-то чертовски не повезет, и он окажется на линии огня, а так никто не пострадает, как минимум от первого выстрела. А к моменту второго, даже если он уложится в доли секунды, эмэсовцы уже будут на полпути к хижине.

Досчитав до одного, Мак передумал. Есть идея получше. Надо постараться взять прицел чуть левее, вдруг удастся попасть в бен-

зобак. Даже если промахнется, эти ребятаки подумают, что против них выехал целый танк или, по крайней мере, палят из базуки. Но если ему повезет, они подумают, что настал конец света.

Он сдвинул прицел — на волосок. Готовьсь. «Три, два, один, ой, ой, мама!»

Мак думал, что он готов ко всему. Но впечатление было такое, что в ушах ничего не было. Звук был настолько оглушительным, что буквально раздавил его. Деревья полетели в стороны, да и, взрыв бензобака и грохот по щебню останков машины наделали страшного шума вне зависимости от того, было ли тут кому его слушать. Ночной кошмар во всей его красе стоял перед его глазами дольше, чем оранжевый шар взрыва.

Силой отдачи его отбросило назад, на левый бок. Пытаясь прийти в себя, Мак перекатился на живот и сполз вниз, на прежнюю позицию. Дрожащими пальцами он затолкал в патронник очередной заряд, развернул винтовку так, чтобы она хотя бы не смотрела в его сторону, и вопреки всем инструкциям заставил себя еще раз нажать на спуск.

Снова та же процедура. Одна нога не слишком хорошо упиралась. Он не мог лежать спокойно и расслабленно. Приклад был где-то в полудюйме ниже плеча. Из-за отдачи в мгновение ока на плече его вздулся рубец, который неделю точно будет держаться.

Звук показался не таким громким только благодаря тому, что после первого выстрела уши были еще заложены. В голове гудело и звенело, Мак поднял голову, чтобы увидеть валя-

щиеся деревья — два с одной стороны дороги, одно по другую сторону. Его цель оказалась в десяти футах слева от сплющенной и горящей машины, освещавшей ту разруху, которую он тут учинил — и всего-то двумя простыми нажатиями на металлический рычажок.

Мак жалел, что не может слышать истощенные крики перепуганных насмерть и разбегающихся в панике эмэсовцев. Он неуклюже поднялся на четвереньки, как новорожденный жеребенок, стараясь не покатиться с холма вниз.

Когда он наконец сумел встать, растопырив руки ради равновесия, ему пришлось подождать, пока лес перестанет кружиться. Он ждал. И ждал. Когда, наконец, его вестибулярный аппарат приспособился, Мак задержал дыхание, помотал головой, подвигал руками-ногами, даже ушибленным плечом, и быстро пошел прочь.

Он намеревался пройти то расстояние, на которое за рулем он потратил не менее получаса. Он найдет дорогу к тому месту, где они с Ханной и Хлоей начали свою вылазку сегодня днем — как же давно это было... Там Мак отыщет спрятанный джип, запустит его без ключа и отправится на свое последнее, как он надеялся, сегодняшнее дело. Когда он доберется дотуда, он наверняка узнает от Чаня, где ему найти Джорджа Себастиана.

А уж потом да сжалится — или не сжалится — Господь над теми, кто осмелится преградить им путь к свободе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Хлоя не знала характеристик лазерной пушки, лежавшей на заднем сиденье, но ей доводилось слышать, какой эффект она оказывает на цель. И потому ей было любопытно, что получится. Она осторожно взяла оружие, положила на колени. Ханна на миг отвлеклась от дороги и глянула на лучевик.

— Не направляй эту штуку на меня, Хлоя.

— Да он даже не взведен!

— Иногда и палка стреляет. То и дело слышишь, как люди самоубиваются из ружья, а ведь клялись, что не заряжено!

— Вроде с ним просто управляться. Ты ведь знаешь, как из него стрелять?

— Да, — сказала Ханна. — А теперь будь добра, а?

— Просто включаешь, разогреваешь или что там еще, а потом стреляешь. Это несмертельно.

— Да, я знаю. Но когда тебя пришпарят по мягкому месту лучом с температурой сто тридцать градусов, пожалеешь, что жива осталась.

— Спорю, что я смогу снять этих парней с нашего хвоста.

— Даже не думай. Прوماхнешься, они начнут палить, и мы уже никому помочь не сумеем.

— Да мы и так никому не помогаем, — сказала Хлоя. — Мы сидим тут обвешанные «узи», пистолетами, карабином, с лазером под мышкой, а Мак в одиночку разбирается с эмэсовцами.

— А как ты думаешь, сколько эти парни будут мотаться за нами по городу, пока не сообразят, что мы водим их за нос?

— Нам придется отделаться от них прежде, чем мы направимся в аэропорт, Ханна. Иначе они никогда нас туда не пустят.

— Отделаться? Хлоя, мы можем перебить их, но они других пришлют, направят еще кучу машин с рациями в придачу. Нет, Хлоя, нам от них не отделаться.

— Я позвоню Чаню.

— Зачем?

— Хочу понять, сколько народу знает, кто мы такие.

— Зачем?

— Подожди.

* * *

Бежать без тяжелой пушки было куда легче, но Мак давно не бегал так много... Как

давно? Да никогда он так не бегал. Даже гонки по пересеченной местности в школе не бывали такими долгими. Слушая медленное, но уверенное стаккато своих шагов, он все повторял: «Господи, я — Твой. Господи, я — Твой. Господи, я — Твой».

Если он доберется до джипа, то только в том случае, если Господь этого захочет. Это было выше человеческих возможностей Мака.

* * *

Чань лихорадочно просматривал все обрывки информации по переговорам Акбара и Стефанича, надеясь найти хоть что-нибудь, что сможет помочь Маку. Его секретный телефон зазвонил, по номеру он определил, кто это.

— Вы в порядке, Хлоя? — сказал он.

— Пока да, — ответила она. — Можно ли узнать, сколько народу висит у нас на хвосте?

— Могу попробовать. Что вы сами думаете?

— Если их слишком много, то нам конец. Мы водим их по городу, можно было бы попытаться оторваться от них или перестрелять, но ты сам знаешь, какой у них тут перевес в силе. Но если за нами гоняется только одна машина, надеясь, что мы выведем их на штаб-квартиру подполья, то у меня есть идея.

— Намекни хоть, что ты придумала, прежде, чем я снова начну пытаться влезть в центральный компьютер Птолемаиды.

— А что? Если тебе не понравится моя идея, ты не будешь смотреть? Так, что ли?

— Хлоя, не надо так. Мак сейчас в более серьезной опасности, и мы до сих пор понятия не имеем, где находится Себастиан, так что мне придется взвешивать приоритеты.

— Извини. Хорошо, я быстро. Если они ждут, что мы выведем их на подполье, то мы их выведем. Только не туда, куда им надо. Это будут совсем другие — местные жители, очень невезучие, потому как на них вскоре свалится рейд.

— Мне нравится эта идея.

— Прямо камень с души.

— Нет, мне правда нравится. И я думаю, вы для них мелкая рыбешка. Не то чтобы вы были вне подозрений. Вылететь из аэропорта сегодня вечером практически невозможно, и они, вероятно, предполагают, что вам больше некуда деваться, и они смогут взять вас в любой момент, если вы решите уходить. Им нужны местные подпольщики.

— И мы их выведем, только не на тех.

— Выйду на связь, как только смогу.

* * *

— Перестань барабанить, а то пристрелю! — крикнула Елена.

Джордж больше никого не услышал. Он продолжал бить в стенку. Потянется ли она к замку? Отопрет его? Откроет дверь?

Она выругалась, и он на мгновение прекратил колотить в дверь и прислушался. Она подтаскивала что-то к лифту. Он услышал поворот ключа в замке. Похоже, она спрыгнула со стула или на что там еще она вставляла. Теперь она пыталась открыть двери. Даже Платон не смог бы сделать этого в одиночку. Джордж сел, продолжая колотить.

— Я сейчас до тебя доберусь! — сказала она. — Но ты очень пожалеешь.

Бум!

Бум!

Бум!

— Я через дверь выстрелю!

Бум!

Бум!

Бум!

— Прекрати лучше! Я не шучу!

Она явно пыталась справиться с дверьми. Открыть их она просто никак не смогла бы. Если бы только удалось заставить ее забыть о том, что она отперла замок! Он перестал колотить.

— Вот так-то лучше!

Он снова услышал, как она встает на стул. Опять звук вставляемого в скважину ключа.

Бум!

Бум!

Бум!

— Нет! Я тебе устрою! Я сейчас тебя запру, и хоть всю ночь колоти!

Она закрыла замок.

Джордж встал и нашел второй ботинок. Взял по одному в каждую руку. Теперь он наклонился вперед, прижав ботинки к двери. Он медленно провел ими по двери, по ходу дела садясь на пол, и уронил их. Затем шумно встал на колено, рухнул на бок, уронил руки. Замер.

— Кончил буянить?.. А?.. Эй, ты?.. Я тебя сейчас пристрелю!.. Эй, ты там жив?.. Эй!

Она снова выругалась, и он услышал, как она говорит по телефону:

— ...все колотил в дверь. Я пригрозила, что пристрелю его, он притих, но мне сдается, что он отключился... да звук такой был... словно он упал в обморок. Ты сам знаешь, что туда воздух не поступает. Вентиляции нет. Где? Я посмотрю.

Она два раза стукнула по двери.

— Ты там держись. Сейчас я дам тебе воздуха.

* * *

Чань нашел запись радиопереговоров между местными миротворцами в Птолемаиде, но качество было настолько низким, что декодер просто не мог передать их в удобочитаемом виде. Он сгрузил их в собственный компьютер и попытался прослушать через наушники.

— Хлоя, — передал он, — у меня одни догадки, так что действуйте по своему усмо-

трению. Я уверен, что у вас на хвосте только одна машина, да и то не официальные МС. Они передали наблюдение за вами двум блюстителям нравственности. Конечно, они вооружены, но они должны только сообщить, кого вы предупредите насчет рейда.

— Но это лишь твои догадки.

— Я не хочу врать, Хлоя. Я уверен в том, что мне удалось услышать.

— И насколько ты уверен?

— На пятьдесят пять процентов.

Она рассмеялась.

— Это так забавно?

— Нет. Просто я надеялась хотя бы на шестьдесят. Если я смогу сделать так, что ты будешь уверен на все шестьдесят, я куплю сегодня эту машинку.

— То есть?

— Да ничего. Хотя бы до шестидесяти четырех сможешь дотянуть?

— Максимум.

— Спасибо и на этом.

* * *

Елена все еще говорила по телефону, но Джорджу пришлось прижиматься ухом к двери лифта, и если только она не кричала, он почти ничего не слышал.

— Соседняя с лифтом дверь? — Ему показалось, что она говорила именно это. — Ага. Серая. Поняла. Да тут их целая куча... Ну, котел, воздух, водонагреватель — это все вроде

в подвале... Да откуда я знаю? Все двадцать кнопок и вроде только для этого. Ладно, посмотрю двадцать первую и дальше... ладно, возможно, это уже первый этаж... Охранная система, аварийное освещение, внешнее освещение, свет на лестнице, лифт... Вытяжка, вентилятор и свет — другие кнопки? Да не похоже... Да, все на одной панели... Но придется попробовать. Он же там сдохнет... Нет! Если приоткрыть хоть на дюйм, мне придется не сводить с него глаз вообще. А что, если я его включу, но оставлю двери закрытыми?.. На каждом этаже? Значит, закрою на каждом этаже. Тогда ведь ему не вылезти нигде, верно?.. Я перезвоню.

Джордж услышал, как она вышла из вестибюля и направилась вверх по лестнице. Он приложил ухо к двери и услышал, как она запирает внешние двери лифта последовательно на трех этажах наверху. Значит, она собирается включить автоматический выключатель лифта, чтобы заработал вентилятор и он смог бы получать воздух. Нет, это не то. Он должен каким-то образом открыть двери.

Она будет слушать, заработает ли вентилятор и зашевелится ли он после этого. Джордж встал и ощупал вентилятор и трубки освещения. Крепко надавил на обе стороны. Панели были крепко привинчены, но кожухи были соединены с проводами над кабиной, значит, это самые слабые панели в потолке. Он натянул перчатки и сильно надавил. Ме-

тала был слишком прочен, и края были местами острые, даже если работать в перчатках. А Елена наверняка была уже близко.

Джордж быстро надел носки и ботинки, наклонился и встал на руки, тихо перебирая ногами по стенкам кабины, пока не уперся в потолок. Он потоптался, пока не удостоверился, что упирается в светильник и вентилятор, затем напрягся и надавил со всей силой.

Трубки вывалились и упали, лопасти вентилятора согнулись и начали поддаваться. Его мышцы ныли, грудь разрывало, но он продолжал толкать, потому что от этого зависела его жизнь. Он ощутил, как поддается панель и кожух отрывается от проводов. Наверняка потолок был проломлен окончательно и бесповоротно.

Джордж попытался не пыхтеть и не шуметь, медленно опускаясь на пол. Он лежал, задыхаясь. Тщательно сдвинул обломки в угол. Он слышал, как Елена торопливо бежит к выключателю. Нижние кнопки на панели загорелись, он услышал гудение, доносящееся с потолка, где должны были находиться свет и вентилятор.

Пытаясь выровнять дыхание, Джордж повернулся на спину, зашнуровал ботинки и по-кошачьи припал к полу.

— Ну, воздух идет? — позвала Елена. Хлопнула ладонью по двери. — Эй? Ты оклемался?

Джордж поднялся на четвереньки и попытался, пока его ноги не уперлись в заднюю

стенку. Он поднялся на колени и сел. Затем нагнулся вперед, и уперся ладонями в пол, прижавшись левой щекой к полу. Он старался дышать глубоко и медленно, готовясь затаиться и притвориться мертвым.

Еще два удара в дверь.

— Ну же! Вентилятор уже работает! Ведь работает? Стукни, если к тебе идет воздух!

Джордж лежал, прижавшись к стене, всеми силами притворяясь потерявшим сознание.

— Ладно! Я отпираю двери, но если дернешься, ты покойник!

Она снова встала на стул. Раздался скрежет металла о металл. Джорджу не терпелось нажать на кнопку для открывания дверей, но он понимал, что уткнется прямо в направленный на него ствол. Он несколько раз сморгнул, чтобы увлажнить глаза — он намеревался лежать с открытыми неподвижными глазами, надеясь краем глаза уловить момент, когда можно будет действовать.

— Открываю дверь, так что не двигайся! Пусть лучше начальство найдет тебя с пулей в голове, чем погибшим в результате несчастного случая.

Он услышал, как она нажимает кнопку, ощутил, как дрожит кабина, и двери начали раздвигаться. Ему так хотелось глотнуть прохладного свежего воздуха, но он не осмеливался. В тусклом свете надписи «выход» и освещения вестибюля он увидел ее краем глаза — она стояла, широко расставив ноги, с винтовкой в руках.

Она выругалась. Шагнула поближе. Сняла левую руку с оружия и потянулась к его сонной артерии проверить пульс. Он понимал, что, как только она коснется его шеи, она поймет, что он жив. Это прикосновение будет для него сигналом к действию.

* * *

— Я сделаю все, что ты скажешь, Хлоя, — сказала Ханна, — но у нас есть дело более важное, кроме как унести отсюда ноги.

— Мак?

— Конечно.

— Мне тоже так кажется. И Джордж.

— Я просто представить себе не могу, чтобы он до сих пор был жив, Хлоя. Какой смысл им оставлять его в живых?

— Не надо так.

— Да ладно. Мы давно уже не школьницы. Если мы не будем об этом думать, то не значит, что этого нет.

— Я просто надеюсь, что они думают, будто смогут выжать из него еще что-нибудь.

— Я не так много общалась с ним, Хлоя, но позволь мне вот что сказать. Он из тех парней, которые будут делать то, что намерены, и никто не сможет заставить их поступить иначе. Уверена, они ничего от него не получили.

— Сверни туда.

— Ты думаешь, мы еще водим их за нос?

— Думаю? Я думать должна?

— Давай хотя бы не так открыто действовать.

— Вот потому ты и остановишься здесь, а не перед передней дверью, Ханна. Когда я пойду в магазинчик, ты останешься у машины, как будто присматриваешь, чтобы сюда никакая любопытная кума нос не сунула.

— Любопытная кума?

— Ну, сама понимаешь, эмэсовцы или блюстители, которые шарятся в округе.

— Любопытная кума?

— Что тут непонятного? Ой, я забыла, что ты выросла в резервации.

— Ладно, я буду смотреть, не появятся ли эмэсовцы или блюстители. И что мне делать, если я их увижу?

— Они сюда не сунутся. Они хотят устроить налет на тех, кого мы предупредим.

— Шанс как минимум пятьдесят пять процентов.

— Шестьдесят.

— Значит, сорок процентов вероятности того, что они нас арестуют. А то еще и что похуже.

— У тебя «узи». Я видела, как ты стреляешь из винтовки, и мне даже страшно подумывать, что ты можешь наделать с лазером в руках.

— Вот что я тебе скажу, Хлоя. Если кто-то появится, я просто заскочу в машину, дам сигнал и брошусь тебя спасать.

— Ну, я надеюсь.

* * *

При первом намеке на прикосновение Джордж Себастиан вспомнил все свои годы спортивной жизни, футбола и тяжелой атлетики. Оттолкнувшись от пола ладонями и ногами от стенки лифта, он со всей мощью врезался в Елену — женщину, которая убила последнего из тех, кто верил в нее.

Все двести сорок фунтов его веса врезались в нее с такой мощью и скоростью, что, обхватив ее за пояс, он ощутил, как его голова припечатала ее живот к позвоночнику. Ее машинально вывернуло в лифт прежде, чем она успела удариться лицом о его спину, а ботинками стукнулась в колени.

Он пролетел в вестибюль на десять футов, вонзившись головой в ее согнутое пополам тело, и упал с высоты четырех футов. Упав, он навалился всем телом на ее ноги, и она упала спиной с размаху на мраморный пол, громко приложившись затылком. Джордж вскочил на ноги, вырвал из ее рук оружие. Рассовал по карманам ее телефон и рацию, затем схватил ее за пояс и швырнул ее бесчувственное тело в лифт. Запер двери и оставил ключ на стуле, с которого она добиралась до замка.

Джордж взял какую-то тряпку, лежавшую у входной двери и, надев перчатки, вытер кровавый след, тянувшийся от лифта до того места, где она погибла. Он уже готов был выскочить из задней двери, чтобы посмотреть, не найдется ли там машина, ко-

торую он смог бы завести без ключа, когда услышал поворот ключа во входной двери и увидел на пороге старика, который улыбался и делал ему ручкой.

Старик был одет в комбинезон охранника, который был ему не по росту и держал под мышкой две швабры. Войдя, он что-то сказал по-гречески.

— Английский? — сказал Джордж, уверенный, что он сейчас весь красный и похож на сбежавшего заложника, который только что пристукнул своего тюремщика.

— Я хотел узнать, не работает ли по-прежнему лифт.

— Да.

— Работает?

— Нет.

— Не работает.

— Верно.

— Хорошо. Привет, ты в порядке, английский?

— В порядке. Пока, приятель.

— И тебе пока.

* * *

Хлоя поправила на плече «узи» и левой рукой потянулась к ручке двери. Как только Ханна остановила машину в тени переулка в трех кварталах от места, Хлоя вышла и быстро двинулась вперед.

Еле удерживаясь от соблазна оглядеться по сторонам в поисках эмэсовцев, Хлоя не

сводила взгляд с фасада магазина, где сегодня утром она смотрела по телевизору репортаж о бомбардировке Петры. Там было темно, но с задней стороны как минимум в двух помещениях горел свет.

Она громко постучала в стеклянную дверь. Обычно местные не отвечали на случайный стук, считая, что это какие-то пьянчужки болтаются поблизости в столь поздний час. Потому она продолжала стучать, пока кто-то изнутри не крикнул:

— Закрыто!

Она постучала еще несколько раз. Наконец, зажегся свет, и за дверью показался какой-то неуклюжий человек в халате и шлепанцах.

— В чем дело? Кто вы?

— МС! — драматически прошептала она. — Откройте. Всего на минуту.

Он хмуро присмотрелся, но дверь не открывал.

— Чего вы хотите?

— У меня для вас срочное сообщение, сэр, но я не хочу орать об этом на всю улицу.

Он покачал головой, отодвинул засов на двери, но открыл ее всего на пару дюймов.

— Я хочу предупредить вас, сэр, о зачистке, которая будет проходить сегодня ночью у вас по соседству.

— Что? Зачистка?

— Рейд.

— А что ищут? — спросил он, показывая на свой лоб и цифру 216.

— Это и будут проверять, — сказала она. — Вы лояльный гражданин, потому и

предупреждаем вас заранее, чтобы вы сидели спокойно.

— Ничего себе успокоили!

— Извините. Доброй ночи.

Он хлопнул дверью и запер ее, не сказав больше ни слова, и Хлоя поспешила назад к машине.

— Ну, здесь все в порядке, — сказала она. — Никого не подстрелила?

Ханна повернулась к ней:

— Что?

— Из лазера.

— Значит, так ты прячешь страх? Чушь несешь?

— Наверное. Меня всю трясет.

— Я никого не заметила, Хлоя. Я не знаю, что это значит. Либо они очень хорошо умеют прятаться, либо мы параноики.

— Может, и то и другое. Можем потолкаться тут немного и посмотреть, не придут ли эмэсовцы отлавливать подпольщиков.

— Надеюсь, ты не всерьез?

— Нет, конечно, но согласись, что это было бы забавно. Особенно когда они спросят этого старого дурака, не предупредили ли его насчет рейда.

— И куда мы теперь, Лара Крофт?

— Мне все кажется, что мы такая легкая добыча, Ханна. Мы не можем звонить Маку, пока не будем знать, может ли он сейчас с нами разговаривать. Чань свяжется с нами, когда сможет. Сдается мне, надо нам найти место, где мы могли бы подождать Мака и Джорджа и где нас никто не видел бы.

— Мечты, мечты...

* * *

Рэйфорду выделили в Петре палатку, и он уже готовился устроиться на ночь. Он не мог представить, как сможет заснуть после всего, что ему пришлось пережить. Пока он смотрел на звезды, у него вдруг зазвонил телефон, и он перекатился на бок, нашаривая его в сумке.

Рэйфорд заговорил с ужасающим ближневосточным акцентом.

— Атеф Наджиб слушает, — сказал он.

— Рэй?

— Прошу прощения, кто это говорит?

— Я заучил два номера — ваш и Чаня, — сказал звонивший. — Но это не защищенная линия, и я не хочу его раскрывать.

— Себастиан? — Рэйфорд сел. — Они нашли тебя?

— Кто они? Я только что сбежал. Тут поблизости нет никакого убежища, чтобы залечь и прикинуть, как мне отсюда унести ноги?

Рэйфорд вскочил. Перед ним мгновенно вспыхнула вся информация о членах отряда Скорби и как Себастиану связаться с местной взаимопомощью.

— Я перезвоню Чаню, и он оповестит остальных.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мак лежал в росистой траве рядом с джипом. Он от всего сердца благодарил Господа, хотя и понимал, что ни он сам, ни его команда еще не выбрались из леса. Ему было жарко. Грудь его высоко вздымалась и опадала, он жадно глотал холодный ночной воздух, и все благодарил и благодарил Бога за то, что ему хватило сил проделать весь этот путь.

Он едва нашел в себе силы ответить, когда Чань сообщил ему обо всем, что происходит. Быстро сообразил, что из четырех греческих беглецов Хлоя и Ханна находятся в настоящий момент в непосредственной опасности.

Их преследовали и эмэсовцы на машине, за ними охотились в Птолемаиде, и они не могли войти в контакт с людьми из взаимопомощи, даже если бы они бросили машину

и пошли пешком. Они были хорошо вооружены, но с оружием толком обращаться не умели. Если же Джордж Себастиан вышел на людей из взаимопомощи, то теперь его статус сменился с непосредственной опасности на максимальную безопасность.

Мак с трудом сел и прислонился к машине. Он жаждал этой операции — и боялся ее. Он хотел вырвать Джорджа у врага, но слишком неравны были силы. Когда все только начиналось, он ликовал от того, как легко удалось обвести вокруг пальца местных эмсовцев. Затем все пошло наперекосяк и чуть было не обернулось полной безнадеей. Теперь, с некоторой помощью Мака и благодаря разносторонней помощи, дело удалось поправить. У Мака теперь оставалось только одно — встретиться с оставшимися троими и выбраться из переделки.

Чань был безутешен — он ведь не сумел до начала операции обнаружить связь между Акбаром и Стефаничем. Мак пытался втолковать ему, что вся иерархия Мирового Сообщества слишком нова и настолько размазана, что никто и ожидать не мог, что эти два человека могут быть знакомы. Чань утешался, взламывая секретные якобы супернадёжные коды. Теперь они с Максом знали намного больше о Стефаниче и планах его группы. Мак знал точно одно — Себастиан на свободе. Из пятерки — Стефанича, Аристотеля, Платона, Сократа и Елены — только последняя знала об этом, и она была мертва.

После беглого, но тщательного ознакомления с переговорами Акбара и Стефанича Чань узнал, что именно они и составили план заманить Мака, Хлою и Ханну в лес. Там они вывели бы их туда, где их ждали бы эмэсовцы, причем не знаящие, что происходит. Даже если бы ситуация изменилась и Мак со своими людьми вдруг заполучил бы преимущество перед солдатами, мало кто из них знал бы достаточно, чтобы рассказать о ловушке.

Эмэсовцы ожидали, что люди Мака выведут их на подпольную штаб-квартиру, а затем намеревались взять их самих. Джонсон, Себастиан, Джинна и Айрин встретились бы в местной штаб-квартире подполья, откуда их отправили бы напрямую в Новый Вавилон как трофей Стефанича, нового члена дворцового штата Акбара.

— Стефанич прямо из штанов выскакивает, так вас ждет, — говорил Маку Чань. — Они заволновались, когда некоторое время не могли связаться с Еленой, но сейчас они вышли на нее и заверили, что в штаб-квартире все в порядке.

— И что ты на это скажешь, Чань?

— Меня это не волнует. Себастиан подтвердил гибель Елены, ее телефон у него. Они же не знают, что он их обдурил. За него я не беспокоюсь, а вот за Хлою и Ханну — да. Блюстители нравственности потеряли их, когда вышли к ложному местоположению штаб-квартиры подполья. Они не поймут, что их обдурили, пока не устроят рейд.

Но Стефанич столько народу загнал в лес на охоту за вами троими, что теперь ему не достает народу в самой Птолемаиде. Но положение изменилось. Они возвращаются назад.

Проблема, как понял Мак, заводя машину без ключа, была в том, что позвонить Хлое и Ханне он мог, но с членами общества взаимопомощи и Себастианом он мог выйти на контакт только при личной встрече. У него была кое-какая идея насчет того, как им убраться отсюда всем вместе, но сейчас главное — обеспечить безопасность женщин.

* * *

— Странно как, — говорила Хлоя. — Мы были в двух шагах от Джорджа, когда он вышел из заднего выхода штаб-квартиры МС. Мы могли бы подбросить его до наших.

— И все равно выдать ее.

— Ну да, но я просто так, к слову. Мы должны оставить машину и спрятаться там, где Мак мог бы нас найти.

— И чем скорее, тем лучше, — отозвалась Ханна. — Пока я еще никого не заметила. Давай-ка двинемся прямо сейчас.

— Давай хоть до пригородов доедем.

— Рискованно.

— Не так рискованно, как если мы припаркуем машину в центре и пойдем пешком по улицам.

* * *

Маку даже думать противно было о том, что надо пройти еще несколько кварталов, но он не мог рисковать и парковать джип поблизости от штаб-квартиры. Он оставил машину примерно в миле к северу и дальше пошел пешком.

Мак подумывал просто зайти в бар наверху, но, насколько он понимал, Сократ наверняка уже дал его описание, и весь город ждет его. Он все еще был в камуфляже и с «узи» — не слишком типичный вид для птолемайдца, зашедшего пропустить стаканчик на ночь глядя.

Так что Мак, сделав большой крюк, пошел туда, где Хлоя и Ханна назначили ему встречу, и затаился в тени. Скользнул в заднюю дверь, а оттуда — в туалет. В пабе было полно народу, стоял шум, что было ему на руку. Он запер дверь, стараясь дышать потише, и соскреб с лица грязь. Но в заляпаном зеркале он не показался себе сильно чище, чем до умывания, а вокруг глаз еще и залегли темные круги от усталости. «Вечер того же дня, — подумал он, — а у нас еще конь не валялся».

Мак посмотрел на трубы. Они шли прямо сквозь пол, возможно, проходили всего в нескольких футах от Джорджа. Кто знает, сколько еще верных забились в заднюю комнатку за прачечной? Он сел на пол и отбарабанил по трубе азбукой Морзе: «Ищу друга из Ю. Д.»

Повторил сообщение еще пару раз.

Наконец, послышался ответный стук. Записать Маку было нечем, так что пришлось запоминать каждую букву.

«Необходимо подтверждение».

Мак ответил:

— О, Благодать¹.

Ответ: «Еще».

Он отстучал:

— Отпусти народ мой.

Ответ: «Любимый ангел?»

Это было просто. И знать это мог только настоящий соратник.

— Михаил.

«Входи. Быстро».

Мак выключил свет прежде, чем открыть дверь. Никто за ним не следил. Он быстро спустился вниз по лестнице. Услышал из задней комнаты «тсс» и нырнул под занавеску, где наткнулся на два «узи», нацеленные на него в полутьме.

Молодой темноволосый человек, готовый в любой момент нажать на спуск, сказал:

— Покажи мне руки.

Мак поднял руки, его собственный «узи», позаимствованный в этой самой комнате, болтался на плече.

— Это он? — сказал молодой человек.

— Вероятно, — ответил Джордж.

¹ Или «Изумительное благоволение», в оригинале «Amazing Grace», всемирно известный христианский гимн XIX века, написанный Джоном Ньютоном.

— Если я не я, — сказал Мак, — то откуда я знаю, что ты Костас?

Затем он понял, почему Джордж говорит так неуверенно, и сорвал очки.

— Я же работал на Карпати, дружок! Пришлось удалить веснушки и изменить цвет волос.

— Это он, — сказал Джордж и шагнул вперед, чтобы обнять Мака.

Еще несколько человек — по большей части мужчин всех возрастов, вооруженных, — вылезли из-под груд белья. Среди этих людей было всего три женщины — одна средних лет, вторая пожилая, а третьей было около двадцати. Первая представилась как мать Костаса, госпожа П. Старшая сказала:

— Мой муж — двоюродный брат К.

Худой жилистый мужчина, с виду сильно за семьдесят, сказал:

— Это я.

Джордж указал на девочку-подростка.

— Это она отвечала по телефону Елены не так давно. Несмотря на дурную связь и треск статики, она сумела уверить своих партнеров, что я до сих пор под замком.

— Приятно познакомиться, — сказала девушка, изображая треск статических разрядов и заставив всех вокруг улыбаться.

— Отличная работа, — сказал Мак. — Теперь, братья и сестры, времени у нас нет. На меня идет облава, они скоро узнают, что Елена мертва, а пленник исчез. У меня есть

еще два товарища, они идут пешком. Кузен К., это вы Кронос?

— Да, сэр.

— Это вы давали нам на время грузовик?

Он серьезно кивнул.

— А этот грузовик можно сейчас подогнать?

— Он в двух кварталах отсюда.

— Я хочу его купить. — Мак вытащил пачку ников из кармана на колене.

— Нет, этого не надо.

— Надо, потому как до конца ночи эмэсовцы очень хорошо с ним познакомятся и больше вы его не увидите.

— Мне не надо денег.

— А взаимопомощи? Подполью?

— Нужны, — ответила госпожа Паппас и подошла взять деньги.

— Расскажите мне о грузовике. Он четырехприводный?

— Да. Но не новый и не очень быстрый. Пять передач, коробка механическая, очень тяжелый и мощный.

— Как только я выйду на связь с двумя оставшимися членами моей команды, мы с Джорджем возьмем грузовик и подберем их. Эмэсовцы ждут, что мы направимся в аэропорт Птолемаиды, но это было бы самоубийством. У нас есть самолет на заброшенном аэродроме в восемнадцати милях к югу отсюда. Если мы сможем добраться до него, не привлекая внимания, то там вы завтра найдете свой грузовик. Если за нами

будет хвост, то вы никогда этого грузовика не видели.

— Я хочу поехать с вами, — сказал Костас.

— Мне жаль, но — нет. Разве только вы не собираетесь лететь с нами в Америку. Иначе вы никак не сможете нам помочь и потом унести ноги.

— Но я...

— Мы возьмем столько боеприпасов, сколько вы нам выделите. И я бы сказал, если мы уйдем сейчас, то у нас шансы будут пятьдесят на пятьдесят. Согласен, Джордж?

— Нет, сэр. Это слишком оптимистичное предположение. Но я согласен с тем, что выбора у нас нет и нам надо уходить прямо сейчас.

Госпожа П. подняла руку.

— Нет ничего дурного, чтобы помолиться, пока другие работают. Пока я буду молиться, положите в сумки запасные магазины к автоматам. Господь наш, мы благодарим Тебя за братьев и сестер наших во Христе и просим, чтобы оградил Ты их огненным кольцом защиты Своей. Дай им удачи во имя Иисуса. Аминь.

Джордж взял сумку и ключи от грузовика, выяснил, где именно тот стоит, а Мак сел в углу и стал пытаться связаться с Ханной и Хлоей по рации.

* * *

Хлоя говорила по телефону с Чанем, когда она услышала, что Ханна получила сообщение по рации от Мака и говорит ему, где

они находятся — в стороне от дороги в кустах к северу от города.

— Это срочно, — говорил Чань. — У меня нет времени звонить каждому лично, так что слушайте. Все эмэсоовские миротворцы и блюстители нравственности подняты по тревоге. Они вышли из леса и начали облаву в городе. Речь идет о сотнях эмэсовцев и всех находящихся на ходу машинах. Они нашли труп Елены, поняли, что беглец одурачил их при помощи ее же собственного телефона, и теперь отслеживают его по GPS. Если телефон у Джорджа, они знают, где он, и избавляться от него надо подальше от штаб-квартиры подполья. Аэропорт кишит эмэсовцами, и хотя «блесна» стоит на полосе, якобы готовая к взлету, баки пусты. Если вы не пробьетесь к самолету Мака, то лучшее, что я могу посоветовать, — воспользоваться помощью друга Абдуллы и утром вылететь в Ларнаку на Кипре.

— Спасибо, Чань, — сказала Хлоя. — Ханна говорит, что Мак и Джордж уже в пути. Про Ларнаку забудь. Нам туда не добраться. Сдается, нас плотно взяли в кольцо. Скажи всем, что мы их любим. И всеми силами попытаемся добраться до дома.

* * *

Мак вел машину к северной дороге. Джордж сидел на пассажирском сидении. Зазвонил телефон Елены. Говорила Хлоя.

— Легко, — ответил Мак, остановившись посреди дороги. — Сунь телефон Елены под переднее колесо, Джордж.

Колесо раздавило телефон.

Когда они добрались до северной дороги, Мак увидел море синих проблесковых маячков вдалеке.

— А мы пользуемся популярностью, — сказал он.

— Они не ищут этот грузовик, — сказал Джордж. — Просто не делай ничего подозрительного.

— Вроде попытки подобрать двух женщин?

— Гони. Женщины увидят эмэсовцев и поймут, что мы должны вернуться.

— И как мы выкроим на это время?

— А что ты собираешься делать, Мак?

— Они устанавливают заграждение. Сунь оружие и боеприпасы под сиденье и надень кепи. Тебя по описанию они знают лучше меня. Габариты замаскировать не удастся, но твои блондинистые волосы можно прикрыть.

* * *

Хлоя и Ханна лежали на земле, глядя на длинную череду эмэсовских машин с включенными мигалками.

— Вот и грузовик, — сказала Ханна.

— Большинство машин МС проезжают мимо. Вряд ли им нужно столько просто для блокировки дороги.

По каждую сторону дороги стояла эмз-совская машина. Миротворец поднял руку, чтобы остановить грузовик, и провел его через заслон остальных машин отряда.

— Ханна, ты меня слышишь? Щелкни, если да.

Хлоя посмотрела на нее.

— Джордж?

Ханна кивнула и щелкнула кнопкой рации.

— Отлично. Рация Мака возле меня на сидении, я смотрю прямо вперед и делаю вид, что ни с кем не разговариваю, так что меня, возможно, трудно расслышать. Поэтому слушай внимательно. Если лазер при тебе и ты можешь его включить, щелкни.

Ханна включила лазер и щелкнула.

— Эти парни хотят нас проверить. Я оставлю рацию включенной. Если ты услышишь, что они хотят провести тщательный осмотр, выруби обоих. Поняла?

Щелчок.

— Идут. Будь наготове. Если один зайдет с моей стороны, пожалуйста, целься точнее.

Щелчок.

* * *

Чань был измотан до предела. Ему очень хотелось, чтобы ночь у него была ночью, как у всех во дворце, кроме Сухайля Акбара и буквально не ведавшего усталости Карпати, который больше никогда не спал. Однако

Чань все равно не уснул бы, пока Мак, Хлоя, Ханна и Джордж не поднялись бы в воздух. Он сидел за компьютером, готовый помочь в любой момент. А пока он включил прослушивание кабинета Карпати.

— Я должен держать под контролем эту заварушку в Греции! — говорил Акбар. — Я вернусь как только смогу.

— А разве ты не можешь руководить операцией отсюда, Сухайль? Ночи длинные, а информации с дневной стороны планеты много, ее надо изучать.

— Простите, потентат, но у нас серьезная протечка в системе безопасности. Я звоню по секретной линии в Птолемаиду и переписываюсь с защищенного адреса. Ситуация вот-вот разрешится, и я сразу же вернусь.

— И мы увидим, каковы успехи по поддержанию нравственности в регионе — 6 и регионе 0?

— Конечно.

— Мне нужны аудио- и видеозаписи, где последние уклонисты принимают клеймо верности, поклоняются моему изображению три раза в день — или последствия за их сопротивление. Им ведь достанется за непослушание?

— Я уверен, что да, ваше святейшество. Я даже не знаю, как вам или мне еще яснее дать им это понять.

— А евреи? В этих регионах много евреев, которые прямо сейчас радуются свету солнца, но не знают, что это, возможно, последний раз. Я прав?

— Вы всегда правы, ваше святейшество. Однако мало кто в мире сейчас радуется чему бы то ни было при таком состоянии морей, как сейчас. Я не знаю, как планета переживет такую трагедию.

— Это все дело рук иегудаитов, Сухайль! Они вбивают евреям в голову, что те будто бы избранный Богом народ. Ничего, теперь они мой избранный народ. И то, что я избрал для них, будет для них очень горькой пилюлей. И я хочу это видеть, Сухайль! Я хочу знать, как исполняются мои постановления.

— Я позабочусь об этом, мой господин. Когда я вернусь, монитор уже будет подключен к передающим станциям в этих регионах, так что вы сможете видеть все сами.

— Насчет утечки, Сухайль. Она здесь, во дворце?

— Мы пришли к такому выводу, потентат. Если такая полностью лживая информация может быть внесена в нашу основную базу данных через удаленный доступ, то мы в куда большей опасности, чем предполагали. Хотя это и ужасно, мы уверены, что враг действует изнутри, так что мы скоро выследим его.

— Помнишь, Сухайль, о том, что я просил сделать с евреями, не говоря уже об иегудаитах? Так вот, возмездие тому, кто обманывает меня под моей собственной крышей должно быть не менее жестким.

— Я понял, господин.

— Он должен быть казнен на глазах у всего мира.

— Конечно.

— Сухайль, а мы проверяли список нашего штата?

— Да.

— Среди них еще остались служащие МС здесь или еще где в мире, которые не получили клейма верности?

— Меньше тысячной процента, ваше святейшество. Меньше десятка, и все основательные приверженцы, и все, насколько я знаю, намерены в скорейшем времени исправить ситуацию с клеймом.

— Но не должны ли они подпасть под подозрение в первую очередь?

— Мы пристально наблюдаем за ними, сэр. И во дворце в Новом Вавилоне нет ни единого служащего без клейма.

Когда Сухайль, наконец, сумел откланяться и вернуться к урегулированию ситуации в Птолемаиде, Чань остался прослушивать кабинет Карпати и дальше. Николае что-то пробормотал себе под нос — Чань не разобрал, что именно. Вдруг он услышал стук, как будто Карпати постукивал по столу. Наконец, он услышал звук, словно бы Карпати пнул мусорное ведро, и содержимое его высыпалось на пол.

Через некоторое время Чань услышал тихий стук, и Карпати сказал:

— Войдите.

— О, извините меня, потентат, сэр. Я пришел подсоединить ваш монитор к станциям Северных и ЮжноАмериканских Соединенных Штатов.

Карпати не обращал внимания на мастера, пока тот не закончил работу и не собрался уходить.

— Убери это, — сказал он.

* * *

Мак решил взять на себя инициативу переговоров с эмэсовцем, командовавшим заграждением на дороге, а не ждать, пока у него спросят документы. Джордж ссутулился на пассажирском сиденье.

— Эй, что тут творится, начальник? Я столько ваших парней на улице не видел с тех пор, как дорожным рабочим служу. Эти парни мешают нашим ремонтным работам, но приказ есть приказ. А чего вы, к слову, ищете? Мне надо за чем-нибудь присмотреть?

— Секретный приказ, сэр. Облава на высоком уровне. Ну что, тяжелый у вас денек выдался, парни?

— И не говорите. Мы едва успели закончить до ночи. Пришлось сделать большой крюк из аэропорта. А это из-за этой заварухи? Там все перекрыто напрочь. Тоже через заграждение ехали. Они нас даже без документов выпустили. Потому как мы там допоздна возились с асфальтом и прочими делами. Теперь вот в гараж возвращаемся.

— Это не извиняет отсутствия документов. Все должны всегда иметь при себе документы.

— Да мы знаем, и обоим нам здорово хреново от этого. Но по дороге домой мы их будем при себе иметь.

— Вас выпустили из аэропорта?

— Да, хорошие ребята. В смысле, мы ж не миротворцы, но мы ж все равно служим людям, ага?

— Это не по уставу.

— Понимаешь, я точно так же и подумал, потому, честное слово, заценил, что они не оказались из тех упертых, что устраивают неприятности работягам.

— Ладно, я тоже не хочу вам жизнь осложнять, так что упростим задачу. Просто покажите мне ваше клеймо верности — и езжайте себе.

* * *

Хлоя уже подумала было, что Мак отбрехался. Но вот показать клеймо — это уже было проблемой.

— Не тяни, Ханна, — сказала Хлоя.

— Пусть и второй выйдет из машины.

По рации:

— Вы хотите видеть наше клеймо?

— Да, сэр. У вас на руке или на лбу?

— Мой тут, на лбу, под кепкой. У напарника — эй, парень, где у тебя?

— На руке, — отозвался Себастиан.

— Посмотрим, — сказал миротворец.

— А твое-то где, кстати? — сказал Мак. — У тебя тоже изображение потентата?

— Нет. Только номер. Мы тут типа военные.

Хлоя глянула на Ханну, затем снова на грузовик, где Мак медленно расстегивал ремень безопасности и снимал кепи. Он наклонился вперед.

— Ничего не вижу.

— Что? Да ты присмотрись!

Рация, тихий голос Джорджа:

— Самое время.

Миротворец обернулся, ударился спиной о кабину грузовика и с воплем упал. Когда он медленно начал подниматься, Мак сказал:

— Парень, что с тобой?

— Я не знаю... огонь или что-то вроде.

Он осторожно потер задницу, уже стоя. Махнул офицеру из другой машины, который быстро выскочил наружу.

— В чем дело?

— Да спину схватило, словно прижался к горячей трубе или вроде. Наверное, фурункулы назревает.

Он снова наклонился к Маку, затем взвыл, схватился за бедро и упал. Второй офицер выхватил оружие.

— Вы что творите?

— Да мы ничего не делаем! — сказал Мак. — Что с ним?

В машине включился свет, наружу выбрался Джордж и двинулся к ним с поднятыми руками. Наверное, рация сейчас лежала у него в кармане, потому что Хлоя по-прежнему слышала его через рацию Ханны.

— Я могу помочь? — спросил он.

— Стой где стоишь, — сказал второй митроворец прежде, чем шлепнуться на дорогу, выронив оружие и закрывая ладонями лицо.

* * *

Мак подскочил помочь Джорджу.

— Выдерни рации у них в машинах, — сказал он. — А я заберу те, что в карманах.

Оба офицера были в полубессознательном состоянии, глаза у них остекленели, оба постанывали.

— Дамы, — передал Джордж по рации, — помогите нам с этими машинами.

Мак разоружил офицеров и бросил их оружие на подстилку в грузовик. Забрал их рации и сунул под переднее сиденье.

— Как только отсоединишься, — сказал он Джорджу, — открой багажники.

Подбежали Хлоя и Ханна.

— Хлоя, — сказал Мак, — вы будете нас сопровождать. Как только я засуну этого парня в багажник его машины, я поеду в грузовике за тобой. Ханна, двинешь за нами, как только мы засунем второго в его багажник.

Эмэсовцы все еще стонали.

— Сейчас вы будете помалкивать, мальчики, — сказал Мак. — Вам будет немного неудобно, но вы останетесь в живых, если только не вынудите вас пристрелить. Мы просто немного прокатимся.

Рассовав эмэсовцев по багажникам, каждого в свою машину, Мак осторожно развернул грузовик и сказал Джорджу, чтобы тот выдал женщинам дополнительные боеприпасы из сумки, которую они получили у подпольщиков. Когда грузовик и две машины сопровождения двинулись на запад, одна из раций ожила.

— Северный блокпост, отвечайте.

— Северный блокпост, — ответил Мак, лишь наполовину нажав кнопку.

— Повторите.

— Северный блокпост на связи, — сказал он, стараясь, чтобы его услышали, но не четко.

— Ситуация?

— Работаем.

— Продолжайте.

Джордж снова вскочил в грузовик, и когда Хлоя тронулась с места, Мак двинул за ней.

— Смотри-ка, — сказал Джордж. — Я прямо чувствую, что эта дама знает, что мне нужно!

Вместе с боеприпасами госпожа П. уложила хлеб, сыр и фрукты.

— Большую часть оставим Хлое с Ханной, а я заберу то, что осталось, если ты сейчас не успеешь цапнуть.

Мак отломил кусок себе. И этот невероятный конвой поехал на запад, в ночь, начав свой долгий путь домой. Долго ли продержится их обман — оставалось для них тайной. А пока Мак с удовольствием жевал и надеялся, что они все же победили вопреки всему.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

После сообщения Мака Чань впервые за много часов позволил себе расслабиться. Он снова включил прослушивание кабинета Карпати, где Акбар вводил большого босса в курс дела.

— Нас постигла неудача, но эти негодяи никак не смогут...

— Неудача?

— Если не вдаваться в подробности, сэр, то пленный убил одного из наших людей — женщину — и сбежал. Мы полагаем, что он сейчас находится вместе с теми тремя, которые...

— Он убил одного из тех, кто его взял?

— Да, ваше святейшество. Мы полагаем...

— Мне нравится этот человек. Почему он не на нашей стороне?

— Мы полагаем, сэр, что он снова связался с теми троими, что пришли за ним, и мы надеемся, что им хватит глупости попытаться

ся прорваться в аэропорт. Мы крепко обложили его.

— Да, хорошо...

Карпати говорил отстраненно, словно оставшая часть истории его не интересовала.

— Сухайль, как сегодня аварийные команды?

— Еще рано говорить, сэр.

— Да ладно, ты же не из тех лизоблюдов, которые только и делают, что льстят мне. Все слышали отчет пилота, потом мое выступление о его ошибке, о том, что бомбы не попали в цель. И что говорят люди?

— Честно говоря, не знаю, ваше святейшество. Я весь день пробегал между своим и вашим кабинетом, пытаюсь разобраться с этим греческим инцидентом.

— Вот что я скажу тебе, Сухайль: диск с самолета свидетельствует о прямом попадании. Все эти предатели горели огнем! Но какая бы магия ни позволила этим негодьям уцелеть, она не простирается на территорию вне этого района.

— Прошу прощения, но не так давно мы потеряли там пехотные войска...

— Я это знаю, Сухайль! Ты думаешь, я не в курсе?

— Простите, потентат.

— Я хочу, чтобы мы нашли какое-нибудь безопасное место в окрестностях, где наше вооружение не проваливалось бы под землю, место, где мы могли бы перерезать их пути сообщения. Им нужно снабжение, и мы должны остановить его поступление к ним.

— Наши вооруженные силы так сильно сократились...

— Ты хочешь мне сказать, что у нас не осталось ни пилотов, ни самолетов, чтобы лишить Петру снабжения?

— Нет, сэр. Я уверен, что мы можем это сделать. Кстати, сэр, наши эксперты по древним текстам говорят, что следующее проклятие падет на озера и реки по всему миру и с ними станет то же, что и с морями.

— То есть источники пресной воды превратятся в кровь?

— Да, сэр.

— Невозможно! Ведь все погибнет! Даже наши враги!

— Некоторые верят, что иегудайтов защитят, как недавно от наших воздушных сил.

— И откуда они будут брать воду?

— Оттуда же, откуда получают защиту. Возможно, было бы целесообразно договориться с их лидером, чтобы проклятие было снято.

— Никогда!

— Не стану спорить, сэр, но при таких опустошениях мы долго не протянем. А когда еще реки и озера превратятся...

— Ты не знаешь всего, Сухайль. У меня тоже есть сверхъестественная сила.

— Я видел это, сэр.

— И увидишь еще больше. Преподобный Фортунато подготовлен и способен потягаться в колдовстве с иегудайтами, ответить ударом на удар. И он выберет тех, кто будет делать это по всему миру.

— Да, но...

— Теперь покажи мне то, что я желаю видеть, Сухайль.

* * *

— Северный блокпост, ответь центру.

— На связи, — ответил Мак. — Слушаю.

— Расположение подозрительного грузовика?

— Повторите.

— Один из наших патрулей доложил, что, когда они проезжали, вы в числе первых машин остановили какой-то грузовик.

— Подтверждаю. Чисто.

— Идет с запада на восток?

— Подтверждаю.

— Мы отследили сотовый телефон от западной части города вплоть до восточной прежде, чем потеряли его.

Мак посмотрел на Джорджа.

— И что они хотят услышать?

— Ты ничего об этом не знаешь.

Мак так и передал:

— Здесь помочь не могу.

— Грузовик продолжил путь на восток?

— Да.

— Вы передавали, что здесь оживленное движение.

— Да.

— Заняты?

— Подтверждаю.

— Патрули докладывали, что не видели никого, кроме грузовика, когда проезжали мимо вас.

— Сейчас плотное движение.

— Где вы находитесь, блокпост?

Мак снова посмотрел на Джорджа.

— Они нас вычислили.

Джордж вытащил из-под сиденья оружие и рацию Рэйфорда из кармана.

— Джинна, Айрин, имейте в виду — у нас вскоре появится компания.

Мак несколько раз нажал кнопку эмэсовской рации.

— Повторите.

— Где вы находитесь, блокпост? Ваше местоположение?

* * *

Чань застыл. Он чуть не заснул, слушая Акбара и Карпати, споривших по ходу просмотра сообщений из Соединенных Штатов Северной Америки. Он не отслеживал ход птолемайдской операции.

Местные эмэсовцы отследили сотовый Елены до западной окраины города. Телефон оставался на одном и том же месте больше часа. Командир Нельсон Стефанич и остатки отряда «философов» лично возглавили налет на паб в этом районе города.

Он позвонил Маку.

— Говори быстро, Чань. Мы тут можем крепко завязнуть.

— Насколько вы далеко от города?

— Не могу сказать точно. Я выжимаю из грузовика все, но, боюсь, больше пятидесяти миль в час он не даст. За нами погоня?

— Вы далеко от подпольщиков, чтобы им помочь?

— Зависит от. А в чем дело?

— МС прямо сейчас штурмует паб. Следующей будет штаб-квартира.

— У них есть шанс выбраться?

— Понятия не имею. Предупредить их не могу.

— Я полагаю, что мы в получасе езды от самолета. Можем вернуться, если ты считаешь, что мы можем помочь.

— Подождите, поступило донесение. Они накрыли штаб подпольщиков под пабом. Идет перестрелка. Шестнадцать эмэсовцев убиты, еще с десятков ранены. Здание забросали гранатами и подожгли. Несколько соседних зданий пострадали. Выживших нет.

* * *

Пока Мак передавал новости Джорджу, эмэсовцы продолжали пытаться пробиться к Маку по рации, запрашивая какой-то код.

— Мы заблокировали северную дорогу с обеих сторон из-за рейда, так что они окружены, — говорили ему. — Нам нужен ваш код отбоя.

Джордж растерянно посмотрел на Мака и попытался вырвать у него рацию.

— Я дам им код.

— Спокойно, друг.

— Это моя вина, Мак! Вот о чем я думал, когда трепался по тому телефону?

— Эх, если бы мы могли вернуться, — сказал Мак. — Я бы лично прикончил нескольких гадов. Но наши братья и сестры сейчас на небесах, и, сдается, без боя они не ушли.

— И что? — сказал Джордж. — И мне должно полегчать от того, что люди погибли и теперь на небесах?

— Немедленно нужен код отбоя, — прохрипела рация.

— Я непременно должен сказать им, что это псалом 94:1¹, — ответил Мак.

— Я знаю, что мог бы сказать им. Пусть женщины остановятся, мы вытащим из багажника эмэсовцев, и они скажут нам код.

— Они выдадут нас.

— Под дулом лазера не выдадут. Дай я вытащу одного, Мак. Ну, пожалуйста. Я должен это сделать.

— Хлоя, притормози, — сказал Мак.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Все в порядке?

— Пока да.

Телефон Мака зазвонил. Это был Чань.

— Стефанич, Платон и группа эмэсовцев ищут грузовик и две патрульные машины. Направляются на восток.

¹ В православной традиции — псалом 93.

— Тогда быстро, — сказал Мак, выпрыгивая из кабины, когда Хлоя вышла из передней машины, а Ханна затормозила сзади.

— Открывай багажник, Хлоя, — сказал Джордж. — Ханна, дай мне лазер.

Хлоя открыла багажник, Мак посветил фонариком в лицо почти лишившемуся сознания эмэсовцу.

— У меня волдыри, — всхлипнул он. — Пожалуйста, осторожнее. Или пристрелите меня.

— Тебе понравилась эта штука, не так ли? — спросил Джордж, размахивая лазером. — Видишь?

Тот открыл один глаз и с жалким видом кивнул.

— Эта штука хорошо тебя запечет, сочненький будешь.

— Пожалуйста, не надо!

Джордж включил винтовку, та загудела.

— Не надо!

Он направил оружие на щиколотку пленника, тот сжался, подвывая.

— Назови код отбоя.

— Что?

— Ты меня слышал. Давай код отбоя или...

— Он в бардачке! В моей книжке!

Хлоя побежала проверить. Вернулась с маленькой черной кожаной записной книжкой.

— Там много что записано.

Джордж взял ее и бросил пленному.

— Мы должны двигаться, — сказал Мак. — Они все равно не купятся на код. Они уже в пути.

— Эти ребята — балласт, — сказал Джордж. — Может, мы сумеем притормозить остальных, если бросим их на дороге.

Пленник лихорадочно листал страницы. Он поднес записную книжку к свету от фар грузовика.

— Один-один-шесть-четыре-восемь! — сказал он.

Джордж выволок его на дорогу, в то время как Мак вытаскивал его напарника из другой машины. Они лежали, дрожа, и скулили:

— Пристрелите нас.

— Вы не понимаете, о чем просите, — сказал Джордж. — Пусть сейчас вам плохо, но, поверьте, дальше будет еще хуже.

— Брось тут одну машину, — сказал Мак. — Перегородим дорогу ею и грузовиком. Понятно, что эмэсовцы их быстро объедут, но в нашем случае любая их задержка нам на пользу.

Хлоя вывела одну из машин на дорогу так, чтобы она стала нос к носу с грузовиком. Затем они вырвали крышки трамблера и забрали ключи от обеих машин.

— Последний приказ с запросом кода.

Мак проорал код в микрофон, затем сказал Хлое:

— Ты поведешь. Выжимай газ по полной. Я возьмусь за винтовку. Не думаю, чтобы они накрыли нас прямо сейчас, но всем быть наготове.

Джордж бросил лазер в багажник и забрался на заднее сиденье вместе с Ханной.

Машина эконом-класса была маловата для четверых и чуть ли не стонала под их весом, но вскоре Хлоя разогнала ее до семидесяти миль в час.

— Эй, Мак, а что там за псалом 94:1? — сказал Джордж.

Мак обернулся к нему, насколько мог.

— Боже отмщений, — сказал он, — Господи Боже отмщений, яви себя!

Эмэсовская рация снова ожила.

— Нам срочно нужно ваше местоположение. Патрули на северной дороге сообщают о полном отсутствии движения. Они вас не видят.

— Дай мне эту штуку, — сказал Джордж, выхватывая у Мака рацию. Нажал кнопку. — Ищите нас в псалме 94.

* * *

Чань сделал себе чаю, добавив туда странной смеси, включавшей растворимый кофе с самым высоким содержанием кофеина, который только сумел найти. Он вырубится, когда все закончится, но сейчас он не смел позволить себе заснуть. Было ясно, что греческое МС взяло на прицел его товарищей. Вскоре враги сообразят, что у Мака наверняка есть самолет на заброшенном аэродроме менее чем в двадцати милях от дороги. Он явно не собирался бежать в Албанию. Как быстро Мак со своими сумеет забраться

на борт и сколько они смогут пролететь без дозаправки?

А пока, насколько слышал Чань, Карпати занимался отчетами из регионов, где все еще стоял день. Можно сказать, он полностью зарылся в них. Потентат региона 0, Соединенных Штатов Южной Америки, сообщал о мероприятии, которое «первая леди», его жена, в настоящий момент посещала.

— А вы чем занимаетесь, пока она выполняет вашу работу? — спросил Карпати.

— О мой вождь, восставший из мертвых, будьте уверены — я занимаюсь более важным делом. Мы услышали ваши слова об искоренении неверных, и я работаю в плотном контакте с нашими миротворцами и блюстителями нравственности, а также с тайными группами верных граждан. Мы надеемся, что многие десятки познакомятся с гильотиной или примут ваше клеймо еще до истечения двадцати четырех часов.

— Десятки? Мой дорогой друг, со всего света приходят сообщения о сотнях и тысячах, которые должны получить свое за неверность. Некоторые удваивают усилия даже в нашей части мира, где сейчас ночь!

Южноамериканец вздохнул.

— Сэр, как это ни печально, но мы очень зависим от морей, в результате чего наши силы чрезвычайно уменьшились.

— Но ведь у вас есть диссиденты, не так ли?

— Это так. Но я прошу вас — позвольте вас подключить к прямой передаче из

Уругвая, где моя жена как раз находится на церемонии, венчающей приведение к верности.

Чань быстро переключился на Мака и его команду. Ничего нового. Затем он включил видео из Соединенных Штатов Южной Америки. Первая леди кланялась в ответ на бурные аплодисменты. Она обнимала одной рукой застенчивого мужчину средних лет.

— Этот человек наконец-то получил свое клеймо верности нашему восставшему из мертвых потентату!

Снова овации.

— Скажите, Андрес, что заставило вас так долго тянуть?

— Я боялся, — с улыбкой ответил он.

— Чего вы боялись?

— Иглы.

Многие разразились смехом.

— Но сегодня вы сделаете это?

— Да, очень маленький нолик, — сказал он.

— Вы больше не боитесь иглы?

— Боюсь. Но гильотины я боюсь больше.

Толпа снова разразилась смехом и приветствиями и продолжала аплодировать, пока Андрес сидел, подобравшись, в ожидании клейма. Ему протерли лоб, принесли машинку, кто-то держал его за руку. Он встал со счастливым и облегченным видом.

Первая леди сказала:

— Теперь вы можете вернуться к своим делам, за которыми вас обнаружили без клейма.

Камера показала, как Андрес бегом возвращается к изображению Карпати и падает на колени пред ним. Первая леди обратилась к толпе:

— Андрес так долго не был замечен потому, что повиновался приказу поклоняться изображению потентата и никто его не заподозрил.

Карпати это зрелище не впечатлило.

— Он поклоняется мне — и все равно боится маленького укола!

— Но вас порадует другое, потентат, — сказал лидер Южной Америки. — По наводке некоторых верных граждан мы нашли логово оппозиции. Шестеро были убиты при аресте, и еще тринадцать отвезли в центр внедрения верности.

— И сколько из них примут теперь клеймо? — сказал Карпати. — Скольких из них не пугает вид средства воспитания?

— Ну, вообще-то никого, сэр.

Чань услышал удар кулака.

— Упертые дураки! — проговорил Карпати. — Такие упертые. Почему эти люди так решительны? Так тупы? Так слепы?

— Сегодня они заплатят за все, ваше святейшество.

— Прямо сейчас, пока мы говорим? — В голосе Карпати послышалось возбуждение.

— Да, прямо сейчас.

— Это что за музыка?

— Это приговоренные поют, господин. Это обычное дело.

— Заткни их!

— Минутку. Извините, сэр. — Он обратился к кому-то. — Хорхе! Передай офицерам, на месте, что верховный потентат не разрешает музыку. Да, прямо сейчас! Ваше святейшество они сейчас прекратят.

— Эти точно предпочли гильотину?

— Да, сэр. Они ждут своей очереди.

— А мы чего ждем?

— Только исполнения вашего приказа обновить пение.

— Покончим с ними! Гильотина их заткнет.

Чань сжался, увидев, как охранник с винтовкой со штыком подтолкнул первого человека в очереди — женщину лет тридцати. Она пела, обратив лицо к небу. Охранник заорал на нее, но она не слушала его. Он ударил ее, она споткнулась, но продолжала петь, устремив взгляд вверх.

Он ткнул ее в ребра прикладом винтовки, она упала на колено, затем поднялась, продолжая петь. Тогда он встал рядом с ней, широко расставив ноги, и всадил штык ей в руку и в бок. Она вскрикнула, когда он выдернул штык, затем зажала рану другой рукой. Теперь ее пение прерывалось судорожными вздохами, и люди у нее за спиной попадали на колени.

— Что она там поет? — резко спросил Карпати.

Звук усилили, и Чань затаил дыхание, прислушиваясь к полному страдания, прерывистому голосу женщины. Она уже не могла держать дыхание, но продолжала, шатаясь, теряя сознание, петь:

— ...когда страдание и любовь сплелись в сияющем венце¹...

Остальные охранники набросились на людей, колотя прикладами по головам тех, кто стоял на коленях.

— Прикажете охранникам прекратить этот цирк! — рявкнул Карпати. — Они же только играют им на руку! Пусть толпа увидит, что, несмотря на все их разглагольствования и песни, мы властны снять им головы!

Гильотина была уже наготове. Женщины продолжала с трудом выговаривать слова — петь она давно уже не могла. Охранники схватили ее под руки и поволокли, а она выкрикивала:

— ... душа и жизнь моя — Твои!

Нож скользнул вниз, и толпа взорвалась криками.

— Ах! — вздохнул Карпати. — А с другой стороны мы посмотреть не можем?

— С другой стороны, сэр? — повторил южноамериканский потентат.

— Со стороны гильотины! Ножа! Поставьте туда камеру! Тело не падает! Просто обмякает! А я хочу видеть, как катится голова!

Еще несколько человек в очереди приблизились к орудию смерти, воздевая руки ладонями вверх. Охранники хватали их за руки, силой их опуская, но люди все равно поднимали руки к небу. Их били по рукам

¹ Использован текст песни «When I Survey the Wondrous Cross», слова Isaac Watts, музыка Lowell Mason

штыками, но люди инстинктивно уклонялись и по большей части избегали ран.

Охранники шли за ними и подталкивали их в спину штыками. Теперь камера показывала крупным планом человека, который одной рукой держал рычаг, а другой придерживал голову жертвы за волосы. Он опустил хомут, отпустил рычаг и кивнул степенной женщине. Та дернула за веревку.

Нож со скрежетом скользнул по пазам и резко упал, голова скатилась, из шеи забила фонтан крови.

— Вот так мне больше нравится! — прошептал Карпати.

* * *

— Мы можем выдохнуть? — спросила Ханна.

Мак обернулся к ней.

— Моему самолету хватит топлива до Рима. Там есть маленькая взлетная полоса к югу от города, которую обслуживают наши, и имеется запас топлива. И я не буду чувствовать себя спокойно, пока не улечу оттуда.

— Нет, я про этих, — сказала она. — Они ведь не доберутся до аэропорта раньше нас?

— На машинах — нет.

— Ты о чем? — спросил Джордж.

— Они скоро поймут, куда мы направляемся. Они же не думают, что мы собираемся обогнать их на машине.

— Твой самолет спрятан?

— От машин — да. А с воздуха — нет.

— Сколько им надо, чтобы добраться туда по воздуху?

— Если из Козани на истребителе, то тут они могут нас опередить.

— Они могут уничтожить твой самолет?

— Только если доберутся туда раньше нас.

— Сколько народу они могут захватить с собой?

— Если полетят на маленьком быстром самолете — то немного.

В голосе Джорджа послышалось возмущение.

— Мы слишком много вложили в это дело усилий, Мак, чтобы позволить себе провалиться. Пора выложить все козыри. Ты надеешься, что мы просто можем приехать туда, заскочить на борт и взлететь?

— Другого плана у меня нет, — ответил Мак.

— Придется смириться с тем, что они нас тут опередят, — сказал Джордж. — Надо решить, как выкручиваться.

— Ты хочешь предположить худшее?

— Конечно! А как иначе? Фиг бы я вырвался от этих идиотов, если бы надеялся на то, что они вдруг возьмут да и отпустят меня. Расскажи мне об этой взлетной полосе.

— Тянется с востока на запад. Я стою на восточном конце носом на запад.

— Если они доберутся туда прежде, чем мы взлетим, им останется только поставить свой самолет у нас на пути.

— Давай сначала сами перегородим им дорогу, — сказал Мак. — Я запихну вас в самолет, вы будете разогревать моторы, пока я не выеду на полосу прямо перед вами. Им придется очень постараться, чтобы не столкнуться с моей машиной при посадке. Когда будем взлетать, пойдем под таким углом, чтобы пройти над машиной и ними, и мы свободны.

Джордж покачал головой.

— А ты когда попадешь на борт? Слишком многое ты оставляешь на волю случая.

— На волю Бога, Джордж. Я просто не знаю, что еще можно сделать.

Телефон Мака зажужжал.

— Слушаю, Чань.

— Они в самолете. До прибытия десять минут. Стефанич, три «философа», пилот. Самолет без наступательного вооружения, но пассажиры вооружены до зубов.

— Мы ближе, — сказал Мак. — Просто надо опередить их, и все.

Он спросил Хлою, может ли она выжать еще что из машины, но бедная железяка и так стонала от перегрузки, несясь по плохой дороге.

— Когда окажемся на месте, съезжай с дороги и гони к восточному концу полосы.

Мак давал Себастиану инструкции насчет самолета, когда ему показалось, что он слышит вдали гул. Они с Джорджем опустили стекла, прислушиваясь.

— Это наша полоса, Хлоя! Спокойно!

Она свернула с дороги, съехала в лощину и поднялась по противоположному ее скло-

ну. Машина прыгала на ухабах и дергалась, Мак стукнулся головой о потолок.

— Включи фары! Я не знаю, что там!

— Я что, умею водить по лесу? — сказала она.

— Полагаю, да. Вези нас прямо туда.

Хлоя наехала на каменистый участок, машина подпрыгнула, а когда опустилась, лопнула задняя шина.

— Блеск! — сказала она.

— Ну, хотя бы задняя, — отозвался Джордж. — Езжай как есть!

* * *

Включив фары, Хлоя увидела неровную каменистую местность, поднимавшуюся к густым зарослям деревьев. Она не представляла, как проедет сквозь них, но назад дороги уже не было. Машину вело влево из-за лопнувшей задней шины, словно кто-то тянул ее якорем. Не помогало даже то, что Себастиан, самый тяжелый из всей компании, сидел сзади.

Когда впереди показался самолет, Хлоя пожалела, что не может выключить свет и просто ломиться напрямую. Но сейчас все решало время. И решительность. К ним спешили люди, убившие их товарищей и готовые уничтожить, не задумываясь, небольшую группу уцелевших бойцов отряда Скорби.

Хлоя желала действовать, быть в самом пекле боя. И хотя она сделала бы все, чтобы вернуться к Кенни и Бизону, она давно уже перешагнула черту, и выбора у нее не оставалось никакого, кроме дерзости. Осторожность, дипломатия, хитрость — об этом можно было даже не думать. Она должна добратся до этого самолета, они должны взлететь, или никто из них больше не увидит рассвета.

Она пробиралась между деревьями, только порой снимая ногу с педали газа. У маленькой машины был передний привод — хоть какая-то радость в этой тяжелой ситуации. По дороге она ударилась сначала об одно дерево, потом о другое, но продолжала двигаться вперед.

Теперь она четко видела самолет Мака, но на пути стояло заграждение в три натянутых проволоки. Если она хоть чуть снизит скорость, машина запутается в нем. Она посмотрела на Мака, который упирался ладонью в потолок. Он просто кивнул на заграждение, как будто никаких вариантов не было. Хлоя вдавила педаль газа в пол, машина налетела на нижнюю проволоку, две верхние скользнули по крыше. Деревянный столб сломался и упал на край взлетной полосы в сорока футах от самолета.

С другой стороны шел на посадку реактивный самолет МС, освещая полосу посадочными огнями вплоть до самой машины.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Впервые с тех пор, как он начал работать на отряд Скорби в дворцовом комплексе, Чань задумался о том, а не раскрыли ли его. Экран его компьютера вдруг окружила красная полоса, что показывало, что какой-то внешний источник испытывает на прочность его защиту.

Он немедленно включил скринсейвер, который показал дату, время и температуру, выключил все освещение в своей комнате, разделся и забрался в постель, готовый прикинуться спящим, если вдруг Фигейроа или кто-то из его прихвостней постучит в дверь. Он никаким путем не мог выяснить, что означает это предупреждение, но Давид Хассид рассказывал ему, что встроил тревожное оповещение в систему своей защиты, чтобы оператор знал, что кто-то пробует пробиться.

Может, кто-то проверял, выключены ли компьютеры. Кто знает, вдруг этот кто-то способен взломать систему и выяснить, кто здесь засланный агент?

Вряд ли взлом возможен, если доверять Давиду. Он выстроил систему настолько тщательно и искусно, что на ее декодировку уйдут все оставшиеся до Явления во Славе годы. Но разум Чаня не успокаивался. Возможно, Акбар велел Фигейроа прощупать, все ли компьютеры работают, отключить основной компьютер, управлявший всем дворцом, изолировать ноутбуки и персональные компьютеры, а затем провести быструю покомнатную проверку, чтобы посмотреть, кто чем занят.

На компьютере Чаня не сохранялось записей о том, что он делал все те часы после того, как покинул свой кабинет. Именно поэтому он и ждал, что кто-нибудь придет и проверит.

Лежа в темноте с колотящимся сердцем, Чань терзался мыслью, что не может сейчас помочь тем, кто в Греции. Какая ирония судьбы, думал он, что при всей технологии, которую Господь дал ему в руки ради отряда Скорби, он внезапно остался ни с чем и ничем не мог помочь — разве что древней молитвой. Как ему хотелось сейчас проверить записи «жучков» в кабинетах Акбара и Карпати, чтобы посмотреть, не давали ли они распоряжений на этот счет. Понятно, что кто-нибудь из больших шишек рано или поздно узнал бы о взломах системы и полез бы на стенку.

Чань выбрался из постели, встал на колени на холодный пол, чтобы помолиться за Мака, Хлою, Ханну и Джорджа.

— Господи, я не знаю, как сейчас они смогут спастись, разве что Ты Сам им можешь. Я не знаю, не настало ли им время уйти к Тебе, и я никогда не считал наши мысли Твоими. Все случается в свое время и во славу Твою, но я все равно прошу за них и за тех, кто их любит. Я знаю, что все, что Ты делаешь, лишь показывает Твое величие, и прошу дать мне возможность вскоре увидеть его. А еще — пожалуйста, пребудь с Минь в ее поисках наших родителей, и пусть они смогут со мной как-нибудь связаться.

Чань почувствовал необходимость дать Рэйфорду знать, что происходит. Посмотрел на часы. Было уже далеко полночь, но могут ли люди в Петре спать после всего, что они пережили за этот день? Ничто не показывало, что его телефон перестал быть безопасным, так что он набрал номер.

* * *

— Быстро! Быстро! — крикнул Мак, распахнув двери. — Пусти меня за руль, Хлоя. Я поставлю машину у них на пути.

— Я заведу его, — сказал Себастиан. — Но без тебя я улетать не собираюсь.

— Слушай, Джордж. Делай то, что должен. Пока они будут возиться со мной, ты

успеешь взлететь. Если так придется — мы ведь все равно встретимся у райских врат.

— Не говори так!

— Не дави на эмоции. Летите домой!

Мак подождал мгновение, чтобы Джордж отскочил от машины, а когда тот не сдвинулся с места, просто вдавил в пол педаль газа и рванул к полосе, загородив путь самолету, который уже шел на посадку.

* * *

Рэйфорд не спал, но, по крайней мере, успокоился, дыхание его стало ровным, он смотрел на звезды в щелку в тенте. На телефоне высветился номер Чаня.

— Скажи мне что-нибудь хорошее, — сказал он.

— Если бы я мог, — ответил Чань. — Но мне кажется, что Бог хочет, чтобы я сказал вам — молитесь.

Рэйфорд вовсе не был так уверен, как хотел казаться, но, когда услышал рассказ Чаня, он сказал:

— Господь спас миллионы из печи огненной, Он спасет и четверых в Греции.

Он обул сандалии и поспешил туда, где было отведено место для сна Хаиму и Циону. Если они уже спят, он не станет их будить. Но он не удивился, когда увидел, что они не спят, а вместе с некоторыми из старейшин собрались у компьютера. За клавиатурой си-

дела юная женщина, Наоми, которая днем приходила за ним.

— Цион, надо поговорить, — сказал Рэйфорд.

Доктор Бен-Иегуда удивленно обернулся к нему:

— Я думал, ты уже спишь, как и всем бы нам надо. Сегодня был тяжелый день.

Рэйфорд объяснил ему, в чем дело.

— Конечно, мы прямо сейчас помолимся. Но сначала успокоим Чаня. Это была ложная тревога. Наоми с восторгом изучила сотни страниц инструкции Давида, которые он построил тут в систему, включая и программу, позволяющую нам проверять дворцовые компьютеры. Именно это и засек его компьютер.

Цион поспешил к старейшинам и попросил всех их помолиться за спасение членов отряда Скорби в Греции. У Рэйфорда потеплело на душе, когда он увидел, как полтора десятка человек опустились на колени, и пошел звонить Чаню.

* * *

Не успел Джордж Себастиан поставить ногу на первую ступеньку, как услышал, что мотор взвыл и ожил. Он не знал, что одна из женщин умеет летать. Тем лучше. Он присел, чтобы поднять за собой дверь, но когда вернулся в кабину, увидел, что обе женщи-

ны сидят, пристегнувшись, на задних сиденьях и на лице у обеих такое же удивление, как у него самого.

Джордж схватил свой «узи», уперся спиной в переборку, отделявшую кабину от салона. Медленно выглянул из-за нее, чтобы посмотреть, кто там. К неожиданности он увидел там пилота в коричневых бедуинских одеждах, который сидел в кресле первого пилота. Не оборачиваясь, он поднял руку и показал Джорджу на кресло у штурвала.

Джордж обернулся к женщинам.

— Это кто еще?

— Мы думали, это ты, — сказала Хлоя.

— Нам надо вытряхнуть его отсюда, иначе не останется места для Мака. Прикройте меня.

Хлоя отстегнула ремень и опустилась на колено позади Джорджа, держа наготове «узи». Ханна подняла свой ствол и оперлась на подлокотник кресла, чтобы видеть кабину поверх головы Джорджа.

Себастиан выскочил за спинкой кресла первого пилота. Пусто.

— Ну ладно, — сказал Джордж, громко выдыхая и перелезая через спинку кресла, чтобы оказаться перед панелью управления. Включил наушники.

— Господи, ну почему бы Тебе не сделать так, чтобы мы могли вести самолет?

— Я могу это сделать, — слышался голос.

Джордж подскочил и тут увидел отражение человека в лобовом стекле. Но когда он

посмотрел направо, он увидел, что кресло первого пилота пусто.

— А ну перестань! — сказал Джордж. Сердце его бешено колотилось.

— Извини.

— Я полагаю, ты Михаил?

— Подтверждаю.

Джордж увидел Мака и грохочущую эмэсовскую машину, которая с трудом выползала на полосу перед приближающимся самолетом. Он хотел было спросить Михаила, не лучше ли ему будет помочь Маку.

— Включай посадочные огни.

— Для взлета?

— Да.

Себастиан не стал спорить. Он включил огни, которые ударили прямо в заднее стекло машины Мака.

— Мне выводить самолет, обогнув машину Мака, как он и велел?

— Пока нет.

— Нет?

— Жди.

* * *

На какое-то мгновение Маку показалось, что эмэсовцы в самолете не видят его. Он ударил по тормозам. Когда самолет, наконец, остановился между двумя машинами примерно в пятидесяти футах от него, он понял, что они легко могут его обогнуть.

Почему Себастиан не разгоняется? Если он возьмет нужный угол, то он минует и Мака, и эмэсовцев и за пару секунд окажется в воздухе.

Не желая давать эмэсовцам шанс отрезать Джорджу путь, Мак прибавил газу и подтянулся на расстояние десяти футов от самолета. Он понимал, что дверь легко могут открыть и пристрелить его в упор, но они вряд ли смогут повредить его самолету, если он перекроет путь их машине. Не желая давать им время на раздумье, он помчался вперед и въехал передом машины прямо под нос самолета, врезавшись в шасси. Он приподнял самолет на несколько дюймов над землей, но сумел ли что-нибудь повредить — этого он сказать не мог.

Он опустил стекло и высунулся по пояс из окна, стреляя из «узи» по шинам. Удивительно, насколько они были упруги — пули отскакивали от них и били рикошетом по фюзеляжу и корпусу машины. Подъехав поближе и взяв нужный угол, он сумел наконец пробить одну шину. Но где Джордж? Почему они не приближаются? Что-то не так с самолетом? Себастиан просто стоял на том конце полосы с зажженными огнями.

Мак ожидал, что миротворцы в любую секунду выскочат с оружием в руках. Неужели они не видят, что в машине, кроме него, никого нет? Чего они боятся? Он же легкая мишень и прямо под носом их самолета.

Мак попытался открыть дверь, но ее безнадежно заклинило. Он попытался выбрать-

ся с другой стороны — та же картина, но вроде она хоть немного да подавалась.

Он лег на переднее сиденье, уперся руками в водительскую дверь и нажал на противоположную дверь. Она наконец подалась, и он выбрался наружу.

Он присел возле самолета, направив «узи» на дверь. Если осмелятся высунуться — он перестреляет их всех. Может, они ждут, что он попытается рвануть к самолету Себастиана. Но если Джордж будет открывать ему дверь, это затянет взлет, и все они окажутся в опасности.

Застрав в этом безумном моменте бездействия, Мак просто не знал, что делать. Попытаться выстрелами распороть обшивку самолета и перестрелять всех, кто внутри? Если самолет бронированный, а на то похоже, то он просто впустую потратит боеприпасы. А почему они не выходят? И почему Джордж все еще ждет?

Моторы эмэсовского самолета замолкли. И что теперь? Ни внутри, ни снаружи никакого шевеления.

Мак в отчаянии схватил рацию.

— Хлоя или Ханна, — отчаянно прошептал он, — отвечайте!

— Хлоя на связи, Мак.

— Что творится?

— Без понятия. За штурвалом Джордж.

— Что он собирается делать?

— Хочешь поговорить с ним? Пожалуйста.

— Мак, я тут малость занят. В чем дело?

— Ты что, не видишь в чем? Что ты делаешь?

— Жду разрешения.

— Разрешаю! Взлетай! Прямо сейчас! Забирай вправо! Эти гады застряли, и я продырявил им одну шину. Они заглушили моторы.

— Да мы тебя ждем, напарник.

— Не дури. Я прямо на их линии огня. Давай на другой конец полосы, там и встретимся. Но если они выскочат и бросятся за мной — просто взлетай.

— Да, я все понимаю, и встретимся на небесах, и так далее.

— Именно так! А теперь кончай дурью маяться — и вперед!

— Я не дурью маюсь, Мак. Я выполняю приказ.

— Ты должен выполнять мой приказ, так что делай, что сказано.

— Извини. Тут есть кое-кто повыше рангом.

— Что?

— Положи оружие и иди ко мне.

— У тебя эмэсовцы?

— Нет. Подходи без оружия, и будешь спасен.

— Ты спятил?

— Господь велит тебе идти.

Мак помотал головой.

— Ладно. Подожди.

— Иди же.

Мак вздохнул. Взгляд его метался между дверью эмэсовского самолета и его собственным. Он нажал кнопку рации.

— Господи, если это Ты, то прикажи мне идти.

— Иди.

Это не был голос Джорджа.

— Безоружным?

— Иди.

Мак выждал секунду, затем снял «узи» и положил его на землю. Отключил рацию и сунул ее в карман. Он обошел машину и остановился прямо под кабиной. Он чувствовал себя совершенно беззащитным, открытым, голым. Если сейчас распахнется дверь самолета, то он покойник.

Он не слышал над головой никакого движения, не видел никого поблизости. Он вышел из-под самолета и пошел прямо от него. Он все представлял, что вот сейчас сзади взрвет мотор, откроется дверь, послышатся шаги, выстрелы...

Шагая вперед, он горячо молился:

— Господи, спаси меня!

И вдруг он ощутил на себе длань Господню. Он почти перестал чувствовать землю под ногами.

— О маловерный, почему ты сомневаешься?

Голос был ясным и звонким, но рация была отключена, а Джордж завел моторы. Мак пустился трусцой, затем побежал. Каждый шаг отдавался в его ушах выстрелом. Ханна открыла дверь, и когда он подбежал, он вскочил внутрь.

— Поведешь или сядешь сзади? — сказал Джордж, отстегиваясь, словно был готов пересест в кресло помощника.

— Мне и тут хорошо, — ответил Мак. — Боюсь, я сейчас и велосипедом-то не способен управлять.

* * *

У Чаня камень упал с души, когда он услышал сообщение Рэйфорда. Ему очень захотелось познакомиться с Наоми хотя бы виртуально. Его так и тянуло отругать ее за то, что она напугала его, потому он решил отложить попытку контакта на следующий день. А пока он вернулся к Маку и его отряду, опасаясь самого худшего, несмотря на все свои молитвы.

Мак ответил по своему телефону. Голос у него был усталый до предела.

— Надо мне когда-нибудь встретиться с этим самым Михаилом, — сказал Чань. — А то вам все сливки достались.

— Честно говоря, эти сливки мне не слишком пришлись по вкусу, — ответил Мак. — Кстати, как ты, наверное, уже понял, Себастиан больше не называет его Михаилом. Его зовут Подтверждаем.

— Подтверждаем?

— Он сказал ему — ты, наверное, Михаил, а тот парень ответил — подтверждаю.

— Значит, Стефанич со своими сидят на взлетной полосе в поврежденном самолете?

— Ага. И прежде чем взлететь, им придется привести машину в чувство.

— А почему они не пристрелили тебя?

— Я думал это у тебя спросить. Что творилось в кабине, когда я вышел снизу без оружия?

— Я сообщу вам.

Не прошло и получаса, как остальной отряд Скорби услышал хорошие вести из Греции. Чань обеспечил Джорджу путь до Рима для посадки и подзаправки. Они сами доберутся до убежища без захода в Канкаки и не вызывая лишних подозрений. Это будет самой легкой частью их испытаний.

Когда Чань наконец смог взломать систему МС Птолемаиды и найти обмен сообщениями между самолетом и диспетчерской Козани, он лишь головой покачал. Пилот сообщал, что они видят самолет в конце взлетной полосы, садятся, видят приближающуюся машину. Видимо, как понял Чань, именно в этот момент Михаил приказал Джорджу включить посадочные огни, и пилот сообщил, что свет оказался таким ослепительным, что «мы потеряли визуальный контакт с самолетом и автомобилем».

Через несколько минут пилот сообщил, что в них что-то ударило, что — непонятно. Был удар по передней части самолета, ее приподняло, но из-за ослепительно яркого света они просто руки от глаз убрать не могли. Они слышали стрельбу, испугались за свою жизнь, поняли, что у них лопнула одна шина, и заглушили моторы. Еще несколько минут они просто сидели в кабине, ничего не предпринимая, пока не слышали гул проходящего мимо них и взлетающего самолета.

Наконец, как понял Чань, они рискнули выбраться наружу с наплечными рациями и оружием наготове, но увидели только, что их самолет поврежден, шасси погнуты, шина лопнула, под брюхом — помятая патрульная машина, а на взлетной полосе лежит «узи». И только тогда подоспели эмэсовцы в патрульных машинах, которые сообщили, что подобрали на дороге двух помятых офицеров. У них были серьезные ожоги от лучевого оружия, как они утверждали.

Оставалось еще пара часов до вылета Минь из Сан-Диего. Чань, наконец, закончил свою ночную работу. Он упал в постель, окончательно вымотанный. Как странно, подумал он, ощущать себя центральной, необходимой фигурой и в то же время понимать, что успех операции вовсе от тебя не зависит. Ведь он действительно был в нерабочем состоянии, когда Бог творил Свои чудеса.

Надо было оплакать мучеников и помолиться за павших, впереди было много работы. Чань не знал, сколько еще времени он сумеет скрываться. Но он был готов работать в кабинете сутки напролет, заниматься своей настоящей работой, пока Господь защищает его.

* * *

Рэйфорд очнулся на рассвете, изумившись, что вообще смог заснуть. Петра уже гудела. Семьи собирали манну и заполняли

все емкости, какие только могли найти, чистой родниковой водой, данной Господом.

Тысячи людей трудились в пещерах, тысячи ставили новые палатки. У всех на устах была история о вчерашнем чуде и об обещании доктора Бен-Иегуды сегодня чуть позже провести проповедь в живую.

От старейшин и организаторов пришло сообщение, что строительные материалы уже в пути и что надо молиться за пилотов и водителей, которые начнут доставку материалов. Искали добровольцев, владевших различными ремеслами. Рэйфорд понимал, что нынешнее воодушевление когда-нибудь да угаснет. Память о чуде потускнеет, это неизбежно, хотя ему трудно было это представить. И люди, несмотря на объединяющую их веру, через некоторое время вынуждены будут жить в тесноте. Но пока он радовался происходящему.

Рэйфорду однажды придется вернуться в отряд Скорби, но люди Карпати будут отлавливать всякого, кто пытается войти или выйти из Петры. Возможно, если материалы все же сумеют добраться до места, это послужит указанием, что можно осторожно выбраться и наружу.

Наоми и ее команда компьютерных гуру уже сообщала, что Бизон Уильямс выпустил очередной номер интернет-журнала «Истина», в котором излагались сообщения о событиях со всех сторон света. Детально освещалось то, что произошло в Греции, равно как и событие в Петре.

Группа израильских компьютерщиков сообщила, что они могли бы продемонстрировать «Истину» на огромном экране, если только удастся такой сделать. А среди поставленных в лагерь материалов было достаточно много белого полотна, чтобы растянуть его на высоте нескольких этажей. Тысячи людей собирались, чтобы читать репортажи. Рэйфорду нравилась мысль, что «Истину» читали не только верующие, не только так называемые иегудаиты. Много колеблющихся и даже тех, кто принял клеймо Антихриста, тайком, с риском для жизни скачивали журнал Бизона с сайта отряда Скорби. По всему миру ушедшие в подполье верные и сотрудники взаимопомощи передавали его, распечатывали и распространяли. Карпати остался с носом.

Как это ни было печально, сейчас, насколько это было известно Рэйфорду, в Петре находились сотни, если не тысячи людей, еще не окончательно пришедших к Богу. Цион уже пообещал обратиться и к ним, предостеречь, что они и до сих пор могут быть обмануты и в конце концов завлечены к гибели лжецами и шарлатанами. В это было трудно поверить, это было трудно понять. Как можно после всего, что Рэйфорд видел своими глазами, сомневаться, что во вселенной существует лишь один истинный Бог? Это было выше его понимания.

Поздним утром, спустя почти двадцать четыре часа после бомбардировки, люди начали собираться. Разошелся слух, что доктор Бен-Иегуда начинает, Божиею милостью,

свою проповедь. Но по толпе расходились также вести о том, что репрессии против верующих по всему миру ужесточились. Особенно против евреев.

Чань подключил прослушку кабинетов Акбара, Фортунато и Карпати, поставив на автомат утилиту, пересылавшую на компьютер Бизону Уильямсу отчеты субпотентатов со всего мира. Когда в разных странах восходило солнце, новости о кровопролитиях и хаосе ночных рейдов хлынули потоком не только в Новый Вавилон, но также начали расходиться по всему миру от Чаня и Бизона через «Истину».

Когда послушать доктора Бен-Иегуду собралась огромная толпа, все взгляды устремились на гигантский экран, установленный на стене с теневой стороны для лучшей видимости. Бизон передавал видео из Южной Америки, которое переслал ему Чань. Люди гневно кричали и топали ногами, когда нерешительный человек принял-таки клеймо Антихриста. А затем они ликовали, плакали, пели и благодарили Господа, когда увидели гибель мучеников, встретивших удар ножа гильотины с таким спокойствием и отвагой.

Остававшиеся в Петре с гневом восприняли сообщения из Греции о ночном налете, уничтожившем остаток небольшой группы верующих в подполье. Бизон также добавил аудиосообщение, напоминавшее его читателям, слушателям и зрителям, что именно греческие верующие были в числе первых, кто был готов скорее умереть, чем принять клеймо верности.

Казалось, что теперь, получив новое финансирование, оборудование и, главное, нагоняй от Карпати, блюстители нравственности и миротворцы по всему миру активизировались и прямо-таки горели жаждой деятельности. Со всех концов света приходили сообщения о том, что Мировое Сообщество не намерено больше терпеть диссидентов или даже нерешительных. Либо принимаешь клеймо — либо немедленная кара. Даже многие из тех, кто принял клеймо Карпати, преследовались за то, что не склонялись перед его изображением три раза в день.

Появился Леон Фортунато — при всех регалиях и званиях, — чтобы предостеречь «тех евреев, что проявляют упорство, как иегудайты, в почитании иного бога, чем наш отец и воскресший господь Николае Карпати. Они получают справедливое воздаяние за свои преступления. Да, смерть — это слишком легкая для них кара. О нет, они, конечно, умрут, но с нынешнего дня приказано, чтобы ни одному еврею не было даровано милости быстрой смерти от ножа. Какой бы показательной и позорной ни была эта казнь, она практически безболезненна. Нет, этим людям предстоит страдать много дней и ночей в их незаконных логовах, и к тому моменту, когда они умрут естественной смертью — вызванной их отрицанием карпатианства, — они будут вопить, молить о быстрой смерти такой, как от внедрителя верности!»

Люди из Петры были потрясены тем, до чего может дойти Новый Вавилон в мести своим врагам и евреям. Но самый страшный

гнев и самые язвительные насмешки Си-эн-эн МС приберегли для освещения того, что произошло вчера, прямо здесь, в городе среди красных скал.

Диктор рассказывал, что атака на Петру — две зажигательные бомбы и ракета «земля—земля» — не поразили цели и враг немедленно нанес ответный удар, сбив оба бомбардировщика. Оба пилота погибли. Эти сказки вызвали смех в толпе, который сменился гневом и улюлюканьем, когда Карпати выразил соболезнования семьям погибших летчиков.

— Хотя нет сомнений, что здесь сыграла свою роль ошибка пилотов, я все равно уверен, что Мировое Сообщество вместе со мной выразит глубокое соболезнование семьям погибших. Мы решили больше не подвергать риску наших людей и не пытаться уничтожить этот оплот врага, но мы уморим их голодом, перерезав их линии снабжения. Не пройдет и нескольких дней, как на этом месте возникнет самый большой в истории концентрационный лагерь для евреев, и их тупое упрямство будет заперто там вместе с ними.

Друзья, сограждане нового мира, мои соратники по Мировому Сообществу, именно эти люди и их главари виноваты в той трагедии, что постигла наши моря и океаны. Мои ближайшие советники постоянно убеждали меня вступить в переговоры с этими международными террористами, этими распространителями черной магии, использовавшими свои мерзкие заклинания для того, чтобы вызвать такие опустошения.

Я уверен, что вы согласитесь со мной, что у такой дипломатии нет будущего. Мне нечего предложить взамен миллионов погибших, не говоря уже об утраченной навек богатой растительной и животной жизни.

Будьте уверены, мои лучшие сотрудники работают над тем, чтобы возместить последствия этой трагедии, но я даже не рассматриваю возможности сделки, уступок или какого-нибудь еще признания того, что эти люди имеют власть совершать в отношении мира такие преступления.

В середине этого выступления от Бизона через Чаня в передачу вклинилась запись разговора Сухайля Акбара с двумя пилотами, бомбившими Петру. Хотя диктор новостного канала пытался перекрычать передачу, заявляя, что все это ложь, мистификация, все прекрасно слышали, как пилоты оправдывались перед Акбаром, а затем услышали его приказ об их уничтожении.

Рэйфорд даже представить себе не мог, как после этого у Карпати может остаться хоть какая-то поддержка в мире, и все же, если верить Писанию, она будет. Толпа в Петре начала беспокоиться, люди переговаривались, обсуждая ложь и правду, которые только что были развернуты перед их глазами. Но пошел еще и слух, что тот самый Михей, который вывел их из Израиля в это безопасное место, вот-вот появится и представит всем доктора Бен-Иегуду.

В одночасье вся толпа притихла.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Хаим Розенцвейг воздел руки и обратился к собравшимся громовым голосом, который был слышен каждому:

— С великим удовольствием и радостью еще раз представляю вам моего бывшего ученика, моего личного друга, а ныне моего учителя, наставника и пастыря Циона Бен-Иегуду!

Рэйфорд не завопил и не зааплодировал только потому, что знал, насколько Циону ненавистна лесть. И все же он надеялся, что рабби поймет, что эти люди просто-напросто пытаются так выразит свою любовь к нему.

Когда доктору Бен-Иегуде удалось наконец успокоить толпу, он сказал:

— Благодарю за теплый прием, но прошу вас на будущее — когда меня будут представлять вам, сделайте мне честь, просто поблагодарите в душе Господа за Его любовь и милосердие. Вот об этом в первую очередь я

и стану говорить, и когда вы будете молиться, просто поднимайте руки или указывайте на небо в знак признательности Ему, чтобы ваше восхищение было направлено по адресу.

В четырнадцатой главе Евангелия от Иоанна наш Господь, Иисус Христос, Мессия, обещает нам, что мы сможем оказаться на берегу вечности. Он говорит: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я».

Обратите внимание — Иисус обещает, что, хотя Он и покидает Своих учеников, однажды Он вернется. Пока еще мир не увидел исполнения последнего обещания Иисуса Христа. Как многие из вас знают, мир еще не увидел Его.

Теперь вместе подумаем над пятью первостепенными, поворотными моментами в человеческой истории. Господь дает нам в Библии подробное изложение истории мира, от Эдема до нынешней минуты, причем многое предсказано заранее. И это единственная истинная история, когда-либо записанная.

Первым переломным моментом было сотворение мира непосредственно Господом.

Вторым стал Всемирный потоп. Он оказал катастрофическое влияние на мир и до сих пор волнует умы ученых, которые находят кости ископаемых рыб на высоте пятнадцати тысяч футов над уровнем моря.

Третьим переломом было первое явление Иисуса Мессии. Это событие сделало возможным наше спасение от греха. Иисус вел праведную жизнь и умер, принеся Себя в жертву ради искупления наших грехов.

Но, как все мы знаем, это еще не конец истории, поскольку никто из нас, здесь собравшихся, не воззвал к Нему, дабы прощены были наши грехи до свершения четвертого поворотного события в истории — Его возвращения.

Многие из нас с тех пор исправили эту ситуацию, и это хорошо. И в Ветхом, и в Новом Завете Библии говорится о наступлении последних времен — пятого события в мировой истории. Явление во Славе послужит знаком к началу тысячелетнего царства, истинной Утопии.

Представьте себе рай на Земле под властью Мессии. Многие верят, что во время этого тысячелетнего царствования, которое наступит менее чем через три с половиной года, население увеличится настолько, что превысит число всех людей, когда-либо живших и умерших на Земле. Но как такое может быть? Может — поскольку это будет мир без войн. Представьте себе земной шар, правительство которого не будет ответственно за гибель почти двухсот миллионов, убитых до нынешнего дня.

Перед человечеством никогда не стоял выбор, служить или не служить Богу. Но когда вернется Мессия, он установит царство Свое, и люди будут жить в мире. Мы будем

жить в праведности. Мы не будем испытывать недостатка ни в чем. Трудно описать, каким невероятно прекрасным будет это время. Всем будет всего хватать.

Бог хочет, чтобы мир был таким, и хочет этого лишь по одной причине: Он милосерден. В Библии, в книге Иоиля 2:13, говорится, что Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Через сто двадцать пять лет после рождения Иоиля Иона точно так же пишет о Господе. И еще за пятнадцать столетий до них Моисей говорил, что Господь милостив и добр, долготерпелив и полон благости и истины.

Таким видят Бога пророки. Откуда же вам взять свое мнение о Нем? Но что может лучше сказать нам о Нем, чем то потрясение, которое мы пережили вчера? Когда вы опуститесь на колени для молитвы, вспомните об этом и о том, что говорили пророки. Да, наш Господь великий, единый, величайший, всемогущий владыка. Но в Библии сказано самое важное о Боге: Все, что Он делает, Он делает ради нас. Он хочет, чтобы наши жизни были благословенны, и ключ от врат к этому благословию — в посвящении наших жизней Ему, в просьбе сделать все по воле Его. Как же не любить Бога, описанного пророками? Как не любить Иисуса нашего Господа и Мессию, ниспосланного к нам Богом-Отцом, который на небесах?

Как же чудесно, что мы можем ощущать себя детьми Бога, Творца всего сущего, называть Его отцом!

Сейчас мы переживаем самый тяжелый период в нашей истории. Шестнадцать из скорбей, предсказанных пророками, уже обрушились на Землю, и каждая скорбь тяжелее прежней. Осталось еще пять. Антихрист явил себя и показал себя лжепророком. Вот потому Мессия называет этот период Скорбями, и вторая его половина — в которой мы сейчас живем — называется временем Великих Скорбей.

Как же я называю этого Бога-судию, Бога-мстителя, милосердным и любящим? Не забывайте, что в это время Он старается сподвигнуть людей сделать свой выбор. Зачем? Грядет тысячелетнее царство. Когда Иисус наконец явится во Славе Своей, он придет в силе и славе. Он установит царство исключительно для тех, кто сделал правильный выбор. Какой выбор? Воззвать к Нему во имя Господа.

Но что же здесь исключительного? Поймите вот что: Библия ясно говорит, что Бог хочет спасти всех людей. Второе послание Петра 3:9 гласит: «Не медлит Господь исполнением обетования... но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию».

Господь обещает нам в книге Иоиля: «И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма.

Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный.

И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо на горе Сион и в Иеру-

салиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, которых призовет Господь».

Дорогие мои, вы и есть этот Остаток! Понимаете ли вы, о чем говорит Господь? Он до сих пор призывает вас уверовать в Христа. Он созвал сто сорок четыре тысячи провозвестников из двенадцати колен, чтобы увещевать мужчин и женщин по всему миру, чтобы они уверовали в Христа. Кто, кроме как любящий, милосердный, долготерпеливый Бог, может заранее задумать, чтобы в нынешнее время полного хаоса столькие люди, обладающие силой, могли разойтись по миру, неся Весть Его?

Помните тех двоих необыкновенных Свидетелей, которые проповедовали Слово Божие в Иерусалиме по мировому телевидению? Спустя три с половиной года они были убиты на глазах у всего мира. И после того как их тела три дня пролежали на улице, Господь взял их на небо. Почему? Потому что любящий и милосердный Бог хотел показать свою силу и славу, чтобы мужчины и женщины могли все увидеть своими глазами и принять решение.

На глазах у нас Господь выполнил свое обещание, сделанное много веков назад, сохранив детей Израиля, в то время как Антихрист преследует вас.

Кому будете вы служить? Будете ли вы подчиняться князю мира сего или воззовете к Господу?

Господь совершил все эти великие дела ради спасения человечества. Многие еще будут противиться даже здесь, даже после

всего, что они увидели и испытали. Не будьте такими, друзья мои. Наш Господь милосерден. Наш Господь добр. Он долготерпелив и хочет, чтобы спасение обрели все.

Если вы согласны с тем, что Господь в этот период, в котором мы сейчас живем, старается подготовить человечество к тысячелетнему Своему царствованию, а потом и к вечности, то что сделаете вы со своей жизнью? Предайте ее в руки Мессии. Почитайте Иисуса Христа. Примите Его как единственного Агнца Господня, берущего на Себя грехи мира. Примите Его в свою жизнь и живите, повинувшись Ему. Он ждет вас. И ждет Господь, Который так долго терпит, чтобы спасти даже самых последних, всех до единого, которые воззовут к нему. Поверите ли вы такому Богу? Можете ли вы полюбить такого Бога?

Мессия родился в человеческом теле. Он приходил еще раз. И снова придет. Я хочу, чтобы вы были готовы. Нас оставили здесь после Вознесений. Да будем же готовы к Явлению во Славе. Святой Дух Господень парит над всем миром. Иисус строит Свою Церковь в этот самый страшный период истории потому, что Он — милостив, добр, долготерпелив и любящ.

Люди вокруг Рэйфорда стояли, опустив головы, многие начали молиться. Они молились за друзей и близких в Петре и по всему миру. Они наверняка, как и Рэйфорд, слышали пламенное чувство в голосе Циона, когда он еще раз обратился ко всем ним с мольбой следовать за Христом.

— Времени мало, — воскликнул Цион, — и спасение каждого — его личное решение. Признайтесь перед Господом, что вы грешники, признайте, что вы сами, без помощи, не можете достигнуть спасения. Отдайтесь на милость Господа и примите дар Его Сына, Который умер на кресте ради искупления грехов наших. Примите Его и поблагодарите за дар спасения.

* * *

— Это проблема первостепенной важности, — говорил Аурелио Фигейроа, откинувшись на спинку кресла и соединив кончики пальцев домиком. Чань сидел через стол напротив него, молясь в душе. — Это не просто подделка данных в базе, фиктивный персонал, данные проверок и счета, позволявшие врагам МС водить за нос местных лидеров. Теперь очевидно, что у нас в здании стоят «жучки» даже в кабинетах высшего эшелона администрации — вплоть до шефа разведки и безопасности. Вам известно, что сегодня, когда потентат пытался воздать должное нашим погибшим пилотам, кто-то пустил трансляцию якобы разговора директора Акбара с пилотами?

— Наверняка вы рады, что это подделка.

— Я не понял вас, Вонг.

— Будь это правдой, это стало бы катастрофой. Мы все это слышали, сэр. Акбар

делает выговор пилотам, они оправдываются, затем он приказывает убрать их.

Высокий костлявый мексиканец сверлил Чаня взглядом.

— Откуда могла взяться такая запись?

— Вы меня спрашиваете?

— Больше никого в комнате нет.

— Простите. Я был должен сказать — почему вы меня спрашиваете?

Это была решительная минута. Если Фигейроа предъявит ему обвинение, то, чтобы избежать казни, Чаню придется бежать из Нового Вавилона чуть ли не сразу же.

— Конечно же, я спрашиваю всех. Так что не воспринимайте это как личное оскорбление. Вы представить себе не можете, чего только не понавтыкали в главную базу данных.

— Расскажите, пожалуйста.

Фигейроа встал.

— Я это рассказываю не каждому, но Акбар лично просил меня рассмотреть одну сомнительную точку в Чикаго. Вы знаете, что этот город во время войны не раз подвергался бомбардировке. Город был эвакуирован и объявлен запретной зоной, и мы буквально игнорировали его в течение многих месяцев. Лет.

Чань кивнул.

— Мы не отправляли в полет над ним самолетов-разведчиков, не делали снимков, не проверяли тепловых датчиков. Ничего не делали.

— Почему?

— Потому что кто-то ввел в компьютер данные о том, что туда попала ядерная бомба и что это место будет радиоактивным в течение многих лет. Акбар такого не помнил. Он был уверен, что город практически стерт с лица земли, но не ядерными зарядами. Каждый раз, как он просил кого-нибудь проверить данные, они обращались прямо к базе данных, проверяли текущий уровень радиоактивного заражения и говорили — да, там радиация. Но недавно кое-кто проверил архивы, чтобы посмотреть, верны ли данные. Конечно, все оказалось фикцией. Это место чисто.

— Ничего себе.

— Вот именно — ничего себе. Вы, как и я, понимаете, что причиной для такой подтасовки могло быть только одно — они хотели оставить этот город себе. Мы, в конце концов, сумели обойти фальшивые показания и попытались выяснить, что там творится. Конечно, ничего, считай, не нашли, поскольку все прочие выходили на ту же информацию, что и мы прежде. Но кое-какую деятельность мы там обнаружили. Использование воды и электричества. Туда прилетали и оттуда улетали самолеты и вертолеты. Взлетная полоса на озере. Озеро Мичиган.

— Правда?

— Да. Также есть свидетельства о наличии дорожного движения — как автомобильного, так и пешеходного. Очень маленького, конечно, но в городе может находиться около трех десятков человек.

— Ну, тут не о чем беспокоиться, — сказал Чань.

— Напротив, — ответил Фигейроа. — Эти люди пожалеют, что вообще на свет родились.

Чань просто изнемогал от желания спросить, но он боялся, что не сможет сохранять безразличный вид. Потому он ждал.

— Вы думаете, мы просто пошлем туда команду миротворцев, которые всех их там зачистят, не так ли?

Чань пожал плечами.

— Ну да, что-то вроде.

— У Акбара есть идея получше. Он сказал — если кто-то хочет прикрываться радиоактивностью, так сбросим туда ядерную бомбу.

— Не может быть!

— Может-может.

— Тратить по мелочам высокотехнологичные заряды в такое время?

— Это блестящая идея, Чань.

— Да, это решение, это так. Но он подумал о пресной воде, которая течет через это место?

— Мы забираем воду из озера Мичиган из Северного Висконсина. Так что нечего беспокоиться о реке Чикаго.

— Но ведь люди, которые живут ниже по течению, берут оттуда воду.

— Как бы то ни было, большому боссу идея пришла по вкусу.

— Неужели?

— Шутите? Карпа... потентат любит такие штуки.

— И у нас есть лишняя атомная бомба?

— Да ладно, Вонг! Кто бы ни были эти люди, добра от них нечего ждать. Были бы они лояльными гражданами, разве они не сказали бы — мы не знали, что это запретная зона, мы поселились тут по ошибке, все в порядке?

Чань пожал плечами, прикидывая, сколько у него осталось времени на то, чтобы предупредить отряд Скорби, но спросить не посмел.

— Понимаю.

— Понимаете? Нет записей о том, чтобы кто-то оттуда получил клеймо верности, естественно. И никто из зарегистрированных у нас не поселился бы там, не предупредив нас.

— Вы правы.

— Конечно, я прав. Эй, Чань, у вас какой-то больной вид.

Чань затаил дыхание, не моргая. Лицо его покраснело, глаза увлажнились.

— Просто устал, — выдохнул он, наконец. — И мне кажется, что я подхватил какую-то заразу.

— Вы в порядке?

Чань закашлялся, затем сделал вид, что не может остановиться. Поднял руку, словно показывая, что с ним все хорошо.

— Я прошлую ночь совсем не спал, — сказал он, наконец. — Я отлежусь. Лягу сегодня пораньше.

— Вам надо поспать?

— Нет. Дел слишком много.

— Все нормально. Возьмите перерыв.

— Не могу.

— Почему?

— Хочу внести свой вклад, все такое. —

Он снова изобразил приступ кашля.

— Закончите пораньше. У вас ведь остался отгул по болезни, не так ли?

— Я как раз использовал отгулы, оставшиеся после той заразной штуки, ну, вы помните.

— Фурункулеза? Да мы все этим переболели. Остаток дня отдохните, и если утром не выйдете на работу — я пойму.

— Нет-нет, мистер Фигейроа, я отлежусь. Видите? Мне уже лучше.

— Да что с вами, Вонг? В смысле, я ценю трудовое рвение, но...

— Я не хочу, чтобы меня считали слабым.

— Ну уж вы-то ни разу не слабак.

— Спасибо, — сказал Чань, прикрывая рот и заходясь в очередном долгом приступе кашля.

— Зайдите к медикам и возьмите какие-нибудь таблетки.

Чань отмахнулся.

— Я вернусь в свой кабинет, — прокашлял он.

— Нет. Это приказ.

— Мы приказываеме мне покинуть рабочее место до конца рабочего дня?

— Идите! Думаете, мне больше нечем заняться, кроме вас? И покончим с этим. Не хватало мне еще, чтобы весь департамент

чихал и кашлял. Достаточно того, что вы мой кабинет обчихали. Идите.

— Я...

— Чань! Вали отсюда!

* * *

Над Колорадо разгорался рассвет, и Стив Планк, он же Пинкертон Стивенс, спал у себя дома. Он до полуночи рассылал предупреждения членам отряда Скорби, сообщая, что в Чикаго намечается что-то опасное и пусть они уходят оттуда как можно быстрее. Он дозвонился в Петру до Рэйфорда Стила и убедил его оставаться там и не позволять Абдулле Смиту или кому бы то ни было возвращаться в Чикаго.

Когда его разбудил настойчивый стук в дверь, первое, что ему пришло в голову, что он не воспользовался защищенным телефоном или что в его компьютер внедрили «жучка». Что ж, если они пришли за ним — пусть так. Он уже сделал самое полезное в своей жизни дело с тех пор, как стал верным — или по крайней мере с того момента, как помог вытащить Хэтти Дюрхем из-под стражи и переправить туда, где она уверовала.

Планк попытался было крикнуть «кто там?», но его маска лежала рядом с постелью, а без нее его не услышали бы. Он в лучшем случае мог чего-нибудь проворчать, нащупывая пластик в темноте.

— Мистер Стивенс, можете не открывать дверь. — Это был Василий Медведев, заместитель Планка. — Я просто хотел вас предупредить. Новый Вавилон начинает закручивать гайки в отношении своих служащих, которые еще не приняли клейма верности. От вас ждут, что вы получите свое клеймо в полдень по местному времени на Поле Воскресения Карпати. Просто дайте понять, что вы слышали меня.

Стив заполз в моторизованное кресло и покатился к двери, затем дважды постучал.

— Спасибо, сэр. Мне очень неудобно, но мне приказано сопровождать вас и проследить за этим.

Стив подкатился к постели и быстро нацепил маску.

— Минуточку, Василий!

Они открыл дверь и жестом пригласил его внутрь.

— Мне жаль, сэр, — сказал русский. — Что я могу сделать для вас или сказать?

— Скажи, что у меня уже есть клеймо.

— Об этом нет записи.

— Ты же знаешь, что на пластик его не ставят. Хочешь увидеть?

Планк начал снимать лобный щиток.

— Нет! Прошу вас, сэр, не надо, я пытался уже один раз посмотреть, и мне хватило. Извините.

— Ладно, посмотрим, не захочет ли на это глянуть администратор, — сказал Стив.

— Но, сэр, ведь должна была быть запись, разве нет?

— У меня должно было быть освобождение. Представляешь, какая это боль, если клеймо будут накладывать на мембрану...

— Прошу вас! Мне же просто сказали — оповестить вас и...

— Проследить. Я понял.

— Сэр, а почему бы вам не наложить его на руку?

— На руку? На мою руку, говоришь? Ты забыл, что мои руки тоже были принесены в жертву общему делу?

Стив поднял обрубок, и Василий отшатнулся.

— Какой же я дурак, — сказал он. — Забудьте...

Стив махнул рукой:

— Забудь.

— Когда бы вам хотелось выйти из дома, сэр? Они открываются в восемь, а нам дороги не меньше часа.

— Я знаю, сколько нам ехать.

— Конечно.

— Я дам тебе знать.

Когда Медведев вышел, Стив опустил голову, заливаясь слезами.

— Господи, что мне делать? Обмануть их? Посмотреть, не дадут ли мне освобождение? Это все? Все кончено? Значит, я больше не нужен верующим?

Стив до позднего утра вел переговоры с Чанем в Новом Вавилоне. Они бешено трудились, чтобы найти место для перебазирования чикагского отряда Скорби. Никто не смог бы вывезти их всех сразу. Небоскреб

Стронга был прекрасным убежищем — пусть и ненадолго.

Ни Чань, ни Стив еще не знали, когда конкретно начнется бомбардировка Чикаго, но очевидно, что время решало все. Только после того, как они оповестили всех и дали рекомендации, Стив рассказал Чаню, что с ним случилось.

— Я знал, что они начали закручивать гайки, — сказал Чань, — но я не думал, что это будет так скоро. Давай я введу в базу данных информацию, что у тебя уже есть клеймо. Я могу сделать копию документов.

— Я не могу тебе этого позволить, брат.

— Почему? Я только вчера делал такое для одного летчика из взаимопомощи. Он даже и не узнал об этом, пока все не было сделано.

— Они сейчас слишком пристально следят за дворцом. И как это вообще будет выглядеть — вчера у меня документов не было, а сегодня вдруг я оказываюсь чист?

— Это не обязательно должно делаться на поле Воскресения. Клеймо может быть получено где угодно.

Стив помолчал. Это будоражило. Даже соблазняло. Но не звучало правдоподобно.

— Может, если бы занялся этим раньше, если бы информация всплыла как бы случайно, как с тем парнем, может, и сошло бы. Но это будет выглядеть так, словно я сам решил получить клеймо. Я не могу так.

— Тогда уходи. Хорошо? Куда ты отправишься и как ты туда доберешься? Мне при-

слать кого-нибудь за тобой? Чтобы тебя по-
добрали?

— Не выйдет, Чань. Это поставит тебя
под удар. И ты знаешь, что они будут наблю-
дать за мной.

— Пока никто еще за меня не взялся, —
сказал Чань. — Я не думаю, что они даже по-
дозревают меня.

— Вот пусть так все и остается.

— А ты можешь добраться до Петры?
Из Монтаны сегодня туда отправляется рейс
взаимопомощи. Я мог бы устроить...

— Я знаю, что ты мог бы, Чань. Спасибо
тебе, но, возможно, мне пришла пора встать
на смерть.

— Ты о чем?

— Ты знаешь.

— О, Стив, и чтобы после всего этого они
тебя поймали? Ты нам нужен!

— В бегах-то? Какая от меня польза?

— Нам все нужны!

* * *

Бизон подумал, не разбудить ли вернув-
шихся из Греции, и решил, что не надо, хотя
это означало дополнительную нагрузку для
всех остальных. Хлоя, Мак, Ханна и Себа-
стиан буквально приползли в убежище на
рассвете.

Бизон видел, что Кенни был просто в вос-
торге от суматохи. Вокруг сновали люди, ре-

шая, что им непременно надо сделать, паковали всякие коробки, оставляя распечатки и заметки — все, что было в компьютерах. Единственный, кому было позволено взять больше обычного, был Зик. Он просто не мог делать своей работы без своих файлов, гардероба, прочих инструментов своего ремесла.

Лия большую часть времени висела на телефоне, связываясь с членами взаимопомощи по всей стране.

— Никого не радует перспектива на время принять к себе несколько человек, — сказала она Бизону. — Для них это и правда честь, но никого это не радует. Они и так уже стеснены до предела.

— У нас нет выбора, Лия. Пора делиться. Мне неприятно об этом говорить, но многие из этих людей много чем нам обязаны. Мы управляли обществом взаимопомощи отсюда и снабжали их всем для выживания.

Альби был мрачен. Почему бы и нет? — подумал Бизон. Единственное место, о возвращении куда мог бы подумать Альби и куда хотел бы вернуться, была Аль-Басра.

— Но я не хочу уводить самолет, когда вам в столько мест надо летать.

— Делай что должен, Альби, — сказал Бизон. — Посмотрим, не сумеет ли Лия организовать тебе перелет с кем-нибудь из тех, кто переправляет материалы в Петру. Ты сам знаешь, что мы часто будем обращаться к тебе.

— Уж надеюсь, — сказал Альби.

Люди Эноха работали в подземном гараже, проверяя, сколько машин на ходу.

Он счел привилегию выбора машин и фургонов уступкой за отказ от попытки расписать всех тридцать человек из «Плейс» по самолетам. Лия уже нашла для них несколько подземных центров на расстоянии езды на машине, сам Энох направлялся в Палос-Хиллз, Иллинойс.

— Ты сам понимаешь, как опасно выезжать отсюда при свете дня целому каравану, — сказал Бизон.

— Конечно, понимаю. Но еще опаснее оставаться здесь, когда МС начнут бомбить город.

* * *

Стив Планк связался с Василием, сообщив ему, что хочет покинуть эмэсовское жилье в 11 часов. Оставшееся время он просидел за закрытыми дверьми, погрузившись в молитву и терзаясь душой. Наконец, он позвонил Бизону.

«Какой странный поворот судьбы», — подумал он. Искать совета и утешения у молодого человека, который некогда был его лучшим и самым непростым сотрудником. Дни славы «Глобал уикли» давно миновали.

Бизон долго молчал, услышав сообщение Стива. Затем сдавленным голосом проговорил:

— Стив, не надо. Пожалуйста.

— А ты думаешь, я хочу, что ли? Ничего себе! Не дави на меня, Бизон, я просто хотел попрощаться.

— А вот я не хочу, понял? Я уже достаточно попрощался в этой жизни! И вообще, ты нам нужен! Сейчас не время сдаваться!

— Не наезжай.

— Я буду делать все, чтобы удержать тебя от этого, Стив.

— От тебя я ждал большего.

— Точно так же я могу сказать и о тебе, — ответил Бизон.

— Ты думаешь, я легких путей ищу? Не надо так со мной.

— Что ты говоришь, Стив? Что я должен тебя поддержать, пожелать себе всего наилучшего, что, типа, встретимся на той стороне?

— Это было бы лучше. Скажи, что ты доверяешь моему решению.

— Это при том, что я считаю, что ты спятил?

Стив вздохнул:

— Бизон, мне больше некому звонить. Если бы я сказал тебе, что ты сможешь отговорить меня, ты сказал бы мне, что ты со мной?

— Конечно, я с тобой, но...

— Я не трус, Бизон. Ты меня видел. Ты знаешь, что мне лучше было бы умереть. Я пролежал под завалами почти неделю. Я терплю боль каждый час каждый день, но я обманывал, сбивал с толку, дурил врага всеми способами, как только мог. Да, есть вещи, которые мне не хотелось бы делать. Мне не

хотелось бы убежать, как ребенок, и отвергать Христа.

— Я знаю, что ты этого не сделаешь.

— Ну хоть что-то. Не так трудно оказалось, да?

— Не говори, что мне это должно нравиться, Стив.

— Ты будешь молиться за меня?

— Конечно. Но я буду молиться за то, чтобы ты пришел в себя, Стив.

— Мне и этого хватит, Бизон. И не буду делать вид, что мне не страшно. Эмэсовцы считают это недосмотром, всего лишь вопросом времени, чем-то связанным с моими ограниченными возможностями. Но когда это пришло в порядке приказа, мне придется делать выбор и стоять насмерть. Я не хочу подводить Бога.

— Ты и не подведешь. Он обещал нам милость безграничную и мир, который непостижим разумом.

— Вот что я тебе скажу, Бизон, пока ни того ни другого я не ощущаю.

— Господи, — начал Бизон, но Стив мог поручиться, что тому пришлось взять себя в руки прежде, чем он смог продолжать, — пребудь с Твоим чадом. Даруй ему Твою милость, Твой мир. Я признаюсь — я не хочу, чтобы он это сделал. Не хочу. Я устал терять тех, кого люблю. Но если Ты хочешь от него именно этого, то дай ему отваги, дай ему слова, дай ему силы противостоять врагу. Я молюсь за то, чтобы люди, которые это увидят, были бы так охвачены чувством, что сделали бы такой же выбор.

* * *

Бизон был настолько потрясен, что его соратники сами собой собрались вокруг него. Когда они узнали, что происходит, они преклонили колени и стали молиться за Стива. Бизон позвонил Чаню.

— Он отправится в центр, к полю Воскресения к югу от Спрингз, — сказал Бизон. — Есть шанс, что они будут проверять это визуально?

— Они и так проверяют.

— Это можно будет транслировать сюда?

— Я могу это сделать.

— Я не знаю, зачем мне это видеть, но тогда я словно буду рядом с ним.

* * *

Стив заметил взгляд Василия, выкатившись в кресле на парковку. Стив был одет весьма небрежно. Точнее, более чем небрежно. Он был в шлепанцах, брюках цвета хаки и белой майке.

— Ты о приличиях заботишься? — сказал Стив, когда Василий пересаживал его в машину.

Василий кивнул.

— Но я усвоил, что не надо задавать вам вопросов, шеф.

— Ты вооружен, друг мой?

— Конечно.

— А я нет.

— Я вижу.

Стив протянул руку Василию. Тот уставился на нее.

— Пожми ее, — сказал он. — Жаль, что она не такая, как прежде. — Василий осторожно коснулся ее. — Меня зовут Стив Планк.

— Извините?

— Ты не глухой.

— Стив Планк?

— Значит, ты слушал, как обычно. Ты знаешь, что такое «Глобал уикли»?

Казалось, Василию было трудно собраться с мыслями.

— Журнал? Да. Мы получали его из Нового Вавилона.

— Ты помнишь те времена, когда он еще был независимым изданием, до исчезновений?

— Конечно.

— Я был главным редактором.

— Главным?..

— Редактором. Боссом. Как минимум в издательстве. — И Стив рассказал Василию историю своей жизни. Когда он закончил, до места их назначения осталось ехать пятнадцать минут.

Медведев покачал головой.

— И что мне с этим делать?

— Ну, арестовывать меня тебе не нужно, я и так у тебя под колпаком, а ты следуешь приказам. Ты везешь меня в центр.

— И вы примете клеймо, будете оставаться тайным врагом Мирового Сообщества, а я должен буду закрывать на все это глаза потому, что мы стали друзьями?

— А мы стали друзьями, Василий?

— Я думал, что да, но, очевидно, ты не доверял мне до этого самого момента.

— Если мы друзья, то окажи мне услугу.

— Отпустить тебя? Устроить тебе побег? И куда ты денешься?

— Нет. Я думал попросить тебя пристрелить меня.

— Ты шутишь.

— Нет. Это прибавит вес твоему послужному списку. Говори что хочешь. Ты застукал меня, испугался, что я сбегу, и так далее.

— Я не могу.

— И я тоже не могу. То есть не могу сделать это сам. Не скажу, что я об этом не подумывал.

— А если я пристрелю тебя, то что мне делать? Стоять и смотреть, как ты умираешь?

— Ты ведь должен проследить за мной, не так ли? Таково ведь твое задание?

Василий судорожно вздохнул и кивнул.

— Ты ведь на самом деле не намерен проходить через эту процедуру, не так ли?

Стив кивнул:

— Да. Бегство только отсрочит неизбежное. И должен тебе признаться, узнать меня легко.

— Не смешно.

— Мне тоже. Василий, я жалею лишь о том, что, когда ты встретился на моем пути,

для тебя было уже поздно. Ты принял клеймо и с гордостью носишь его.

— Я уже не так им горжусь.

— Трагедия в том, что мы встретились, уже будучи теми, что мы есть.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Ты думаешь, я украдкой не заглядывал на сайт Циона Бен-Иегуды? Я знаю, что мое решение необратимо.

— А ты жалеешь о нем?

— Не знаю. Я не слеп и не глух. Я вижу, что происходит. Если я должен сейчас хоть что-то сказать, то вот что я скажу — я завидую тебе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Пора было будить как минимум Хлою. А как только проснулась она, вскоре поднялись и остальные.

Позвонил Чань. Отряд Скорби должен упаковать вещи и быть готов перебазироваться в любой момент.

Хлоя работала быстро, хотя и спала на ходу. Кенни почти все время висел у нее на шее. Джордж и Мак собрали большое количество провизии в банках и коробках, затем начали загружать машины. Ханна, помогавшая Лие приводить в порядок дела взаимопомощи, выглядела очень невыспавшейся.

Джордж рассказал Бизону, что договорился о том, чтобы за ним приехали в Чикаго, но согласился перенаправить этих людей в Лонг-Гроув, чтобы встретиться с ними там.

— Мы нашли место для тебя, Хлои и ребенка в Сан-Диего, а я с удовольствием доброшу вас туда по воздуху

Бизон задумался на этот счет. В голове у него возникали самые худшие варианты развития событий. Лия осторожно предложила ему вместе с семьей поселиться у Лайонела Уолума и его жены. Бизон не знал этого человека, но вряд ли он лично знал хоть кого-нибудь, у кого они могли найти приют. Уолум согласился принять их, сказав Лие, что у него есть большой дом в пригороде, но он планирует часто покидать его, летая в Петру и обратно.

— Лия, — сказал Бизон, — может, это вам с Ханной следует поехать к Уолумам, а нам воспользоваться предложением Джорджа. Так у вас будет пилот, да и у нас тоже.

— Слушай, Бизон, а почему бы тебе не заняться всем этим делом самому, раз уж ты решил пустить по ветру все мои труды, а?

— Хлоя все равно уже встала, Лия. Так что давай-ка вставай и готовься к отъезду.

Лия была оскорблена до глубины души. Она вскочила и хотела было убежать, но Бизон перехватил ее.

— Послушай, давай простим друг друга — ситуация такая. Подумай лучше — Уолум постоянно транспортирует материалы в Петру.

— Я знаю, Бизон. Мы с Хлоей помогали координировать поставки.

— Ты подумала?

— Ты хочешь меня обидеть? — спросила она.

— Ты не хочешь подумать.

— Что?

— А ты слетай с ним в Петру разок, Лия. Разве ты никого в Петре не хочешь пови-
дать?

Это на мгновение остановило ее.

— Ох, Бизон, ты же не всерьез? Я не скрываю, что люблю Циона. А кто его не любит? Но у него не будет времени для старой подружки, когда вокруг такое творится.

— Значит, ты опасаясь жить в Лонг-Гроув потому, что это место находится слишком близко к Чикаго, когда бомбы начнут падать? Такое может быть.

— Нет. Я...

— Ты хочешь отправиться с Джорджем в Сан-Диего? Там может понадобится медицинская помощь. И к тому же там отдельное жилье. Не придется тесниться. Они живут в подземных убежищах, вроде металлических сборных ангаров.

— Нет, это как раз для тебя и твоей семьи. Я поговорю с Ханной насчет Лонг-Гроув.

— Кто-то помянул меня? — спросила Ханна. — Я лично предпочитаю юго-запад.

— У тебя там кто-то есть? — сказала Лия. — Или тебе нужен человек?

Не прошло и нескольких минут, как Ханна согласилась поехать вместе с Лией. Неприкаянными оставались только Зик и Мак.

— Мне надо быть там, где люди смогут добраться до меня, чтобы воспользоваться моими услугами, — сказал Зик. — Где-нибудь в безопасном месте, но в центре.

— Работаю над твоим запросом, — отозвалась Хлоя.

— А я хочу быть там, откуда смогу совершать рейды в Петру, — сказал Мак, вернувшись за очередной партией коробок. — Может, и Рэйфорда прихвачу.

— Рэйфорд должен оставаться в Петре, — ответил Бизон. — Может, через некоторое время он начнет с ума сходить, но у него есть все, чтобы спокойно руководить отрядом.

К тому времени, как они были готовы сняться с места по первому сигналу, Альби пригласил Мака к себе в Аль-Басру, а Зика устроили в подземном убежище в Северном Висконсине, в городке Эйвери, неподалеку от границы с Миннесотой. Бизон позвонил Чаню.

— Наш исход отсюда будет шумным, — сообщил он, — но вряд ли у нас есть выбор.

— Отправляйтесь на рассвете, — сказал Чань. — Выходите малыми группами в течение нескольких дней. Я скажу, если кто-то за вами будет следить. Это рискованно, но вы сами знаете, что будет, если тянуть дольше.

Вся группа — сорок человек, включая тридцать одного из «Плейс», — встали в широкий круг. Они положили руки друг другу на плечи, помолились друг за друга и заплакали. Все. Даже Джордж и Мак. Кенни, увидев чужие слезы, разревелся в голос, и это заставило всех рассмеяться.

— Словно только вчера приехали сюда, — сказал Бизон, — а теперь мы даже не знаем, когда снова свидимся. У меня здесь список,

в каком порядке мы сюда прибывали, и мы с семьей будем последними, кто покинет это место.

Небоскреб Стронга так долго служил им прибежищем. А теперь он исторгал их во враждебный мир, принадлежавший Антихристу и лжепророку, Мировому Сообществу, где миллионы глаз высматривали клеймо верности, которого не имел ни один из них.

* * *

— Я мог бы потерять тебя, — сказал Василий. — Доставить не туда. Что я могу сказать? Ты сбежал, и все.

Стив сидел вместе с ним на парковке возле аэропорта Воскресения.

— Значит, я сбежал в моей инвалидной коляске, а ты не сумел меня поймать? Поздно. Поехали.

Это было непросто, и Стив не желал прикидываться. Часто, смотря какой-нибудь фильм о последних часах приговоренного к смерти, он задумывался — каково это? Как чувствует себя человек, проходя последний свой путь? А он не будет долгим, особенно в инвалидном кресле.

Когда они приблизились к центру верности в северном крыле аэропорта, Стив увидел, что к нему стоит длинная очередь, какой он в жизни не видел. Закручивание гаек, интенсификация, как бы это ни назы-

вали там в Новом Вавилоне, действовало. Сотни людей толпились вокруг статуи Карпати, кланяясь, молясь, распевая, вознося хвалы. Пока еще гильотина бездействовала. Стив не был уверен, что она вообще была задействована хоть раз в этой части штата. Несколько человек казнили в районе Денвера. Еще несколько в Боулдере. Возможно, он окажется здесь первым. Возможно, здесь просто не было человека, обученного обращаться с инструментом воспитания. Но гильотина была на месте, блестящая, угрожающая, и люди, стоявшие в очереди, нервно смеялись, поглядывая на нее.

Стив пока еще стоял в очереди, которая тянулась змеей к пункту принятия решения. Конечно, «неверного» выбора ни от кого не ожидали. Коренастая рыжеволосая дама лет шестидесяти, занимавшаяся документами и файлами, едва смотрела на людей, когда те называли себя и заявляли, что желают вытатуировать себе клеймо и говорили, где именно. Получив клеймо, они поднимали кулаки, улюлюкали или кричали. Затем они шли напрямиком к идолу, где поклонялись ему.

Стив держался благодаря ежедневной проповеди и ободрению Циона Бен-Иегуды. Он не знал другой церкви. Он общался с Рэйфордом и Чанем, а порой и с Бизоном и другими. Но ему страшно не хватало живого контакта с верными. Ничего, эта ситуация вскоре будет исправлена.

Стив раздумывал — назваться ли ему настоящим именем и сказать МС, что он долгое

время скрывался? Но его тогда легко свяжут с Бизоном Уильямсом по их прежней работе в «Глобал уикли», а там уж легко выйти и на Рэйфорда, затем на Хлою, на взаимопомощь и — кто знает? — самого Чаня?

Он не мог рисковать, подставляя этих ничего не ожидавших людей. Когда, наконец, настала очередь Стива, женщина заметила Василия в форме и весело сказала:

— Мы ждали вас. Это Пинкертон Стивенс?

— Собственной персоной, рыжуля Джинджер, — ответил Стив, глянув на ее бедж.

— Что вы скажете насчет миленькой шестерочки и очаровательного образа нашего верховного потентата? — сказала она, меряя его взглядом и явно недоумевая по поводу его костюма.

— И куда бы вы ее поставили? — сказал Стив.

— По вашему выбору.

— Ну, сюда не получится, — сказал он, показывая культю. У Джинджер улыбка застыла на лице, и она попыталась посмотреть ему в глаза. Это не казалось ей таким уж забавным, и она, похоже, была готова сказать ему об этом. Он поставил ее в неудобное положение, и ей это явно не нравилось. — И, как понимаю, на пластик это тоже не ставится.

— Тогда, может, сюда? — сказала она, постучав ему по лбу.

Он снял свою комбинированную носовую и налобную накладку, обнажив глазные яблоки и мозг.

— Боюсь, это единственный выбор, Джинджер, — сказал он гнусавым голосом, поскольку нос нечем было закрыть.

— Ой! Ой, Гос...! Мистер Стивенс, я...

— Кто хочет поставить клеймо здесь? — сказал Стив. — Кто возьмется за такую работу? Когда я буду его показывать, мне что, лицо снимать?

Она отвернулась.

— Я уверена, что все получится. Операция полностью гигиенична, проблем не будет.

— Я могу снять и ротовую накладку, Джинджер, если вы хотите полного эффекта.

— Пожалуйста, не надо.

— Да ладно, я все равно не в той очереди.

— Извините?

— Я не стану принимать клеймо верности.

— Нет? Но это же не тот выбор!

— Тот-тот, Джинджер. Та очередь куда короче, по сути дела, я там один, но ведь это определенно выбор. Не так ли?

— Вы выбираете, а... насильственное приведение к верности...

— Гильотину я выбираю, Джинджер. Я предпочитаю смерть, я не хочу делать вид, что считаю Николае Карпати божеством, правителем и чем бы там ни было.

Она посмотрела на Василия.

— Он дразнит меня, да?

— Увы, нет, мэм.

Джинджер внимательно посмотрела на Стива, затем потянулась за рацией.

— Фердинанд, нам нужен кто-нибудь для управления инструментом воспитания.

— Чего?

— Не прикидывайся глухим! — прошипела она. — Гильотиной!

— Топором? Ты серьезно?

— Да, сэр.

— Сейчас буду.

Появился запыхавшийся высокий лысоватый мужчина с красными щеками

— Вы не хотите клеймо? — сказал он.

— Не хочу, — ответил Стив. — Я думаю, что мне легче лечь под нож. Послушайте, давайте поскорее с этим покончим? Неужели мне надо проходить через всю процедуру еще раз?

— С этим не шутят.

— Но и не тянут, так что не могли бы вы сделать то, что должно, и закончить с обработкой?

— Это не обработка. Вы просто подпишетесь, удостоверите, что делаете выбор добровольно, и мы, то есть вы...

— Умираю.

— Ну да.

— А право на последнее слово у меня есть?

— Все, что захотите.

Щекастый нашел нужный бланк, Стив поставил подпись: «Пинкертон Стивенс», и мужчина сказал:

— Вы понимаете, что это ваш последний шанс передумать?

— Насчет чего? Что Карпати Антихрист и воплощение зла? Что Леонардо Фортунато — лжепророк? Да, я знаю, но менять мнение не стану.

- Так мы закоренелый?
- Скажем так, я хорошо подумал.
- Да уж.

Стив глянул на Василия. Тот был бледен как смерть и прикрывал рот ладонью. Остальные в очереди перешептывались и тыкали в Стива пальцами. Теперь все взгляды были устремлены на странного урода в майке.

Фердинанд протиснулся между креслами и пошел посмотреть гильотину.

— Вроде ей и в одиночку можно управлять, — пробормотал он. Поднял взгляд. — Идите сюда, мистер Стивенс.

Стив подкатил к гильотине спереди и остановился в четырех футах перед устройством. У него свело живот, и дыхание стало выходить короткими толчками.

«Господи, не покидай меня, — молча взмолился он. — Ниспошли мне Свою милость. Дай мне мужества».

И милость снизошла на него. Он ощутил ту отвагу, которой ему не хватало. Жаль, что здесь был такой неопытный оператор. Фердинанд поднял нож на полную высоту, но элементы рабочего конца рукоятки были ему не слишком знакомы, и он то отдергивал пальцы, то снова прикасался к ним.

— Мне кажется, что, если вы поднимете предохранительный рычаг, все будет в порядке, — сказал Стив.

— О да, верно. Спасибо.

— Не за что. Вы у меня в долгу.

На все дело у Фердинанда ушла пара секунд, но поглядывал он на штуковину все

равно косо. Он с некоторым трудом установил хомут, затем нашел веревку и еще раз осмотрел все.

* * *

Кенни спал. Бизон, сгорбившись, сидел перед телеэкраном, к которому подсоединил свой телефон. Чань совершил настоящее цифровое чудо, передавая изображение из Колорадо. Телекамера в углу показывала все в округе, и Хлоя показала:

— Вот он, Бизон. Прямо здесь.

Бизон резко выдохнул, а вдохнуть не смог. Перед гильотиной находился один Стив, и еще какой-то человек суетился вокруг нее.

* * *

— У вас есть что-нибудь вроде корзинок? — сказал Стив.

— Извините? — сказал Фердинанд.

— Ну, контейнер. Вы же не хотите ловить мою...

— Да! Спасибо. Минуточку.

Стива прямо так и тянуло сказать: «Рад услужить».

Фердинанд нашел какую-то картонную коробку, за какой-то надобностью выслан-

ную станиолом. Стиву даже не хотелось задумываться зачем.

— А теперь, — сказал Фердинанд, глянув наверх, — мне надо поднять вас сюда.

Стив подкатился поближе.

— Вы не могли бы спуститься или...

— Я сам смогу туда забраться, — сказал Стив, — хотя я как-то ожидал, что здесь будет какое-то обслуживание клиентов...

— Я помогу.

— Нет! Устройте меня только после того, как я скажу последнее слово.

— О да, ваше слово. Как раз пора. Говорите.

— Мою речь запишут?

Фердинанд кивнул.

— Ну, тогда...

Стив полуобернулся, чтобы посмотреть на тех, кто стоял в очереди за клеймом верности. Они отводили глаза, но на их лицах читалась жажда предстоящего им зрелища.

— Я не жду, что вы согласитесь со мной или передумаете, — начал он. — Но я все равно хочу, чтобы моя речь была записана. Сегодня я сделал выбор в пользу гильотины, чтобы быть с Богом. Я верую в Иисуса Христа, Сына Божьего, Творца неба и земли. Я отвергаю Николае Карпати, воплощение самого Сатаны. Если вы сегодня примете клеймо, то навеки лишите себя вечной жизни на Небесах. Вы отправитесь в ад, и даже если захотите передумать, вы не сможете этого сделать.

Жаль, что я не смог посвятить всю свою жизнь Тому, Кто дал ее мне, и в Его руки я предаю ее ныне, во славу Господню.

Стив повернулся назад, выбрался из кресла и лег на доску.

— Пожалуйста, побыстрее, Фердинанд.

* * *

Бизон не мог оторвать взгляд от экрана. Хлоя сидела рядом, закрыв лицо руками. Изображение исчезло, но Бизон еще почти час сидел неподвижно. Наконец, зазвонил его телефон. Это был Чань. У него тоже дрожал голос.

— Персонал центра внедрения верности добавил к отчету конфиденциальное сообщение, — сказал он. — Там Сухайля Акбара информируют, что командному центру Мирового Сообщества в Колорадо требуется не только замена покойному Пинкертону Стивенсу, но также и его заместителю, Василию Медведеву. Он выстрелил себе в голову.

Конечно, в новостных сообщениях Мирового Сообщества ни об одной из этих смертей не упоминалось.

* * *

К тому времени, как Минь Той приземлилась в Шанхае после ночного перелета, она была вымотана до предела. Она и прежде не

раз совершала бесконечно длинные перелеты, но на сей раз она не могла уснуть потому, что собиралась познакомиться с пилотом. Он был знакомым, если не другом, Джорджа Себастиана. И хотя она и не встречалась с Джорджем лично, теперь у них было много общих друзей. Ее пилот, родом из Южной Кореи, по имени Ри Ву, натурализовался в Америке и стал ее гражданином ко времени Вознесений и работал на той же базе, что и Себастиан.

— Джорджа все знали, — говорил Ву. — Я никогда в жизни не видел такого здоровяка, что уж говорить о базе. Для Джорджа не было ничего невозможного.

Ву был пилотом-инструктором, специализировавшимся по маленьким маневренным самолетам с повышенной емкостью баков и, вследствие этого, высокой дальностью полета.

— Я был необычным для американского корейца, мистер Чоу, поскольку вел себя скорее как американец, а не как азиат, хотя переехал я в Америку уже подростком. Я ни во что не верил. Возможно, из меня получился бы неплохой конфуцианец. Могу поспорить, вы росли атеистом.

— Верно, — ответила Минь, — но ведь Корея, особенно Южная, почти наполовину христианская, а наполовину буддистская, не так ли?

— Да, но я не принадлежал ни к той ни к другой половине. Да и атеистом я до конца не был. Я был просто ничем. О религии я

не думал. Я ощущал, что какой-нибудь бог, наверное, есть. Я этого не знал, да мне и все равно было, пока этот бог до меня не докапывается. Я поклонялся самому себе, вы меня понимаете?

— Конечно. Все мы такими были.

— Все мои друзья, все мы любили только самих себя. Нам хотелось развлечений, женщин, машин, шмоток, денег. Вы тоже?

— Мне бы хотелось услышать всю вашу историю до конца, Ри, — сказала Минь, — но пора мне заговорить настоящим голосом и рассказать вам правду.

Он подался к ней и прищурился, вглядываясь в темноте, когда услышал, как изменился ее голос.

— Нет, — сказала она. — Мне никогда не хотелось девушек. Мне хотелось мальчиков.

Он отшатнулся, улыбнувшись.

— Правда?

— Все не так, как вы думаете, — сказала она. — Я сама девушка. Точнее, взрослая женщина. Я была замужем. Овдовела.

— Теперь вы надо мной издеваетесь!

— Я говорю вам правду.

И в течение последующих пары часов она рассказывала ему о себе.

— А вы можете поверить, что я слышал о вашем брате? — сказал Ву.

— Нет!

— Это правда! Никто не называл его по имени, и многие из нашей подпольной группы в Сан-Диего знали, что он существует и находится во дворце.

Затем Ву закончил рассказ о себе, о том, как он перепугался во время исчезновений.

— Я и не знал, что можно так испугаться. Раньше меня ничего не пробиало. Я был сорвиголова. Потому я и хотел летать, и не на больших коммерческих лайнерах, вертолетах или турбовинтовых самолетах. Я хотел летать на самых быстрых, самых опасных. Порой я бывал на волосок от гибели, но это меня только будоражило, и я не становился осторожнее. Мне опять хотелось пройти по лезвию ножа.

Но когда сразу вдруг исчезло столько людей, я так перепугался, что даже спать не мог. Я ложился при зажженном свете. Не смейтесь — это правда! Я понимал, что случилось что-то страшное и сверхъестественное. Видимо, только такое событие могло притормозить меня и заставить задуматься хоть о чем-нибудь. Почему исчезли эти люди? Где они? Не случится ли такое и со мной?

Я спрашивал всех, кого знал, и даже многие вроде меня, кто ни разу не бывал в церкви, начали поговаривать, что это сделал Бог. Я должен был узнать, правда ли это. Я начал расспрашивать других людей, стал искать книги в кабинете священника. Я даже нашел Библию, но я ничего в ней не понял. Затем кто-то дал мне книжку, написанную простым языком. Я даже не знал, есть ли Бог, но стал молиться на всякий случай. Эта Библия называлась Словом Божиим, и потому я сказал — Господи, если Ты есть где-нибудь, то помоги мне понять и найти Тебя.

Минь — ведь тебя так зовут. Правда? Сюрпризов больше не будет?

Она кивнула:

— Это все.

— Минь, я набросился на эту Библию, как голодный на ломоть хлеба. Я просто проглотил ее! Я все время читал. Читал ее снова и снова, мне попадались книги и главы слишком заковыристые, я их пропускал и искал те, которые понимал. Когда я нашел Евангелия и послания Павла, я все перечитывал их, пока не отключился от переутомления.

В самом конце Библии было сказано о том, как человек может стать христианином, последователем Христа, и получить прощение грехов. Там говорилось, что можно получить очищение от грехов и попасть на небо после смерти или во время Вознесения. Я упал духом. Я опоздал! Я всем сердцем верил, что все это касалось исчезновений, и я все плакал и плакал, жалея, что упустил возможность.

Но потом были строки о пути к спасению, и я стал молить Господа простить меня. Я сказал, что верю, что Он умер за меня и что Он примет меня к Себе. И я почувствовал себя таким чистым, свободным, обновленным, словно ничего не потерял! То есть я хотел бы быть верующим к моменту Вознесений, но я не сомневался теперь, что буду спасен и когда-нибудь окажусь на небе.

Через несколько часов Минь уже казалось, что они с Ву знакомы много лет. Пусть она и засыпала от усталости, но лучше она будет говорить с ним, чем заснет. Когда над

Желтым морем взошло солнце, Минь с подступавшей к горлу тошнотой увидела бесконечную полосу крови, тянувшуюся во все стороны от гавани. Чем больше они снижались, тем четче она видела опустошения, разлагающиеся трупы животных. Когда они приземлились, им выдали маски, в которых смрад не так чувствовался.

Ри вез партию материалов для взаимопомощи в Шанхай, но согласился подбросить ее до Нанкина, который находился двумя сотнями миль западнее. Чань сказал, что их родители находятся там, в подполье, и хотя это был большой город, Минь молила Господа, чтобы Он вывел ее к ним.

Ри оставался с ней, когда она осторожно разыскивала тайных верующих. Это было непросто. Они обычно садились в маленьких закусовых, и она осторожно сдвигала свое кепи со лба, чтобы верные могли увидеть ее печать. Но впервые они встретили собратьев, когда Ри поступил таким образом в маленькой бакалейной лавке — тогда к нему подошла старенькая женщина и точно так же показала ему свою печать. Все трое встретились в переулке и быстро обменялись своими историями. Минь понимала диалект старухи и переводила ее слова Ву.

Старушка сказала, что подпольная церковь в Нанкине почти истреблена и по большей части переместилась в Цзиньчжоу, то есть еще на триста миль на северо-запад. На последнем отрезке пути Минь буквально валилась с ног, но даже в таком состоянии

беспокоилась о том, чтобы Ри не отключился прямо за штурвалом. Во времена более строгих правил вождения самолетов его после такого краткого отдыха просто на борт не пустили бы.

В Цзиньчжоу эмэсовцы просто свирепствовали. Людей без клейма силком тащили в центры верности, сгоняли евреев в концентрационные лагеря и по громкоговорителю объявляли каждый раз, когда наступало время поклонения идолу Карпати. Даже те тысячи, кто давно носил клеймо, устали от постоянных требований и обращения с еще не сделавшими выбор.

Минь и Ри нашли дешевый мотель, где не задавали вопросов, и взяли две крохотные отдельные комнатухи, немногим более постели, заплатив непомерно много за короткий сон. Но отдых снял напряжение, и встретившись снова, они отправились на поиски подпольщиков.

Минь в конце концов вышла на маленькую группу последователей Христа, которые скрывались в подвале заброшенной школы. Ри пришлось вернуться в аэропорт, а потом в Сан-Диего, и расставание с ним — хотя они только что познакомились — было для нее все равно что лишиться руки или ноги. Он пообещал вернуться и позаботиться, чтобы маленькая церковь в Цзиньчжоу была внесена в список взаимопомощи, хотя они мало чем могли поделиться с собратьями.

Минь сумела связаться с Чанем в Новом Вавилоне и узнала о постепенном переселе-

нии отряда Скорби из Чикаго и скором переезде семьи Уильямс в Сан-Диего.

— Тебе надо познакомиться с ними, Ри, — сказала она, — и поближе — с Себастианом. Я мечтаю найти моих родителей и однажды забрать их с собой туда.

Но до того, как Минь сумела найти человека, который что-то слышал о Вонгах, прошла целая неделя. Это был изможденный старик с прозрачными глазами, который грустно сказал ей:

— Мы знаем Вонгов. Пожилая пара. Он был очень предан потентату, но клеймо принимать не хотел.

— Это он! — воскликнула Минь.

— Мне жаль, юноша. Его нашли.

— Нет!

— Он умер с честью.

— Пожалуйста, нет!

— Он был верующим. Ваша матушка тоскует, но жива и здорова. Она вместе с небольшой группой верующих находится в горах в пятидесяти милях к западу отсюда.

— Она тоже верующая? — спросила Минь, заливаясь слезами.

— О да. Да. Я отведу вас к ней, когда придет время.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Чань никогда не чувствовал себя таким покинутым, таким одиноким. Он горевал об отце, но радовался тому, что тот теперь на небесах. Он молился за мать и сестру, он умолял Минь остаться с ней и не пытаться вывезти старую женщину из страны. Он понимал, что сейчас оставаться в Китае — страшно, но побег может оказаться еще более рискованным.

Чаня заинтересовал этот самый Ри Ву. Он помог Хлое организовать перелеты для взаимопомощи и нашел контакты для него. Но по большей части Чань сидел тише воды ниже травы, особенно когда работал за компьютером. Сухайль Акбар взял под личный контроль вычисление вражеского агента во дворце, это было для него делом чести. Всех сотрудников постоянно допрашивали, но Чань был уверен, что вызывает подозрений не больше, чем остальные. Он с нетерпением

ждал того дня, когда снова сможет свободно общаться с отрядом Скорби.

Труды нынешнего дня, видимо, закончились, когда он сумел обеспечить отряду выход из убежища, снабдив людей фальшивыми удостоверениями. Ему пришлось попросить Бизона быть поосторожнее с информацией, которую он транслировал ему из дворца для «Истины». Одно дело, когда Бизон пишет о том, что он сам знает, но совсем другое — подтверждать это записями и видео, которые могли быть получены только с «жучков» в самом Новом Вавилоне.

Чань беспокоился о том, чтобы ночная передислокация отряда Скорби прошла гладко. Пока они не потеряли никого, кроме Стива Планка, который официально не числился в отряде, но все оплакивали его как своего соратника.

Лия и Ханна находились сейчас неподалеку от своего нового дома в Лонг-Гроув. Их случайные сообщения о Лайонеле Уолуме и его жене подтверждали то, что супруги были как раз теми людьми, в которых нуждались отряд Скорби и взаимопомощь.

Альби и Мак летали по всему миру на самолете, который Альби, по всей видимости, приобрел на возродившемся черном рынке. Чаня беспокоило, что у них нет больше надежных поддельных документов, но, по крайней мере, Мак казался ему после греческого триумфа просто непобедимым.

Зик, насколько знал Чань, прекрасно устроился в сельской местности, о которой

эмэсовцы словно позабыли. Многие из верующих проделывали многомильные путешествия, чтобы этот молодой человек своей рукой мастера преобразил их внешность.

Вести от Эноха и его паствы из «Плейс» были не столь обнадеживающими. Группа разделилась и была распределена по разным подземным убежищам — и отдельные люди, и семьи. Большая часть из них по-прежнему была активна и сотрудничала со взаимопомощью, но многие отчаялись хоть когда-то снова обрести то чувство содружества, которое было у них в Чикаго.

Город снова был опустошен — на сей раз настоящим ядерным ударом. Это произошло через три дня после того, как Бизон, Хлоя и Кенни встретились с Себастианом и были переправлены самолетом в Сан-Диего. Новости МС сообщали о тысячах погибших — естественно, иегудайтов, — но зрители понимали, что подтверждение факта смертей или количества убитых поставило бы под угрозу тех, кто осуществлял бы этот подсчет на месте.

Для Чаня самым волнующим было общение с Бизоном, Хлоей и Кенни, которые теперь жили в буквальном смысле слова в подполье, в бункере близ Сан-Диего. Себастиан и его семья облегчили им переезд, и местная подпольная церковь, по мнению Чаня, была самой деятельной из существующих. Там Кенни был одним из немногих детей, рожденных после Вознесений.

Поскольку военная технология по большей части не пострадала, Бизон сумел вос-

становить структуру, которая была у него в Чикаго, и продолжал выпускать свой ежедневный интернет-журнал. Он старался не выходить далеко из дому, но завидовал Рэйфорду, жившему сейчас в Петре.

Сейчас именно там развивались основные события.

* * *

Четвертый год времени Скорбей:
осталось шесть месяцев
до времени Великой Скорби

Хотя атмосфера праздника еще не рассеялась и ежедневные послания Циона и Хайма были воодушевляющи, Рэйфорд не мог сказать, что Петра полностью отгородилась от внешнего мира. Миллиону ее жителей ежедневно напоминали о том столпотворении, которое устроил по всему миру Карпати. Отовсюду приходили сообщения о чудесах, совершаемых тысячами «божьих людей», которые казались любящими, добрыми, вдохновляющими и деятельными. Их деяния легко можно было увидеть вживую по Интернету — они приращивали оторванные руки и ноги, брали из моря воду и превращали ее в воду, такую чистую и прозрачную, что многие пили ее без вреда для себя.

— Ложь! — говорил каждый день Бен-Иегуда. — Шарлатаны. Обманщики. Лжецы.

Да, это настоящая сила, но она исходит не от Бога! Это сила Врага, сила зла! Не давайте обмануть себя!

Но было ясно, что многие повелись на этот обман.

Евреев унижали, преследовали, мучили и убивали на всех континентах. Их выставляли напоказ на всех экранах по новостным каналам МС, обвиняли в сфальсифицированных преступлениях. Комментаторы называли их предателями, врагами воскресшего потентата, намеревавшимися узурпировать престол бога живого.

В течение нескольких месяцев политика Нового Вавилона в отношении тех, кто был схвачен без клейма верности, сменилась от предоставления последнего шанса немедленно принять клеймо до полной нетерпимости. Для тех, кто пренебрег своим долгом, больше не было прощения. Самым варварским для Рэйфорда стало введение закона бдительности, который позволял теперь любому лояльному гражданину с клеймом убить незаклейменного на месте. Это не считалось преступлением. Это было похвальным деянием, за него давали награду, и требовалось лишь предъявить в местное управление МС тело жертвы без клейма на лбу или руке.

Но тем, кто ошибся, спуска не было. Убийство верного карпатианца каралось смертью, и суд оправданий не принимал. Если у вас нет алиби по обвинению в убийстве клейменого гражданина, вы будете казнены в течение двадцати четырех часов.

Рэйфорду отчаянно не хватало семьи и общения с остальными членами отряда Скорби, но что хорошо для одного — хорошо и для всех. Они перебазировались и затаились на время. Он понимал, что это не навсегда. Он так хотел попасть в Сан-Диего, что почти на вкус ощущал эту жажду.

Основным событием каждого нынешнего дня кроме обычного выслушивания проповеди и выхода на связь с рассеянными членами отряда, было послание, которое каждый день провозглашал один из проповедников. Если бы Рэйфорда спросили, могла бы его удовлетворить ежедневная проповедь, излагавшая план к спасению и дававшая еще не уверовавшим шанс принять Христа, он мог бы сказать, что это ему скоро надоело бы.

Но каждый день, день за днем, Цион настаивал на том, чтобы либо он сам, либо Хаим выступали с таким обращением после обычной проповеди для тех, кто уже уверовал. И каждый день Рэйфорд ловил себя на том, что его душа трепещет при этих словах.

Это было так потому, что каждый день кто-то спасался — и, как правило, не один человек. Но упрямые и нерешительные часто сталкивались с карами, страданием и битвами. Рэйфорд с изумлением наблюдал за духовной борьбой, которую вели самолюбленные, грешные мужчины и женщины, которые не могли не поддаться проповеди и в то же время не желали отступить, даже ради собственного блага.

Каждый вечер Хаим просил новообращенных назваться и рассказать о том, как они жили прежде, и о своей новообретенной вере. Такие собрания всегда заканчивались пением, молитвой и праздником.

Однажды вечером, еще воодушевленный праздником в честь новообращенных, Рэйфорд с удовольствием взял урок у Наоми, компьютерного вундеркинда. Она учила любого желающего тому, как добираться до любых баз данных и получать новости со всех сторон света.

Рэйфорд был лишь одним из десятков собравшихся научиться, чему возможно, но тут его вызвал сам Хаим, который хотел познакомить его с новым другом.

Рэйфорд прошел следом за Хаимом пару сотен ярдов, и по дороге люди все тянули руки к Михею, благословляя его, благодарили, говорили, что молятся за него и радуются его руководству.

— Спасибо, спасибо вам, благодарю, — говорил Хаим, пожимая руки и похлопывая людей по плечу. — Благодарите Бога. Его благословляйте. Будьте благословенны.

Наконец, они достигли площадки, где собрались кружком молодые люди, представители разных рас и культур. Они сидели и разговаривали. Им всем было двадцать с небольшим или тридцать лет.

— Мисс Райс? — тихо позвал Хаим, и когда низенькая чернокожая женщина извинилась и пошла к Хаиму и Рэйфорду, остальные с интересом проводили ее взглядом.

— Мы знакомы? — сказал Рэйфорд, наклонившись, чтобы пожать ей руку. — Нет, позвольте угадать. Вы подружка... нет, вы были на телевидении.

— Бернадетт Райс, — сказала она с четким британским акцентом. Значит, она была здесь по заданию — или нет? Или зачем?

Он улыбнулся ей и посмотрел на Хаима.

— Она сама тебе расскажет.

Все трое уселись на камни.

— Я была на Храмовой горе и делала репортаж для Си-эн-эн МС, когда Михей, то есть доктор Розенцвейг, объявился впервые. Я не узнала его. Никто его не узнал. Я не знаю, что бы я подумала, если бы знала, что это он. Всем, конечно, было прекрасно известно, что именно он убил Карпати.

Но я даже не думала об этом, когда меня вызвали туда. Женщина, капрал миротворцев МС по имени Риль — простите, но я все помню и рассказываю подробно только для того, чтобы привести мысли в порядок, — отвлекла меня от репортажа, который я тогда делала, о семьях, пришедших на Храмовую гору в тот день. Честно говоря, я не была слишком рада, когда она настояла, чтобы Рашид — мой оператор — и я свернули наше оборудование и пошли за ней. Я потребовала, чтобы она сказала, что происходит.

Пока она волокла меня через площадь, она все говорила, что мы с Рашидом сейчас получим редкую привилегию. Высокопоставленный блюститель нравственности собирался выполнить приказ самого потента-

та. Когда мы добрались до места, высокий молодой человек, одетый как одеваются эти самые блюстители — с модной небрежностью, ну, сами знаете, стоял рядом с хрупким невысоким стариком — так мне показалось. Простите, доктор Розенцвейг, но вот так я запомнила.

У людей, не знающих тонкостей журналистской профессии, очень разные представления о том, какой сюжет может быть интересен, а какой — нет. Я даже не знала, хотят ли от нас прямой передачи или записи. Этот блюститель хотел скорее покончить с делом, потому я запросила центр, руководивший передачей, что мне делать. Они захотели узнать, как зовут того блюстителя, но прежде, чем я успела спросить, он начал настаивать, чтобы мы включили камеру.

Он сказал, что его зовут Лорен Хат, новый глава блюстителей нравственности, и что Карпати приказал ему уничтожить этого самого Михея за отказ от клейма и сопротивление при аресте. Я быстро дала вводную, Рашид направил камеру на эту пару, и пошел живой репортаж.

Вы помните, что у всех тогда вдруг начали вылезать нарывы, и этот самый Хат страдал. Он извивался, чесался — от одного вида этого мне тоже чесаться захотелось. Вы это видели, капитан Стил?

— Нет, но я слышал об этом от моих...

— Тогда вы знаете, что случилось. Хат выстрелил в Михея несколько раз в упор — и ничего. Разве что от выстрелов уши заложило.

Толпа рассмеялась, Хата обвинили в том, что он стреляет холостыми. Он убил одного человека за это замечание, выстрелив ему в сердце и доказав всем, что пули настоящие. Толпа бросилась врассыпную, я упала на землю, перепуганная насмерть. Тут появился сам Карпати. Когда я пришла в себя, я отползла в сторону — к очередям в пункт клеймения, на всякий случай, если кто посмотрит в мою сторону.

Но оттуда я отправилась прямо в мой отель. Я была так рада, что еще не получила клейма. Этот человек был врагом Карпати, и у него была сверхъестественная защита, которую мне тоже хотелось получить. Мое начальство считало, что я, как и прочие, страдаю от нарывов, но ничто не могло удержать меня от того, чтобы пойти следом за Михе-ем. Я смотрела из окна моего отеля, узнала о встрече в Массаде, переоделась, поехала в те места и попала туда по воздушному мосту. Но лишь недавно я в конце концов стала молить о спасении.

— Слава Богу, — сказал Рэйфорд. — А можно спросить, почему вы так долго тянули? Вы же были тут, когда упали бомбы. Бог защищал вас, хотя вы и были...

— ...охвачена огнем.

— Да! Я просто сгораю от любопытства. После этого-то почему вы медлили? Ведь вы уже не сомневались в Боге.

— Верно, не сомневалась. Я даже и не знаю, как это объяснить, капитан Стил. Все, что я могу сказать, — враг укореняется в разуме, если человек не предает себя Богу. Я праг-

матик, меня снедает гордыня, я журналистка. Я хотела держать судьбу в собственных руках. Мне нужны были доказательства.

— Но какие еще доказательства вам?..

— Я знаю. Я до сих пор в изумлении. Я полагаю, что ближе всего это безумие объясняют те строки, которые так часто цитируют доктор Розенцвейг и доктор Бен-Иегуда — как там оно, доктор? Что-то насчет борьбы с плотью?

Хаим кивнул.

— «Потому, как наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»¹.

— Да-да! И вот почему мы должны облачиться во всеоружие Божие, верно?

— «Дабы противостать в день злый и, все преодолев, устоять». Аминь

— Я с большим интересом выслушал ваш рассказ, мисс Райс, — сказал Рэйфорд, — вы же знаете, мой зять...

— Да, доктор Розенцвейг мне рассказал. Потому я и подумала, что вам может быть интересно услышать мою историю.

Рэйфорд посмотрел на Хаима, затем снова на Бернадетт.

— Не говорите, что Бизон этого еще не слышал, — сказал он.

— От меня — нет, — ответил Хаим.

Она покачала головой.

— Теперь, если позволите...

¹ Послание Павла к Ефесянам, 6:12—13.

Рэйфорд поспешил туда, где Наоми заканчивала свой урок, мимо палаток, где предпочитало спать большинство молодежи, к маленькому лагерю из сборных домиков. Они были крохотными, но построены были хорошо. Почти все они были предоставлены Лаонелом Уолумом, новым членом взаимопомощи, а собрала их команда добровольцев, почти за одну ночь изменив ландшафт Петры.

Рэйфорд, который надеялся, что его пребывание в пещерном городе будет только временным, выбрал для себя один из самых маленьких — для него этого было достаточно — домиков неподалеку от того места, где поселился Абдулла. Смитти любил открытый огонь и потому предпочел жить в палатке, которая была лишь немногим меньше жилья Рэйфорда. Она была разбита на краю одной из бивачных деревень.

Прежде чем зайти домой, где едва хватало места для его кровати, компьютера и передающего оборудования, он заглянул к Абдулле, чтобы посмотреть, не лег ли он уже спать. Иорданец, чей силуэт смутно вырисовывался за дымной завесой, помахал ему рукой и поздравил его.

— Приду через час-другой, дружище! — крикнул Рэйфорд.

Он сел за компьютер, поставив рядом с собой две стеклянных банки, одну с водой, вторую с манной. Манну не надо было запасать впрок и хранить. К вечеру она портилась, но каждое утро выпадала свежая, так что запа-

сать ее означало бы демонстрировать маловерие, а потому делать это запрещалось.

Рэйфорд ввел свой пароль, набрал координаты, которые позволяли бы ему по защищенной линии связываться с Сан-Диего — судя по часам, он выходил на связь всего десять часов назад — и набрал: «Благодарение Богу за Давида Хассида и Чаня Вонга».

Он стал ждать. Компьютер Хлои и Бизона показал бы им, что он пытается с ними связаться, и когда один из них введет свой пароль, устройства смогут общаться друг с другом. И не только — они получают и видео-связь. Сенсоры по сторонам экрана принимали и преобразовывали цифровые изображения и передавали их в обе стороны, так что собеседники могли видеть друг друга на экране — разве что один из корреспондентов отключал эту опцию.

Через минуту на экране возникла Хлоя. На ее коленях вертелся полутороогодовалый Кенни. Ей приходилось удерживать малыша, чтобы тот не дотянулся до клавиатуры. Глядя на них, Рэйфорду было еще тяжелее переживать время до отправки в Сан-Диего.

— Привет, пап, — сказала Хлоя. — Поприветствуй дедушку, сокровище мое.

— Деда! — закричал Кенни и уставился на экран.

Рэйфорд попытался устроиться получше под освещением, чтобы его было видно, и помахал рукой.

Кенни улыбнулся и раскинул, а затем снова сложил ручонки перед экраном.

— Я так скучаю по тебе, Кенни!

— Скучаю! Большой! — Кенни поднял руки над головой и изогнулся, заставив Хлою крепче прижать его к себе, чтобы он не соскользнул с ее коленей.

— Ты большой мальчик? — сказал Рэйфорд.

Но Кенни уже утратил интерес. Он выворачивался до тех пор, пока Хлоя не спустила его с рук.

— Тебе надо приехать повидаться с ним, — сказала она.

— Может, скоро приеду, — произнес Рэйфорд. — Я так по всем вам соскучился.

Они обменялись новостями. Бизон ушел куда-то с Себастианом и Ри Ву, так что Рэйфорд поведал историю Бернадетт Райс Хлое.

— Бизон будет в восторге, — сказала она. — Ри сейчас возвращается в Китай. Минь пока не вызвала никаких подозрений. Она передвигается по стране как хочет, но наверняка она хотела бы уехать оттуда и забрать с собой мать. Может, на этот раз так и сделает.

— Они приедут в Сан-Диего?

— Да. Мне кажется, Ри к ней неровно дышит.

— Это меня не удивляет. Знаешь, я встречался с ним во время одного из его прилетов сюда.

— Никто мне об этом не рассказывал!

— Да. И он говорил о ней. Сдается, он только о ней и думает. Мне казалось, я тебе рассказывал.

— Нет. Правда, я весь день по уши занята делами взаимопомощи. Это становится

все труднее и труднее, пап. А Цион ничего не говорил об ослаблении язв? Или это на-совсем?

— Прежние кары не были постоянными. Но эта длится дольше всех. Цион считает, что катастрофа с озерами и реками неизбежна. А эта явно не будет постоянной.

— Нет? Откуда ему знать?

— Он говорит, что грядет последний суд, из тех, которые будут предварять Армагеддон и Явление во Славе. Тогда пересохнет река Евфрат. Там четко говорится, что ее воды высохнут.

— Это, конечно, облегчение, но если реки и озера обратятся в кровь и не обратятся обратно в воду почти до самого Армагеддона, то я не знаю, что будет. Моря очистятся до того, как настанет черед озер и рек, и вообще имеет ли это смысл?

— Никто не знает, Хлоя. И что будет, если моря снова станут соленой водой? Сколько понадобится времени, чтобы они восстановились?

— А что мы будем делать со всем, что умерло? Одна уборка трупов займет сотни лет. По крайней мере, мы могли бы опреснять соленую воду и транспортировать ее, поскольку если реки и озера тоже превратятся в кровь и моря останутся такими же, я вообще не понимаю, как хоть что-то сможет выжить.

— Цион говорит, что Бог так отсеивает тех, кто носит печать Зверя, чтобы они не могли проповедовать зло. Я думаю, Он уравнивает шансы к последней битве.

- Словно Ему это надо, пап.
- Как ты держишься, малышка?
- Устала, вот и все. Но мы любим Себастиана и тех верных, кто здесь живет. Если уж приходится переживать такие времена, то лучше этого места не найти.

* * *

В Цзиньчжоу стояла глубокая ночь, и Минь охватила тоска по дому. По какому вот только дому? Больше у нее не было дома. Ей хотелось быть вместе с Ри Ву, хотя они пока только руки друг другужимали. Он несколько раз навещал ее, как и обещал, и они стали близкими друзьями, братом и сестрой во Христе.

Минь не знала, давать ли волю чувствам — ведь до Явления во Славе оставалось всего три года. Кроме того, у Ри была возмутительно опасная работа, а кому охота овдоветь дважды за несколько лет? С другой стороны, а что, если они оба все же выживут? Надо посмотреть, что там говорил доктор Цион Бен-Иегуда о супружеских парах, которые войдут в тысячелетнее царство.

Хотя Минь и жила со своей матерью, дома она себя не чувствовала. Да, она понимала язык, даже некоторые из наиболее неразборчивых диалектов, поскольку выросла в Китае. Но здесь верные жили в постоянном страхе, спали в общих комнатах, почти не имели лич-

ного пространства, и никто не знал, кто может постучаться в дверь среди ночи.

Ее мать сохраняла замечательное присутствие духа, несмотря на недавнюю потерю супруга, хотя и говорила Минь, что хотела бы умереть вместе с ним. Хотя миссис Вонг была неофиткой, она по натуре была человеком сомневающимся, а за последние несколько недель стала вообще фаталисткой. Минь пыталась уговорить ее тайком уехать из Китая в Сан-Диего, но мать не желала об этом слышать. Здесь был ее дом — такой как есть, — и Калифорния была для нее все равно что другая планета. Она беспокоилась за Чаня, она беспокоилась за Минь, которые оба действовали под прикрытием служащих Мирового Сообщества.

Минь, все еще скрывавшаяся под личной Чаня Чоу, когда бывала вне убежища, постоянно ходила по лезвию ножа. Брат предлагал ей внести в компьютер данные, будто она полноправный служащий, имеющий право на зарплату и привилегии. Она отказалась, чтобы не подвергать его опасности, понимая, под каким плотным присмотром сейчас находятся все, кто в Новом Вавилоне. Немного денег помогли бы ей сделать ее маскировку совершенной и жить отдельно, но это поставило бы под удар Чаня. Потому она жила на скудном пайке среди верных.

Минь старалась держаться подальше от остальных миротворцев, хотя некоторые хотели с ней познакомиться и приглашали жить с ними. Она всегда находила повод

отказаться. Самым трудным для нее были случайные поручения со стороны старших по званию. Она в свое время была старшим офицером в бельгийском женском реабилитационном центра — женской тюрьме. Но сейчас, в своей мужской форме миротворца МС, она была всего лишь солдатом, которого все прочие имели право гонять туда-сюда.

По крайней мере, это давало ей хоть какой-то доступ к информации, чтобы предупреждать собратьев по вере о рейдах и неожиданных проверках.

Как-то раз в два часа ночи местные эмэсовцы запланировали налет не на последователей Христа, а на небольшую группу мусульман, которые жили в северо-западном конце города в пещере, где когда-то проходила линия подземки. Минь с удивлением услышала об этой группе, поскольку практически не знала о других очагах сопротивления Карпати, кроме иегудаитов и ортодоксальных евреев. На сборе МС перед тем, как отправиться искоренять диссидентов, Минь узнала, что эти «фанатики» продолжают читать Коран, носят тюрбаны, почти полностью закрывают своих женщин и соблюдают пять столпов ислама.

Она не видела никого, кто кланялся бы в сторону Мекки пять раз в день, но разведка доносила, что эта группа по-прежнему выполняет эти принципы тайно. Они также совершают пожертвования — общинные взносы и распределения благ, что в нынешней политической обстановке все равно было бы необхо-

димо. Неизвестно было — по крайней мере, в отношении приверженцев этой веры в Западном Китае, — продолжают ли они блюсти Рамадан. Казалось, все тем или иным образом блюдут его с тех пор, как моря превратились в кровь¹. Больше никто не мог хотя бы раз в жизни посетить Мекку с тех пор, как Мировое Сообщество и карпатианство сровняли с землей священный город мусульман.

Столпом их веры, так бесившим потентата, миротворцев Мирового Сообщества и блюстителей нравственности был первый и основной догмат ислама. Их Символ веры провозглашал единого Бога — «нет Бога, кроме Аллаха...» — и утверждал высший статус основателя их религии — «... и Мухаммед пророк Его».

Конечно, это был плевок в лицо Карпати, поскольку карпатианство тоже было монотеистической религией. Мусульмане не поклонялись идолам, у них не было статуй, связанных с их религиозной практикой, так что им было отвратительно поклоняться идолу Карпати.

— Пусть делают свой выбор в течение получаса, — говорил местный лидер, жирный тип по имени Тунь. — Мы налетим на их дыру, мы будем полностью вооружены и готовы перестрелять всех, не имеющих клейма, на месте. Но мы надеемся, что они не будут сопротивляться. Я знаю из надежного источни-

¹ В течение месяца Рамадан правоверные мусульмане должны поститься от наступления утреннего намаза до наступления вечернего намаза. Пост также называется «Рамадан», как и месяц.

ка на самом верху, что этих людей планируют сделать живым примером для остальных.

Мы проведем их к месту клеймения за шесть кварталов от их логова, и там они просидят всю ночь, чтобы решить, что будут делать утром. И когда солнце взойдет над прекрасным нефритовым изваянием верховного потентата Карпати, эти неверные либо преклонят перед ним колени, готовясь принять клеймо верности, либо будут публично казнены. Они не знают, что, вне зависимости от их решения, они все равно будут уничтожены. Си-эн-эн Мирового Сообщества намерена транслировать это напрямую на весь мир.

Миротворцы вокруг Минь разразились радостными криками и аплодисментами. Затем они встали в очередь за оружием. Ей достался гранатомет, которым она не собиралась пользоваться, что бы ни случилось. И если это станет концом ее жизни — что ж, да будет так.

* * *

Рэйфорд подошел к Абдулле Смиту. Тот грелся у костра. Смитти, который за последние несколько месяцев стал гораздо экспрессивнее и эмоциональнее, быстро вскочил и обнял Рэйфорда.

— Я прямо будто уже на небесах, дружище! — воскликнул он. — Мне не хватает полетов, но мне так нравится учиться! И еда!

Кто бы мог подумать, что одно и то же три раза в день будет заставлять меня так ожидать времени приема пищи?

Рэйфорд не знал, как Абдулла способен чувствовать себя комфортно, сидя на земле, скрестив ноги. Рэйфорд сделал вид, что ему тоже хорошо и удобно, но у него ныли все суставы и сводило все мышцы. И он все время то опирался на руку, то вытягивал ноги. Это несказанно веселило Абдуллу.

— Вы, западные люди, столько хвастаетесь своим упорным трудом, и все же это не помогает вам обрести гибкость тела.

— Наверное, ты сидишь на волшебном коврике, — сказал Рэйфорд.

Абдулла расхохотался.

— Жаль, что тут нет Мака. Он заставляет меня думать о житейских.... житейских... как их там? Жалобах? Он так это называет?

— Может быть. С ним никогда ничего не поймешь. Ты видел его сегодня?

— Конечно. Они с Альби всегда заходят ко мне, когда приезжают сюда, все дразнят меня, что я разжирел на манне, и спрашивают, когда же я присоединюсь к их маленькому отряду пилотов. Надеюсь, этот день скоро настанет. Пока старейшины считают это слишком опасным, но сдается мне, что и тебе не терпится заняться делом.

— Ты даже не знаешь насколько, — сказал Рэйфорд. — И хотя я и подчиняюсь здешним властям, я все думаю — когда же?

— И я тоже! Ведь очевидно, что Господь защищает тех, кто совершает полеты сюда и

отсюда, несмотря на все усилия врага. Я все думаю, когда эмэсовцы сообразят, наконец, что это пустая трата патронов и ракет. Они хоть раз в кого-нибудь попали?

Рэйфорд покачал головой:

— Пока нет. И все эти истории. Ты слышал истории?

Абдулла запрокинул голову и посмотрел на звезды:

— Я слышал их, капитан. И я хочу в этом участвовать. Я хочу, чтобы Господь еще раз защитил меня от опасности и смерти, призвав одного из своих особых посланников. Помнишь полет сюда, когда эмэсовцы стреляли в нашу машину? Это было все равно что жить в библейские времена. Я ощущал себя как Даниил во рву со львами. Я видел эти ракеты и знал, что мы прямо на их пути, и все же они прошли мимо. Капитан, о чем думают эмэсовцы, если видят такое при свете дня каждый день?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Минь вместе с отрядом местных миротворцев МС маршировала по улицам Цзиньчжоу, к северо-восточной части города. По дороге им попадались немногочисленные горожане, но было известно, что мусульмане в это время утра как раз молятся.

Местный лидер МС Тунь развернул группу примерно из тридцати вооруженных миротворцев и отправил их караулить четыре выхода из старой подземки, находившиеся на границе того района, который занимали мусульмане. Вероятно, мусульман никогда не беспокоили после полуночи, потому что на каждом входе внизу лестницы стояло всего по одному часовому. С ними быстро и тихо справились, и никто из них не смог показать эмэсовцам клейма верности. Их вывели на поверхность, чтобы потом сопроводить к пункту клеймения. Остальные миротворцы

молча вошли внутрь и обнаружили внизу собрание примерно из сорока мужчин и женщин. Мусульмане тут же поняли, что их раскрыли и сопротивление бесполезно. Потому они просто остались на месте, слушая проповедника, одного из них. Тунь предвидел такую возможность и велел своим людям просто ждать и слушать, собирая свидетельства предательства и неверности карпатианству.

Проповедник, видимо, быстро оценил ситуацию и начал сворачивать речь. Но часто бросая взгляд на пришедших их схватить, он не терял твердости в вере и до самого конца не желал повиноваться врагу.

— И потому, — говорил он, — мы считаем Бога не только создателем всего сущего, но также всезнающим, справедливым, любящим, всепрощающим и всемогущим. Мы верим, что Он дал Коран нашему пророку, чтобы тот вел нас к правде и справедливости. Мы — высшее Его творение, но слабы и себялюбивы и слишком легко поддаемся на соблазны Сатаны и забываем наше предназначение в жизни.

Он замолчал и снова посмотрел на миротворцев.

— Мы знаем, что само слово «ислам» означает покорность. И те из нас, кто покорен Богу и раскаивается в своих грехах, получают в конце награду в раю. А те, кто не поступает так, кончают в аду.

Мусульмане поклонились в сторону Мекки и начали молиться — все, кроме троих. Эти трое сидели вместе в самом последнем

ряду собравшихся, и когда Тунь выступил было, чтобы приказать завершить молитву, один из них встал, показал на него и поднес палец к губам.

— Подожди, — тихо сказал он, но в нем чувствовалась такая сила и — Минь не могла найти слова — убедительность, что ли, что Тунь остановился. Его люди переводили взгляд с него на стоящего человека и обратно.

Мусульмане поднялись после молитвы и снова сели. Трое осторожно прошли через толпу и встали на место проповедника.

— Собрание еще не окончено, — сказал один из них.

Минь была озадачена. Эти трое не были вооружены. Хотя они были одеты в нечто похожее на одеяния мусульман, оно все же отличалось. Они были в сандалиях и хламидах, но тюрбанов на них не было. Бороды и волосы их были относительно коротки. Они не были похожи на уроженцев Востока или азиатов. Минь поняла, что не может определить их национальность ни по виду, ни по акценту. А тот, что говорил сейчас, говорил достаточно громко, чтобы его было слышно, но опять же в его голосе слышалось нечто, что заставляло всех слушать его.

— Я зовусь Христофором. Мои спутники — Наум и Кaleb. Мы пришли к вам по велению единственного истинного Бога Авраама, Исаака и Якова, Бога Израиля и Отца нашего Господа и Спасителя, Иисуса Мессии. Мы пришли не для того, чтобы говорить о религии, а свидетельствовать о том, что

Христос был распят на кресте, умер, был погребен и воскрес на третий день и ныне восседает одесную Отца.

Внезапно Христофор заговорил так громко, что многие закрыли уши, но Минь была уверена, что они все равно слышали все до последнего звука.

— Убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его; и поклонитесь Сотворившему небо, и землю, и море и источники вод¹.

Христофор подождал, пока это дойдет до всех, затем уже более спокойно произнес:

— Христос умер за наши грехи согласно Писанию, он был погребен и восстал на третий день по Писанию. Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если то есть мертвые не воскресают; ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших².

¹ Цитата из Апокалипсиса.

² Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла, 15:12—17.

Минь обвела взглядом лица мусульман — она ожидала, что они вскочат, начнут протестовать. Возможно, они молчали лишь потому, что рядом стояли те, кто пришел схватить их, или потому, что они поняли, что это учение тоже отвергает карпатианство, но они не возражали. Они словно были загипнотизированы дерзостью чужака, который, невзирая на их веру, проповедовал свою.

Христофор уступил место Науму.

— Падет, падет Вавилон, — сказал он. — Падет великая блудница, ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы!¹ Она давала лживую надежду не только в своей религии, но и в экономике, и в управлении. Господь ревностен, Господь отмстит. Он обрушит месть на врагов Своих, он бережет Свой гнев для врагов!

Господь не скор на гнев и велик в мощи Своей. Он найдет свой путь в хаосе и бурях. Облака — пыль от его шагов.

Эмэсовцы затрепетали, и Минь посмотрела на Туня, у которого дрожали губы. Он крепче стиснул свое оружие, но не шевелился.

Наум продолжал:

— Господь карает море, и оно становится кровью. Он может иссушить все реки. Горы дрожат при виде Его, холмы плавятся, земля горит при виде Его, весь мир и все, что живет в нем.

¹ Парафраз Апокалипсиса

Кто устоит перед Его гневом? Кто может уцелеть от силы ярости Его? Его гнев изольется подобно пламени, он обрушит горы.

Господь добр, Он — опора в день беды. Он знает тех, кто верен Ему. Но потоп накроет то место, что противится Ему, и тьма будет преследовать Его врагов.

Все в подземелье сидели или стояли неподвижно, прижав к себе руки. Казалось, словно они пытались сжаться, устранившись слов Наума. Когда он уступил место Калебу, тот вместо того, чтобы обратиться ко всем, обернулся к Туню и устремил на него взгляд.

— Кто поклоняется Зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем, Который есть Христос Мессия.

Дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся Зверю и образу его и принимающие начертание имени его. Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса¹.

Поначалу никто не шевельнулся. Затем один эмзовец, потом второй бросились прочь из подземелья, перескакивая сразу через две ступеньки. Тунь заорал им вслед,

¹ Откровение 14:9—12

стал угрожать. Но за ними последовали еще двое, и еще.

Мусульмане оставались на месте. Наконец, некоторые встали, но эмэсовцы смотрели на Туня, не зная, что им делать. Он направил оружие на троих чужаков, но не смог и слова сказать. Наконец, снова обретя голос, рявкнул:

— В центр!

Эмэсовцы начали окружать мусульман, которые, кроме шестерых человек, позволили вывести себя наверх. Тунь кивнул двоим своим людям и сделал знак, чтобы они вместе с ним окружили остальных. Но когда они приблизились, Христофор просто наклонился к эмэсовцам и сказал:

— Им еще не время.

Минь застыла и повернулась так, чтобы оказаться последней за основной группой. Было件нятно, что Христофор, Наум и Кaleb говорили и молились с шестерыми непокорными. Кристофер сказал Туню:

— Эти шестеро придут, когда настанет их время.

И к изумлению Минь, глава эмэсовцев подозвал к себе двоих оставшихся миротворцев, и они вышли.

Минь была настолько потрясена, что поймала себя на том, что даже не знает, есть ли на челе троих чужаков печать верных. Ведь она должна там быть, верно? Она хотела узнать, но не думала, что встретится с ними снова.

Когда оцепеневших мусульман повели по улицам к пункту клеймения, Минь позволи-

ла себе отстать достаточно, чтобы, несмотря на свой малый рост, держать в поле зрения ближайшие кварталы.

Огромный «солнечный» прожектор освещал центр, но никто в округе не знал о рейде, и зрителей было немного — только эмэсовцы, которые первыми сняли четырех мусульман-часовых. Но если только зрение ее не обманывало, Минь видела еще троих чужаков в хламидах, с короткими волосами, бородами, но без тюрбанов. Они могли бы составить прекрасную компанию первой троице!

Но когда эмэсовцы и мусульмане подошли ближе, они все вдруг начали показывать пальцем и переговариваться. Это были те же самые трое! Они стояли во главе очереди, не обращая внимания на громогласных эмэсовских проповедников, которые приказывали им отойти в сторону.

Когда мусульман загнали в строй, Минь сумела получше разглядеть этих троих. На их лбах не было печати верных! Она не знала, что и думать. Они кто — подпольщики, шарлатаны, кто?

Тунь бросился к ним, размахивая винтовкой.

— Где остальные? Мы выследим их, и вы будете виноваты...

— Они придут, когда настанет их время, — ответил Христофор. И это почему-то заставило Туня замолчать.

Мусульманам растолковывали, что и как надо делать. Когда Тунь спросил, сколько из них примут клеймо верности Карпати, почти

половина подняли руки, остальные закричали и стали с ними ругаться.

Тунь рассмеялся:

— Все равно! Вы что, не поняли? Вы слишком долго тянули. Вас нашли этим утром, спустя много месяцев после последнего срока для принятия клейма. Вы умрете вместе с остальными на рассвете.

Он обернулся к остальным.

— И сколько из вас выбрали бы гильотину, будь у вас выбор?

Остальные мусульмане подняли кулаки, но Минь увидела, что ни у одного из них нет и печати верных. Христофор обратился к ним:

— Не поддавайтесь соблазну выбрать гильотину, не приняв Христа Мессию. Вы умрете напрасно.

— Мы умрем за Аллаха! — крикнул один, остальные стали потрясать кулаками.

— Да вы все равно сдохнете, — сказал Тунь.

Его внимание было отвлечено шумом на улице. Все повернулись туда, где последние шестеро мусульман целенаправленно шагали к этому месту. Минь поняла, что Тунь не ожидал снова их увидеть. Подойдя, они словно оцепили здание, затем направились прямо туда, где был выход к гильотинам.

— Рад, что вы так сразу определились, — хмыкнул Тунь. — Но до рассвета мы не работаем. А вот тогда вы у нас станете звездами телеэкрана, и зрители с удовольствием посмотрят прямой репортаж.

Христофор, Наум и Калёб сидели перед колеблющимися. Каждый разговаривал с небольшой группой — уговаривали, объясняли, упрасивали их принять Христа, пока не будет поздно. Наконец, Туню это надоело.

— Хватит! — рявкнул он. — У вас тут нет дела больше! Эти люди все сами давно решили и утром получают свое! Валите отсюда!

Трое не слушали его, но он не отступал:

— Через пять секунд я открою огонь. Мои люди сделают то же самое.

Минь запаниковала. Она не станет стрелять в этих Божьих людей! Может, ей удастся как-то спрятаться, чтобы ее не заметили?

Тунь подождал немного и поднял винтовку. Дуло было в шести футах от головы Христофора, когда эмэсовец снял предохранитель и нажал на спуск, крикнув:

— Миротворцы, огонь!

Минь встала в строй и сделала вид, что нацеливает гранатомет. Конечно, Тунь не думает, что она сейчас выстрелит и уничтожит всех — мусульман, миротворцев — и разнесет все вокруг. Но она быстро осознала, что, кроме нее, никто не сдвинулся с места. Все словно окаменели. У Туни на лице было прямо-таки написано, что он готов снести голову любому.

Минь хотела было остановиться, но вдруг потеряла равновесие, запнулась о ногу соседнего человека, так что ей пришлось схватиться за другого. Она испугалась, что теперь все ее увидят, ведь она одна не попала под влияние святых людей.

Но Христофор обратился прямо к ней:
— Не бойся, дорогая сестра.

Ее выдали! Теперь все узнают, что она не мужчина!

— Господь с тобой, — сказал Христофор. — Никто из них не слышит нас и никто не будет помнить того, что здесь происходило, разве только то, что их нападки на глашатаев Бога оказались пустыми. Мужайся. Держись. Твой Отец небесный смотрит на тебя с удовольствием, и ты не узнаешь смерти до того, как снова вернется Его Сын.

Минь ощутила жар, словно вдруг покраснела с головы до ног. Тепло взбодрило ее, придало ей силы и отваги. Ее охватило любопытство. Если Христофору известны мысли Господа, вдруг он расскажет ей больше? Минь даже рта раскрыть не могла — столько вопросов теснилось у нее в голове.

Христофор ответил даже на незаданные.

— Твоя мать тоже не узнает смерти до Явления во Славе Царя Царей. Но вы скоро расстанетесь. Ты вернешься к своим друзьям, не все из которых останутся на земле до конца.

Минь хотела спросить, кто погибнет, но по-прежнему не могла заставить себя говорить. Ее руки, теплые и гибкие, стали тяжелыми и неподвижными. Она могла только смотреть на Христофора. Ей казалось, что она улыбается — всем своим телом.

Христофор встал, за ним Наум и Кaleb. На ее глазах они словно росли, пока вдруг не стали возвышаться, словно башни, над всем этим

местом. Христофор протянул ей руку, но она не могла пошевелиться, чтобы взять ее, она боялась, что просто утонет в этой ладони.

— А теперь, — сказал он, — пусть Господь мира, который поднял из мертвых Господа нашего Иисуса, великий Пастырь, кровью вечного завета сделает тебя совершенством в очах Своих во всех трудах, которые ты вершишь по Его воле. Эти труды радуют Его через Иисуса Христа, которому будет принадлежать слава на веки вечные.

Эти трое ушли. Вдруг наступило утро. Солнце было ярким и теплым. Тунь и его люди действовали так, словно они знали, что их уже транслируют, к их лицам намертво приклеилась маска серьезности. Они расхаживали среди толпы зевак и мусульман.

Все жертвы рейда стояли в очереди к гильотине, и к изумлению и великой радости Минь, как минимум у двадцати пяти из них была теперь не только печать верных, но и на лицах их светились уверенность и глубокий мир, что говорило о том, что на них снизошла благодать и они готовы принять последствия своего решения.

* * *

Прошло не менее полугода прежде, чем Чань ощутил, что надзор во дворце ослаб — пусть и немного. Он пытался делать каждый день хоть понемножку, подслушивая и запи-

сывая то тут, то там, проверяя накопитель информации, который в недрах системы спрятал Давид Хассид. Там было сохранено все, что происходило во дворце с того момента, как Чаню пришлось затаиться. Он ничего не мог прослушать вживую, но мог узнать, что происходило за закрытыми дверьми в моменты наиболее важных событий.

Его сестра наконец покинула Китай. Их мать настояла, чтобы она вернулась в Северную Америку «вместе с молодым человеком. Со мной здесь будет все в порядке». Минь сказала Чаню, что она не передавала своей матери слов Христофора о том, что никто из них не встретится со смертью до Явления во Славе, но что «мать, похоже, и так была намерена продолжать жить, словно желая дожидаться это событие».

Минь с восторгом рассказывала Чаню, как же здорово будет в конце концов оказаться на одном борту с Ри, лететь целый день, с легкостью проходить через контрольные пункты и оказаться в Сан-Диего. Расстаться, наконец, с формой и маской мужчины-миротворца, отрастить волосы... Снова стать женщиной.

— Ради Ри? — сказал в трубку Чань.

— Для меня самой! — воскликнула она. — Ну, и, может, немножко для него.

— Как дела на этом фронте?

— А это уже не твое дело.

— Как это — не мое?

— Скажем так — в приоритетах друг друга мы стоим на первом месте, — сказала она, —

но ужасно трудно думать только о нем, когда он почти все время в отлучке. Тут меня все дразнят, даже капитан Стил. Но мы с Ри до сих пор еще по-настоящему об этом так и не поговорили.

— Даже не целовались?

— Я этого не говорила.

— Разве это не любовь?

— Мы поцеловались на прощание перед его последним рейсом и еще раз по возвращении. Это было на глазах у всех, так что ничего романтического в этом нет.

Чаню было любопытно, как сейчас дела у Рэйфорда, когда он снова переехал.

— Это было трудно для него, Чань. Он, конечно же, очень хотел вернуться к семье — если бы ты видел, как он весь светится, когда общается по видеосвязи с внуком! Но он по-прежнему чувствует себя одиноким вдалеке от остальных членов отряда Скорби, даже хотя Себастиан и прислал сюда технику, которая дает ему возможность — всем нам — продолжать дела как прежде. Жизнь в буквальном смысле в подполье может начать тяготить. Я понимаю, что он лишен многих преимуществ, которые имел в Петре.

По мнению Чаня, больше всего пребывание в Петре шло на пользу Абдулле Смиуту. Он снова летал, совершал регулярные рейсы, многие вместе со старыми друзьями Маком и Альби. Но он сам выбрал — и все были в этом с ним согласны — Петру в качестве своего постоянного места пребывания. Он стал хорошим специалистом по компьютерам и ча-

сто радовал остальных соратников по отряду рассказами о своих последних выходках, причем многое случалось прямо в Петре. Он только что послал длинное сообщение Рэйфорду и отослал его копии всем остальным.

Чтобы всем было понятно, он писал по-английски и продолжал учиться. Вот что там было:

«Вчера вечером я провел весьма душеполезное время с доктором Бен-Иегудой, который учил меня жить в Боге. То есть в Духе Святом, о Котором я кое-что знал из его предыдущих лекций, но и близко не подошел к пониманию.

Капитан Стил, помните, прямо перед вашим отлетом здесь были кое-какие проблемы. Ничего особенного, но люди начали напрягаться друг на друга и жаловаться старейшинам. Знаете, кто все это уладил и помог людям лучше уживаться друг с другом? Нет, не доктор Бен-Иегуда, а Хаим! Да-да, он стал весьма мудрым лидером, его здесь все любят. Мой спеллчекер отчаянно мигает на этом слове, но клянусь, так оно и есть.

Короче, сегодня доктор Бен-Иегуда говорил о Хаиме, которого многие до сих пор называют Михеем. Он взял в качестве темы Послание к Ефесеянам 5:18—21, где говорится об исполнении Духом, воспевании в сердцах (особенно мне это понравилось), повиновении друг другу в страхе Божиим. Он сказал, что это как раз про Хаима, и, судя по реакции людей, остальные радостно с ним в этом соглашаются.

Он также сослался на Послание к Галатам, 5:22—23, где говорится о девяти плодах Духа. Я знаю, что вы-то об этом знаете, капитан Стил, но поскольку мое послание будет также помещено и в моем личном журнале, то уж позвольте мне их тут перечислить: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. Уж не знаю, как вы, но большая часть перечисленного не входит в мой характер или в мою культуру. Но они стали частью личности Хайма, и потому он сделался здесь большим лидером.

Хорошая была лекция, капитан Стил. Я сделал много заметок. Доктор Бен-Иегуда сказал всем, что, если мы все научимся жить с Духом Святым, нам будет легче пережить оставшиеся два с половиной года. Он сказал, что, если мы, кроме девяти этих характеристик, усвоим еще умение быть радостными, благодарными и уступчивыми сердцем, мы поймем, что Дух Святой с нами, когда обретем способность рассказывать остальным людям о Христе. Он взял это из Деяний 1:8, где Иисус говорит Своим ученикам, что они примут силу, когда снизойдет на них Дух Святой, и что они будут свидетелями Ему до края земли.

Верьте — не верьте, мы должны быть свидетелями прямо здесь. Среди нас еще есть люди, которые до сих пор не приняли Христа. Хуже того, пошли слухи о каких-то чудотворцах в пустыне Негев, неподалеку отсюда. Некоторые говорят, что они слыша-

ли это от своих друзей из внешнего мира. Некоторые даже говорят, что читали о них в «Истине» мистера Уильямса. Ну, я понимаю, что так, наверное, и было, потому что там о них писалось, но ведь там ясно говорилось, что это лжепророки и шарлатаны. Даже если они и могут демонстрировать какие-то магические трюки, они — засланцы Карпати, и верить им нельзя.

Но представляете — тут есть группы людей, которые хотят выйти наружу и послушать этих фокусников! Мне нужен Дух Святой, капитан Стил, поскольку я сам — а вы знаете, какой я робкий, — я свидетельствую против этого, я умоляю этих людей не ходить туда.

Вы слышали, что глава карпатианства, лжепророк, лично вызывает доктора Бен-Иегуду на теледебаты? Не могу поверить в такую дурь! Он что, забыл, что именно телевизионное послание доктора Бен-Иегуды об Иисусе Мессии впервые заставило мир говорить о нем? Иначе с чего у доктора Бен-Иегуды сегодня столько последователей?

Ни один здравомыслящий человек не пустит Леона Фортунато в Петру, и никто не советует доктору Бен-Иегуде отправиться в назначенное Мировым Сообществом место. Но если диспут и состоится, то Цион, видимо, будет вещать отсюда, а вот откуда Леон? Честно говоря, я надеюсь, что у МС хватит дури отслеживать диспут и достанет наглости передавать это в прямом эфире, без цензуры.

Я по-прежнему жажду послужить Господу под Его защитой. И хотя это случается поч-

ти каждый раз во время моего полета, меня продолжает забавлять тот факт, что эмэсовцы постоянно угрожают, предупреждают, пытаются сбить меня почти в упор — и каждый раз все пули и снаряды проходят мимо! Мне кажется, что многие из них изменили бы свое мнение насчет Николае Карпати, если бы только не было уже слишком поздно».

* * *

Рэйфорду всегда нравилось получать новости от Смитти. В нем была молодость и невинность, совершенно не свойственная его возрасту. Ему было тридцать с небольшим лет, но Рэйфорд любил его как сына.

Он уже выходил из Сети, когда в дверь постучала Хлоя. Она была одна.

— У тебя найдется для меня минутка? — спросила она.

— Для тебя? Шутишь, что ли? А где твой муж?

— Занимается их любимым с Кенни делом.

— Значит, возятся на полу, — сказал Рэйфорд.

— Точно. Знаешь, папа, незадолго до его дня рождения мы оба осознали, что такое кризис двухлетнего возраста.

— Не все так страшно, верно? Конечно, он будет немного буянить, особенно когда ему придется постоянно сидеть дома.

— Ничего, переживем. Возня с папочкой немного выпускает пар. Он мальчишка в полном смысле слова, вот что я тебе скажу. Но я к тебе по делу пришла.

— Правда?

— Мне нужна одна услуга. Ты мне ведь кое в чем подотчетен?

— Сделаем вид, что я тебе по всем пунктам подотчетен. Ты хочешь дать мне поручение. В смысле, в рамках системы взаимопомощи.

— О да. Одна из самых больших перевозок за последние три месяца. Но ее нужно сделать по воздуху, и потому команда должна быть больше обычной. Мак намерен отправиться с востока.

— Такая большая? Слушаю внимательно.

— Я столько с этим билась, пыталась перебросить так и сяк частями, но все равно в обеих партиях слишком много груза. Им не нужно то, что они имеют, но они готовы обмениваться друг с другом. Знаешь, что в последнее время вода подорожала, как пшеница?

— Да уж.

— Наши друзья из Аргентины готовы подтвердить это. Там есть группа под руководством Луиса Артуро, в Гобернадор-Грегорес на реке Чико. Они собрали тысячи бушелей зерна. Естественно, они волнуются, что из-за масштаба операции им придется затратить время сверх ожидаемого. И еще вода. Чико становится все более загрязненной, и они подозревают, что эмэсовцы делают это намеренно.

— У них есть зерно, им нужна вода. Откуда она будет поставлена?

— Из самого неожиданного места. Ну, конечно, не из пустыни, но ты никогда бы не подумал, что здесь вообще могут пользоваться бутилированной водой. Это, возможно, самая большая подпольная церковь за пределами Америки. Группа Бихари у плотины на реке Риханд.

— Ты же не хочешь сказать...

— Хочу.

— Индия?

— Да. У них воды примерно столько же, сколько зерна у аргентинцев, и они готовы к немедленному обмену.

— Малышка, тут нужен более чем просто большой экипаж.

— Будто я не знаю. Нам нужны большие самолеты. У Альби, на минуточку, есть один на примете в Турции, старая модель, переоборудованная под перевозку воды.

— Как бы то ни было, он подойдет и под перевозку зерна.

— Дело в том, пап, что мы не можем ждать. Мы должны сделать это практически одновременно. Зерно должно быть на пути в Индию в то же самое время, как вода полетит в Аргентину. Альби и Мак намерены забрать Абдуллу и привезти с собой Бихари. Я бы хотела, чтобы ты нашел в Штатах еще троих ребят...

— Ну, Бизон и Джордж...

— На сей раз без Бизона, если ты не против. Не смотри на меня так. У меня предчувствие.

— Что эта миссия обречена? Спасибо, дорогая, что посылаешь меня.

— Да нет же! Просто именно сейчас он нужен Кенни! Честно говоря — считай меня эгоисткой, предвзятой, какой хочешь, мне кажется, что не время сейчас отрывать его от «Истины».

Рэйфорд откинулся в кресле и уставился в потолок.

— Тогда Джордж и Ри, если ты можешь их отпустить.

— Мы наверняка сумеем выкроить время из их графика.

— И такой большой самолет я бы искал у Уолума. Если у него такой есть, мы должны пригнать его сюда, чтобы подобрать нас и чтобы мы могли пользоваться им и в дальнейшем.

— Я за, — сказала Хлоя. — Так я отделаюсь от Лии.

— Она по-прежнему хочет в Петру?

— Да. И это вовсе не плохо, беда только в том, что мы еще не успели это обговорить, и мне кажется, что она примет это слишком близко к сердцу.

— Надо же, какое потрясение.

— Ну, мы обе знаем, в чем дело, и я очень хотела бы получить согласие Циона прежде, чем отсылать ее туда охотиться — нет, это уж я палку перегнула, — ходить за ним по пятам.

Когда настала пора осуществлять это проект, Лайонел Уолум отправился в Сан-Диего, но без Лии, которая была не слишком этому рада.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Если твои колдуны способны на такие штучки, Леон, то почему бы им не превратить кровавые моря снова в соленую воду?

Чань сидел в наушниках и слушал.

— Ваше святейшество, это слишком много. Вы должны признать, что они и так творят чудеса во благо Мирового Сообщества.

— Они не делают столько во благо, сколько иегудаиты — во зло, и это единственный счет, который имеет вес!

— Ваша божественность, я не смею спорить, но вы сами знаете, что последователи карпатианства воскрешают мертвых по всему миру!

— Леон, я сам себя воскресил из мертвых. Эти все мелкие фокусы — велик подвиг поднять из могилы вонючий труп на потеху толпе и на страх родственникам! Это все несравнимо с тем, что творят иегудаиты!

— Превращать палки в змей? Очень впечатляет. Превращать воду в кровь и обратно, а воду в вино? Мне казалось, этот вариант вам особенно нравится.

— Мне нужны обратившиеся! Переубежденные! Когда назначены твои теледебаты с Бен-Иегудой?

— На той неделе.

— Ты готов?

— Никогда не был настолько в форме, высочайший.

— Этот человек умен, Леон.

— Умнее вас, о воскресший?

— Да нет, конечно. Но удар принимать тебе. Ты должен выиграть! И в течение ваших дебатов сообщи этим трусливым баранам из Петры, что днем, прямо у них под носом, произойдет чудо.

— Сэр, я думал, что сначала мы попробуем этот район на прочность...

— На прочность? Этот район?

— Простите, о высочайший, но когда вы отправили меня проинструктировать ваших последователей для постановки шоу, это оказалось так близко к тому месту, где мы потеряли пехоту и оружие, где мы безуспешно пытаемся воздействовать на их полеты, не говоря уже о том, о божественный, что мы сбросили две бомбы и...

— Ладно, я знаю, что там произошло, Леон! Кто не знает? Если тебе надо — попробуй, но я хочу, чтобы это место подошло для наших людей. Я хочу, чтобы они вышли из этого самого Аль-Сика и собрались, ради

разнообразия, на *наше* шоу. И когда они увидят, что могут мои твари, мы станем свидетелями массового перехода из одного лагеря в другой. Ты понял, кого я хочу для этого представления?

— Лучших из ваших? В смысле, одного из ваших...

— Именно. Наша цель — сделать Петру городом-призраком!

— О, сэр, я...

— С каких это пор ты сделался таким пессимистом, Леон? Мы зовем тебя наипочтаемым отцом карпатианства, я сам предложил себя в качестве бога живого, восставшего из мертвых, обладающего высшими силами. Твое дело — просто сбывать товар, Леон. Напомни, что предлагает людям их потентат, и пусть выстраиваются в очередь. Ты же сам знаешь, что у нас есть специальное предложение.

— Специальное предложение, сэр?

— Да! Только эту неделю любому, покинувшему Петру, будет дозволено получить клеймо верности, и им не будет наказания за пропуск окончательной даты. Подумай, какое влияние это окажет на других подобных им.

— Фактор страха и так хорошо действует, потентат.

— Ну, следует признаться, что это кампания вроде «больше спуску никому не будет». Хватит уже беспокоиться по поводу моего имиджа. Если люди до сих пор не поняли, кто я и на что способен, то для них уже слиш-

ком поздно. Но удар по врагу, хоть какая-то победа над этим проклятием кровавых морей, всегда на пользу. И я хочу, чтобы ты со славой выступил против Бен-Иегуды, Леон. Ты обучен, ты предан мне, ты проповедуешь поклонение живому, дышащему богу, который находится рядом с вами и отзывается на ваши просьбы. Не нужно особых духовных усилий, чтобы поверить в божественность человека, которого ты каждый день видишь по телевизору. Выбор в мою пользу — легкий, удобный, логичный, так и должно быть!

— Конечно, господин, и я именно таким вас и изображу.

* * *

Лайонел Уолум оказался плотного телосложения чернокожим, едва ли не шести футов ростом и весом примерно под две сотни фунтов. Он носил очки, имел волосы с сильной проседью и считался опытным пилотом, умевшим водить почти любого размера самолеты. Он привел огромную машину на тайную взлетно-посадочную полосу в Сан-Диего, и не прошло и часа, как он уже был в воздухе вместе с Джорджем и Ри на задних сиденьях, а Рэйфордом в кресле второго пилота.

— Хлоя столько мне о вас рассказывала, — говорил Рэйфорд, — но все как-то в связи с делом. Я вроде знаю вашу предысторию, но все же — как вы пришли к вере?

— Мне нравится, когда мне задают вопросы, — ответил Уолум. — Основная причина, почему я остался здесь после Вознесений, — мой образ жизни. Я понимал, что нет ничего плохого в том, чтобы быть успешным и делать деньги, но в моем случае это сделало меня в какой-то мере слепым и глухим. У меня был узкий кругозор. Я не делал ничего дурного. Я был хорошим парнем. Моя жена была славной леди, она и сейчас такая. Мы бегали по кругу, у нас были хорошие вещи, хороший дом. Жизнь была прекрасна.

Мы даже были воцерковлены. Я, пока рос, ходил в церковь, но меня она как-то раздражала, честно говоря. Мне казалось, что моя мамочка и тетюшки были уж чересчур эмоциональны напоказ. К тому времени, когда я должен был бы понимать, к чему все эти церковные дела, я был уже достаточно взрослым, чтобы не хотеть, чтобы другие даже подозревали, что я туда хожу. Когда мы с Фелисией поженились, мы перестали регулярно ходить в церковь. А если и ходили, то уж не во всякий храм, если вы понимаете, о чем я. В достойный, скромный, не демонстративный. Если бы кто из моих посетил эту церковь, они сказали бы — она мертва, Иисус никогда не зашел бы в эту церковь. Но я бы сказал, что она высокоумная и правильная.

Такую общину мы с Фелисией нашли и в пригороде. Она полностью соответствовала нашему образу жизни. Мы могли одеваться так, как для работы или выхода в общество. Мы встречались с людьми, которые были

нам небезразличны. И уж нас точно никогда не оговаривали и не оскорбляли с кафедры. Никто не называл нас грешниками и не намекал, что нам нужны другие правила в жизни.

С другой стороны, наши дети — две девочки и средний, мальчик, — пошли в другом направлении. Они отправились в колледж и все трое, все до единого, стали членами церкви вроде той, в которой я вырос. Они писали нам. Молились вместе с нами о спасении. Спрашивали, почему мы не водили их в церковь, когда они были детьми. Честно говоря, это меня изумило.

Но как думаете, это меня впечатлило? Я стал по-другому думать? Да сейчас! Но потом один из наших соседей пригласил нас на изучение Библии. Если бы приглашавший человек мне не нравился, я бы в жизни туда не пошел. Но он был славным парнем. Он организовал это, и масштабно, в разных частных домах. Это все выглядело солидно и непринужденно, как игра в гольф. Никакого давления. Никакой назойливости. Они просто читали Библию и говорили о ней, а встречи происходили в шести различных домах. Мы сказали — конечно, впиши и наш дом, и не пожалели.

Я был немного ошеломлен всем этим. Через некоторое время они начали еще и молиться после занятий. Никого не требовали это делать, никто не был обязан молиться, так что мы с Фелисией и не молились. Но люди стали просить помолиться о чем-то опреде-

ленном — за семьи или за себя, за пищу и даже за бизнес. Я тоже пару раз просил о молитве, но сам не молился ни разу.

Как-то раз тот парень, который и пригласил нас в первый раз, спросил, нельзя ли ему после собрания поговорить с нами. Когда мы остались вчетвером — его жена ничего не говорила, — он начал вроде как давить на нас. Хотел знать, что у нас в душе творится. Я думал, он хочет узнать, в какую церковь мы ходим. Ну, я ему и рассказал. Он ответил, что он не об этом хотел узнать. Он рассказал нам, как снова возродиться как христианин. Я это слышал. Я знал. Просто для меня это было несколько напряжно, вот и все. Я сказал, что ценю его заботу и попросил помолиться за нас. Вообще, как я знал, они всегда понимали меня. Но он подумал, что я прошу помолиться прямо сейчас. Так он и сделал.

Он не давил. Просто был немного докучлив. Я простил его. Вот так примерно это воспринималось. Я считал, что хорошо что-нибудь принимать так близко к сердцу, что тебя тянет рассказать об этом соседям и друзьям. Для меня на этом все и кончилось. Так, мелочь.

Через два дня во всем мире исчезло два миллиона человек. И среди них — готов? — все до единого человека из нашего кружка изучающих Библию. И трое наших детишек.

Спасены? Да десяти минут не прошло, как мы были спасены.

* * *

Абдулла был настолько воодушевлен операцией, в которой ему предстояло участвовать вместе со старыми друзьями, что он собрался и был готов уже за несколько дней. Ему даже было все равно, долго ли ему придется сидеть за штурвалом. Хватит и того, что он будет вместе с Маком и Альби. Для него одна мысль о том, что международная взаимопомощь способна осуществить такой большой бартер, да еще в условиях усилившегося преследования верных по всему миру, была сама по себе доказательством всемогущества Господня.

Когда он узнал, что Рэйфорд и еще трое из Сан-Диего уже в воздухе, он едва мог держать себя в руках. Они отправятся прямо в Аргентину, возьмут на борт зерно, что означало, что Мак и Альби вскоре заберут Абдуллу. За ними часто следили и висели на хвосте, так что они планировали доставить кое-какие припасы в Петру и остаться там на ночь, чтобы отправиться в Индию уже утром. Если все будет идти по плану, то они втроем плюс их четвертый пилот из Индии, Бихари, будут лететь в Аргентину в то же самое время, когда американцы будут идти курсом из Аргентины на Индию.

Абдулла чуть ли не вприпрыжку бежал по Петре, вместе с прихожанами пел во весь голос, пытаясь внимательно слушать то, что Цион и Хаим рассказывали о Писаниях. Это

был тот самый день, когда компьютерно-телевизионный технический центр Петры должен был начать передавать сигнал от Циона в штаб-квартиру Мирового Сообщества в Новом Вавилоне, а огромный монитор Петры — принимать передачу Мирового Сообщества от Леона Фортунато. Абдулла был уверен, что Леон понятия не имеет, против какого противника он собирается выступать. Он не был Циону ровней не только в отношении учености — Цион был к тому же человеком чести и правды.

Поздним утром Абдулла залез на скалы и посмотрел сверху на взлетно-посадочную полосу, которая была построена специально для воздушного сообщения с Петрой. Когда Мак и Альби прилетят, Абдулла приведет на полосу вертолет и отвезет их в город.

Спускаясь вниз и подумывая, чем бы заняться до того, как начнется великий диспут, он с удивлением увидел тысячную толпу, которую пытались утихомирить Хаим и Цион. Не рановато ли для передачи, или он что-то упустил? Подойдя поближе, он увидел, что несколько сотен из них не имеют на лбу печати верных. Они толкались, занимая передние места, поскольку, как выкрикнул один из них, после окончания дебатов они выйдут из Петры на несколько часов, чтобы послушать другого человека.

— Он будет рядом, и многие из нас уверены, что это Христос! Иисус вернулся на Землю, чтобы творить чудеса и рассказывать о будущем!

— Прошу вас! — взывал Хаим. — Не делайте этого! Вы что, не понимаете, что вас обманывают? Вы ведь знаете об этом лишь по словам злобного князя мира сего и его лжепророка. Оставайтесь здесь, в безопасности. Положитесь на Господа!

— А ты-то сам кто? — выкрикнул кто-то. — Ты тут только второй! Если сам вождь не просит нас оставаться, то чего ж нам оставаться?

— Я прошу вас... — начал было Цион, но Хаим перебил его:

— Почему вы беспокоите разум этого человека Божьего в тот самый день, когда он помазан на противостояние с лжепророком? Враг использует вас, чтобы устроить хаос в лагере!

К ужасу Абдуллы, он увидел, что некоторые из этих смутьянов набросились на Циона и Хаима.

— Слишком много вы на себя берете. Почему вы ставите себя выше общины?

Цион медленно закрыл лицо руками, упал на колени и пал лицом во прах. Затем он поднял голову и сказал:

— Господь знает, кто от Него и кто свят. Затем вы и все остальные, собравшиеся здесь, говорите против Господа? И почему вы перешептываетесь за спиной Хаима? — Цион позвал к себе двоих из толпы и сказал: — Прошу вас, придите в себя и выступите вместе со мной против этого недомыслия!

Но те ответили ему:

— Мы не встанем вместе с тобой. Мало того что ты оторвал нас от родины, от домов

наших, где у нас всего хватало, и завел нас в эти скалистые края, где мы питаемся только водой и хлебом, да еще и возвысился среди нас, словно князь?

Абдулла никогда не видел Циона в таком отчаянии. Цион воззвал к Господу:

— Боже, прости им, ибо не ведают, что творят. Я никогда не ставил себя над ними и не просил у них ничего, кроме почтения к Тебе!

Цион продолжал:

— Господь велит Мне и Хаиму отдалиться от вас, чтобы спастись от Его гнева.

Многие пали ниц и вскричали:

— Господи, Бог всей плоти на Земле, неужто мы должны погибнуть из-за греха немногих? Неужели Ты возложишь его на нас всех?

Цион заговорил, обращаясь к собравшимся:

— Если вы не согласны с ними, то держитесь подальше от этих нечестивцев, дабы их грехи не перешли на вас. Да будет вам ведомо, что Господь послал меня свершать эти труды, я не ради себя стараюсь. Если эти люди делают то, что лежит у них на сердце, и Господь покарает их язвой смерти, то все должны будут понять, что эти люди искушали Господа.

Как только он закончил речь, земля под ногами смутьянов вдруг разверзлась и поглотила их. Они полетели в бездну, вопя и воя, и земля сомкнулась над ними, и больше среди общины их не было.

Тысячи разбежались в стороны, услышав жалобные крики из-под земли.

— Бегите! — кричали они. — Бегите, или земля проглотит нас тоже!

Но Абдулла слышал и глухое ворчание:

— Этих людей убили Цион и Михей. Мы все равно покинем это место и послушаем того, кто наверняка является Христом.

Абдулла подошел было, чтобы утешить Циона и Хаима, но, подойдя поближе, услышал их разговор.

— Господи, — говорил Цион, — мы просим об искуплении грехов тех, кто остался. Избавь их от Твоего гнева, чтобы мы могли достучаться до них и открыть им Твою правду.

* * *

Чань обнаглел. Он не только вошел в систему Си-эн-эн МС для отслеживания дебатов между Ционом и Леоном, но также был готов перехватить контроль у Нового Вавилона. Он так устал слушать рекламу специальных пропагандистов Лео на насчет их «Ярмарки чудес», что, когда незадолго до начала дебатов увидел, что Цион разговаривает с собранием, он подключил его и заранее выдал в эфир.

Цион обращался к нескольким сотням людей, уговаривая их не покидать Петру и не отправляться в пустыню слушать шарлатана, выдающего себя за Христа. Как только Чань пустил в эфир Циона, он сразу же

переключился на офис Карпати, чтобы стать свидетелем вполне ожидаемой вспышки бешенства.

Цион говорил:

— Я прошу всех молиться во время передачи, чтобы Господь дал мне мудрости и вложил слова в уста мои. Что же до вас, все еще жаждущих уйти отсюда, я еще раз молю вас не делать этого, не подставлять себя под удар зла. Пусть Мировое Сообщество, его Антихрист и лжепророк разглагольствуют о своих шарлатанах-чудодеях. Не попадитесь в их ловушку!

Карпати взвизгнул:

— Это что такое? Мы хотим, чтобы эти люди вышли, слушали и переубеждались! Уберите его из эфира!

Цион продолжал:

— Сам Мессия предупреждал своих последователей именно об этом. Он говорил им: «И тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и по причине умножения беззакония во многих охладее любовь; претерпевший же до конца спасется. И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец.

Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте.

Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

Вот, Я наперед сказал вам.

Итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне, — не выходите; вот, Он в потаенных комнатах», — не верьте¹.

* * *

Абдулла стоял посреди миллионного собрания в Петре, с изумлением видя, что Цион уже в эфире и что он выступает против тысяч лжехристов, появляющихся то здесь, то там. Они заявляли, что сила их идет от самого Карпати и главы карпатианства, достопочтенного Фортунато. Они проповедовали ересь, и все же многие люди шли за ними.

Из центра управления Си-эн-эн Мирового Сообщества из Нового Вавилона послышался женский голос:

— Доктор Бен-Иегуда, пожалуйста, подождите, мы подключаемся к нашей студии, где достопочтеннейший отец Фортунато ждет вас, чтобы начать с вами вежливые дебаты.

— Благодарю, мэм, — сказал Цион, — но пока вы будете переключаться и делать то, что надо для вашей работы, позвольте мне начать с того, что я не признаю мистера Фортунато величайшим в чем бы там ни было и уж тем более — достопочтеннейшим отцом.

На комбинированном экране появился Фортунато в одном из своих наиболее изы-

¹ Евангелие от Матфея.

сканных одеяний, с покрытой головой, весь в бархате и кантах. Он находился за резной кафедрой, хотя было понятно, что он сидит. На лице его светилась искреннейшая улыбка.

— Приветствую вас, доктор Бен-Иегуда, мой высокочтимый оппонент. Я слышал кое-что из вами сказанного, и позвольте мне выразить сожаление о том, что вы, по своему обыкновению, начинаете то, что предполагалось как дружеские дебаты, со злобного перехода на личности. Я не желаю унижаться до такого, так что хочу передать вам мой привет и наилучшие пожелания.

Он сделал паузу, Цион не ответил. После нескольких секунд молчания, Цион сказал:

— Значит, сейчас моя очередь говорить? Мне начать со свидетельства о том, что Иисус Христос есть Мессия, сын Бога живого...

— Нет! — Это была модератор, женщина из центра. — Это было просто приветствие, и если вы не желаете на него отвечать, то мы продолжим.

— Тогда я хочу задать вопрос, — сказал Цион, — если мы уж решили соблюдать все формальности. Является ли одним из основополагающих правил тенденциозная трактовка модератором моих выступлений? Например, имеет ли он право делать выводы о том, что мое нежелание слушать приветствие врага является грубостью?

— Мы можем начать, сэр? — сказала она. — Дistinguished Фортунато, ваше слово.

— Мое утверждение просто, — начал Леон, глядя прямо в камеру.

Абдуллу затрясло. Он всегда считал Фортунато чем-то вроде клоуна. Но человек на экране, хотя Абдулла и знал его как облупленного, был настолько добр, мягок и добросердечен, что не знающий его сразу бы поверил ему.

— Я утверждаю, что Николае Карпати, восставший из мертвых, есть единственный истинный бог, достойный поклонения, и спаситель человечества. Он — тот, кто явился в дни величайшего хаоса в мировой истории и сумел собрать воедино мировое сообщество, дать всем мир, гармонию и любовь. Вы заявляете, что Иисус из Назарета есть и Сын Божий, и Сам Бог одновременно, что совершенно бессмысленно и не может быть доказано. Это означает, что и вы, и ваши последователи поклоняются человеку, который, вне сомнения, был духовным учителем, очень мудрым, возможно, просвещенным, но теперь он мертв. Если бы он был жив и настолько всемогущ, как вы говорите, то я вызываю его, чтобы он поразил меня смертью на месте.

— Сделай это, Господи, — взмолился Абдулла. — О, Боже, ну покажи же Себя прямо сейчас!

— Слався, Карпати! — воскликнул Леон, продолжая улыбаться. — Наш владыка и восставший из мертвых царь!

Леон готов был продолжать, но Цион опередил его:

— Надеюсь, вы избавите нас от продолжения восхвалений, написанных самому себе эго-маньяком, который убивает тех,

кто с ним не согласен. Я славлю Иисуса Христа, Мессию, одновременно Бога и человека, рожденного девственницей, Агнца, принесенного в жертву во искупление грехов всего мира. Если он всего лишь человек, то его жертвенная смерть всего лишь человеческая, и мы, верующие в Него, погибнем. Но Писание свидетельствует — Он именно Тот, Кем Себя называл. Его рождение было предсказано за сотни, тысячи лет до того, как свершилось во всех подробностях. Он Сам выполнил как минимум сто девять отдельных и четких пророчеств, доказывающих, что Он — Мессия.

Уникальность и истинность христианства именно в том, то непорочное зачатие было допущено лишь для единородного Сына Божьего, дабы Он стал человеком, не теряя при этом своей божественной, священной природы. Только так Он мог умереть за грехи всего мира. Его Отец воскресил Его из мертвых спустя три дня, тем подтвердив то, что Бог удовлетворен Его жертвой за наши грехи.

Более того, я обнаружил во время своих упорных исследований Писаний, что только в четырех Евангелиях содержится более ста семидесяти пророчеств Самого Иисуса. Многие уже буквально исполнились, и это гарантирует, что еще не исполнившиеся будут исполнены в точности. Только Сам Господь способен заранее предначертать историю, и это само по себе есть невероятное доказательство божественности Иисуса Христа и сверхъестественной природы Господа.

Фортунаато возразил:

— Но мы знаем, что наш владыка и потентат восстал из мертвых, потому что увидели это собственными глазами. Если на Земле есть сейчас хоть один человек, который видел воскресшего Иисуса, пусть скажет сейчас — или впредь молчит. Где он? Где этот Сын Божий, этот чудотворец, этот царь, этот Спаситель человечества? Если ваш Иисус таков, как вы говорите, почему вы прячете Его в пустыне и держите на хлебе и воде? А бог мира сего живет во дворце и оделяет дарами всех, кто поклоняется ему.

Цион призвал Леона признать, что огромное количество народу погибло на гильотине, что пехотные части и боевое оружие было поглощены землей вблизи Петры, что две зажигательных бомбы и смертоносная ракета поразили Петру, но ни один человек не погиб и ни одно сооружение не было повреждено.

— Разве вы не признаетесь в том, что митротворческие силы департамента разведки и безопасности Мирового Сообщества потратили миллионы ников на то, чтобы нарушить наше сообщение с внешним миром, но ни один самолет, ни один доброволец не получили даже царапины?

Леон превозносил Карпати за восстановительные работы по всему миру, затем добавил:

— Те, кто погибает на гильотине, следуют своему выбору. Николае не желает, чтобы хоть кто-то пострадал, но все должны быть верны и преданы ему.

— Ну, сударь мой, население уменьшилось вдвое, моря мертвы из-за предсказанного в Библии проклятия Божьего. Однако те, кто уверовал в Него, — Его дети, по крайней мере, те, кто уцелел после кровавых преследований того, кого вы называете богом, имеют и воду, и пищу с небес, и не только здесь, но и во многих местах мира.

Леон оставался спокойным и убедительным, продолжал прославлять Николае. В какой-то момент он с презрением сказал «неверные евреи, среди которых и вы, доктор Бен-Иегуда».

— Вы говорите об этом уничижительно, мистер Фортунато, и все же я ношу имя своей нации с гордостью. Я лишь один из самых малых среди избранного Богом народа. Да, вся Библия есть свидетельство того, что Он многие века выполнял Свой план относительно нас, и весь мир свидетель этого прямо сейчас, когда мы говорим.

— Но разве не вы убили Иисуса? — сказал Фортунато, ухмыляясь так, словно отразил смертельный удар шпаги.

— Напротив, — сказал Цион. — Иисус сам был евреем, насколько вы знаете. И настоящими убийцами Иисуса были идолопоклонники. Он стоял перед судом язычников, и языческие солдаты подняли его на крест.

Да, Израиль отчасти виновен пред Ним, и эту вину этот народ с себя не снимает. В Ветхом Завете, в книги Захарии, в главе 12 стихе 10, предрекается, что «на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати

и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце».

Израиль должен покаяться в особом грехе всей нации перед Мессией прежде, чем этот народ будет благословлен. В книге Осии 5:15 Господь говорит: «Пойду, возвращусь в Мое место, доколе они не признают себя виновными и не взыщут лица Моего».

В чем же эта вина? В отрицании мессианства Иисуса. Мы раскаиваемся в этом, моля о Его возвращении. И Он еще вернется и установит царствие Свое на земле, и не только я, но и Мир Божий сам предвещает кару царю мира сего, когда это Царствие будет установлено.

— Что же, — сказал Леон, — большое вам спасибо за экскурс в священную историю. Но я радуюсь тому, что мой господин и государь жив и здоров и я вижу его каждый день и говорю с ним. Благодарю вас за то, что так охотно вызвались быть моим оппонентом. Вы были достойным собеседником.

— Вы называете меня оппонентом, но так и не ответили на те вопросы и обвинения, которые выдвинул я, — сказал Цион.

— И, — продолжил Леон, — я рад сообщить гражданам Мирового Сообщества, которые временно находятся у вас, что им предоставляются привилегии и блага внешнего мира. Я уверен, что многие присоединятся к одному из наших пророков, учителей и чу-

дотворцев, который будет проводить службу в ваших местах менее чем через час. Он...

— Писание говорит нам, что множество обманщиков вступили в мир, — перебил его Цион. — И эти обманщики не признают, что Иисус Христос придет в наш мир во плоти. такие есть не кто иные, как обманщики и антихристы.

— Если вы позволите мне закончить, сэр...

— Тот, кто не следует заветам Христа, не имеет Бога. Тот же, кто следует Христу, тот и с Отцом, и с Сыном. Если к вам придет некто и не будет следовать заветам этим, не принимайте его в своем доме, не желайте ему удачи, ибо тот, кто желает такому удачи, соучаствует ему в злодействах.

— Ладно, вы хорошо заучили все эти нудные библейские стихи. Я удовлетворюсь тем, что просто поблагодарю вас...

— Пока я нахожусь на ваших телеэкранах, мистер Фортунато, я чувствую обязанность нести весть Христову и говорить словами Писания. Библия говорит, что Слово останется без ответа, и потому я хотел бы процитировать...

Но тут эфир был прерван, и толпа в Петре разразилась кликами и рукоплесканиями в честь Циона. Однако уцелевшие еще упрямцы даже после того, что сказал доктор Бен-Иегуда, начали уходить.

— Мы вернемся, — кричали многие, когда их пытались остановить, умоляли остаться, уговаривали.

— «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить»¹.

— Всем нам дают амнистию! — крикнул один. — Никого не накажут за то, что мы пропустили крайний срок для получения клейма верности!

Абдулла не мог понять это. Наверняка эти люди были среди тех, кто слишком долго тянул с решением обратиться ко Христу. Их сердца загрубели, поскольку логики в их поведении просто не было.

Он поспешил домой за биноклем, полученным с последней поставкой по каналам взаимопомощи. Он взобрался на скалу, чтобы наблюдать за их выходом из Аль-Сики и их двухмильным путем к тому месту, где эмэсовцы уже возвели помост.

¹ Первое послание Петра, 5:8.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Мак привык пропускать мимо ушей предупреждения МС, входя в запрещенное воздушное пространство над пустыней Негев. Им пытались приказывать по радио, к ним посылали самолеты-разведчики, даже пытались посадить принудительно. Часто эмэсовские самолеты подходили достаточно близко, так что можно было даже рассмотреть лица пилотов. Поначалу, как вспоминал Мак, на них читалась решительность. Потом, когда их пулеметы необъяснимым образом начинали мазать мимо цели, на их физиономиях появлялся испуг. А когда их ракеты с тепловым наведением находили цель, но проходили мимо, эмэсовцы быстро уносили ноги, чтобы самим не стать мишенью.

Сегодня были те же самые типичные трюки — предупреждение по радио, параллельный полет, выстрелы, ракеты. Когда Мак

увидел лица пилотов, вид у них был усталый или в лучшем случае безропотный. Казалось, они, как и пилоты взаимопомощи, не понимают, зачем тратить дорогостоящее оборудование, снаряжение и боеголовки.

Мак посмотрел на Альби, и оба покачали головами.

— Еще один день, еще одна поставка, — произнес Альби.

— Я никогда не смогу считать себя достойным такой благодати, — сказал Мак. — Хорошо еще, что для этого не требуется целомудрия.

— Но ты же вполне целомудренно живешь, — ответил Альби.

— Увы, не благодаря своим достоинствам, дружище.

С воем заходя над пустыней на взлетно-посадочную полосу Петры, Мак поискал взглядом огромный самолет, который Чань позаимствовал из Нового Вавилона. Он стоял в конце полосы.

— И что ты скажешь? — указал Мак. — Наверное, Господь лишил этих парней зрения. Его же за милю видно, а то и дальше.

— Ты вот туда посмотри, — сказал Альби.

Прочти прямо под ними змеей тянулась очередь из нескольких сотен людей, выходящих через Аль-Сик из Петры. Они направлялись к какому-то вроде бы бетонному сооружению посреди пустыни. Сосредоточившись на взлетно-посадочной полосе и начав спуск, Мак увидел, как из Петры к концы

полосы подлетел вертолет. Отсюда Абдулла их заберет.

— Думаешь, Смитти захочет поближе взглянуть на свой идеал?

— А что? А ты не хотел бы?

— Да уж конечно!

— Шучу. Мы пока еще под защитой?

— В воздухе — да. А вот пешком придется полагаться на удачу.

— Давай-ка в вертолет.

* * *

— Это ответ на молитву, — сказал несколькими минутами позже Абдулла. — Я так хочу посмотреть, что там творится.

— Это рискованно Смитти, — ответил Мак. — У тебя отличное прикрытие — ты можешь прикинуться, что ушел вместе с остальными отсюда. А вот у нас с Альби прикрытие давно полетело — ни документов, ни псевдонимов, ни поддельного клейма — ничегошеньки. Ты уж сам решай, хорошо ли будет, если нас увидят вместе.

Абдулла не смог скрыть усмешки.

— Ах ты, зараза! — ухмыльнулся Мак. — Ты же перехватил у меня инициативу!

— Да что ты, Мак, ничего я у тебя не брал!

— Формально.

— Я думаю, лучше, чтобы вас не видели вместе со мной, когда мы вернемся в Петру.

— Умно. Но если серьезно...

— Я верю, что Бог нас защитит. Мы должны держаться вместе, выглядеть официально, но откровенно показывать, что клейма на нас нет.

— У тебя — тюрбан. У нас кепи. Думаешь, этого достаточно? Оружие возьмем?

— Я понятия не имею, сколько там будет эмэсовцев, — сказал Альби, — но, как я понимаю, там мы сразу окажемся беззащитны. То есть я хочу сказать — оружие нам не поможет.

Абдулла потер лоб.

— Надо будет оставаться в вертолете. Если сможем видеть и слышать оттуда.

— А если к нам подойдут?

— Заговоришь с ними по-техасски, они обалдеют на пару секунд, а я успею взлететь.

— Ты сегодня на взводе, Смитти.

— Да кто захочет подходить близко к вертолету, если лопасти будут вращаться?

Абдулла окинул своих друзей внимательным взглядом. Было понятно, что им любопытно так же, как и ему.

— А не связаться ли нам с кем-нибудь, сообщить там? — предложил Мак.

— С кем? — спросил Абдулла. — С мамочкой твоей?

Мак кивнул, допуская наличие у Абдуллы зачатка чувства юмора, но не более того.

— Рэйфорд где-то в воздухе. Так что дело за нами. Итак, что делать будем?

— Я — в вертолет, — сказал Альби.

Абдулла кивнул.

Мак забрался в хвост вертолета. Абдулла сел перед панелью управления. Альби — рядом с ним.

Когда они поднялись в воздух, Абдулла крикнул, перекрывая гул:

— Можем сообщить Чаню. Пусть введет что-нибудь в компьютер.

Никто не ответил, так что Абдулла оставил эту идею. Не совершают ли они глупость? В глубине души он понимал, что это именно так, но ничего с собой поделать не мог.

* * *

Мак прекрасно понимал, что все шоу было затеяно исключительно для недовольных из Петры. Он пытался вытянуть из Абдуллы, почему кому-то вообще вступило в голову покинуть этот безопасный город, но это был риторический вопрос, и ответа на него не имелось.

Абдулла не тратил времени впустую, его вертолет очень скоро опередил пешеходов и сел в сотне футов от помоста, подняв облако пыли, которое легкий ветерок сразу же понес в направлении находившихся на помосте людей. Они уставились на вертолет.

Мак увидел нескольких вооруженных эмэсовцев, которые о чем-то разговаривали друг с другом. Один из них подошел к ним. Это был широкоплечий молодой человек,

который казался бы «шкафом» и без бронежилета, — по мере его приближения к вертолету стало видно, что он в «защите».

— Просто сиди и смотри на него, — приказал Мак. — Пусть заговорит первым.

«Бронежилет» стоял совершенно расслабленно, автомат болтался у него на груди. Но смотрел он на Альби, явно чего-то ожидая.

— Вы дверь не откроете? — сказал он, наконец.

— Без необходимости — нет, — ответил Альби. — Машина еще не остыла.

— Вы обязаны открыть, — сказал миротворец.

Альби обернулся к Маку. Тот кивнул. Альби открыл дверь.

Мак подался вперед и грубо прорычал.

— Отойди подальше, сынок. Мотор еще горячий, он плюется маслом. И возможно, нам придется его снова запустить, чтобы устроить вентилятор.

— Вы тут по какому делу?

— Да по такому же, что и ты. Безопасность. Мониторинг. А теперь прошу — отойди от машины подальше.

Это было совершеннейшей наглостью, но после того, через что прошел Мак за последний год, для него это было все равно что по парку прогуляться. Если этот парень начнет упираться, Мак займет его разговором ровно настолько, чтобы Смитти успел снова запустить мотор, и они уберутся отсюда. Конечно, вертолет на низкой высоте можно сбить из ручного оружия, но, возможно,

мысль о плевке горячим маслом несколько охладит пыл эмэсовца.

Уловка Мака сработала. Миротворец кивнул и попятился.

— Запускай винт, Смитти, — сказал Мак. — Пусть призадумается.

Пыль снова взметнулась. Абдулла быстро заглушил мотор. Миротворец вернулся. Мак решил взять инициативу в свои руки. Он перегнулся через Альби и сам открыл дверь.

— Не беспокойся, — сказал он. — Больше мы до самого отлета заводитьсь не будем. Мы не хотим, чтобы народ пыли наглотался или ничего не услышал. Нормально?

— Я как раз об этом и хотел попросить, сэр.

Мак поднял указательный палец. Начали подходить люди. У них был уже усталый вид.

Толпа собиралась в течение нескольких минут. Молодой человек, по мнению Мака похожий на молодого Леона Фортунато, схватил микрофон. Он был в белых туфлях, белых свободных брюках, белой рубашке. Говорил он как мотивационный оратор — бодро и энергично. Он сказал, что все шоу — это он сам. Конферансье, исполнитель, все прочее в одном флаконе.

— Но я не какой-нибудь шоумен. Нет, ребята. Обо мне говорят, что я типа кто-то вроде Христа. Ну, тут уж вам судить. Все, что я могу вам сказать, — я не здешний. И это не шутка. Я даже не из этого мира. Сегодня не будет музыки, танцев, девочек. Буду

только я, чудотворец. Я пришел сюда по поручению нашего восставшего из мертвых повелителя Николае Карпати, и он наделил меня силой.

Если вы относитесь к моим словам скептически, то я прошу вас посмотреть на небо. Я знаю, что солнце стоит высоко, светит ярко и жарко, но вы ведь согласны со мной в том, что на небе ни облачка? Нет их. Ни единого. Хоть один видит облако? Вдалеке, на горизонте? Конечно, надо прикрыть глаза от солнца, все так. Но сделайте мне одолжение, снимите ваши солнечные очки, у кого они есть. Вы жмуритесь, все верно. Многие из вас хмурятся, но это все лишь на мгновение.

Хотите хорошенького облачка? Чтобы оно вот сразу так взяло и закрыло солнце? Я могу это сделать. Да, вижу, вы скептически относитесь к моим словам. Вы не смотрите на меня — все пропустите. Подумаете, что это фокус. Но как вы вот это назовете?

На толпу упала тень. Даже эмэсовцы, разинув рот, уставились на небо. Абдулла высунулся наружу. Альби подался вперед. Мак извернулся и просунулся между ними. Густое белое облако закрыло солнце.

— Как он это делает? — сказал Абдулла.

— Да он только что тебе сказал, — ответил Мак. — Силой Николае.

— Слишком быстро? — спросил чудотворец. — Вы не замерзли от быстрой смены температур среди пустыни? Может, хватит пока тени, а?

Облако исчезло. Оно не ушло, не рассеялось. Оно просто исчезло, словно его и не было.

— Что вы скажете о полутени? Чтобы солнце все же проникало сквозь нее и согревало вас?

Сразу же так и стало.

Какая-то женщина перед помостом упала на колени и начала молиться на оратора.

— О, мэм, большое вам спасибо. Но разве это не банально? Вы же еще ничего не видели. Вот, например, эта стойка микрофона. Крепкая сталь, длинный телескопический стержень, отдельно микрофон и провод, присоединенные к его верхушке. Никто не хочет подойти и проверить сам?

По ступеням, хромая, взобрался пожилой человек. Он пощупал стойку и микрофон, затем оторвал верхнюю часть, от чего усилители издали оглушительный грохот.

— Опа, посмотрите-ка на это! — воскликнул чудотворец. И стойка микрофона и сам микрофон превратились в змею, которая тянулась от его руки до самой коробки динамика.

Люди отшатнулись, кто-то закричал, но змея исчезла так же быстро, как появилась, и на сцене снова стоял микрофон.

— Магические трюки? Нет, и вы сами это понимаете. У вас не было ли в недавнем прошлом проблем с водой? Или нам следует верить сказкам, идущим из Петры? Вы считаете, что источник — это дело рук Бога? Кто же в таком случае я?

Он указал куда-то в середину толпы, и из-под земли ударила струя воды, обрызгав головы собравшихся.

— Холодная, чистая, освежающая, не так ли? — воскликнул он. — Наслаждайтесь! Вперед!

И люди бросились к воде.

— Вы голодны? Устали от пищи вашего нового дома? Что вы скажете насчет корзинки настоящего хлеба, горячего, свежего, которого с лихвой хватит на всех?

Он достал откуда-то сзади плетеную корзинку, накрытую льняной салфеткой. В ней лежали пять ломтей сдобной, золотистой горячей булки.

— Пустите ее по кругу. Давайте. Да, берите! Нет, целиком. Можете даже два взять! Там, откуда они берутся, их полным-полно.

Корзинка переходила из рук в руки, и каждый брал как минимум по одному ломтю. Некоторые по два, но корзинка не пуста.

— Кто я такой? А вы как бы меня назвали? Я послушник живого бога, потентата Карпати. Не показали ли я вам, что он всемогущ? Но его терпение, ребята, иссякает. Он хочет, чтобы я возложил на вас клеймо верности, и я могу это сделать без применения всяких там технических средств. Вы ведь больше не сомневаетесь, верно?

Люди качали головами.

— Ну, кто первый? Можете сразу по несколько. Вы, вы, вы и вы. Спросите своих друзей, что они видят.

Даже Мак увидел, что у них на лбу клеймо Карпати.

— Еще? Да, поднимите руки. Теперь те, кто поднял руки, слушайте меня. Нет, не только что присоединившиеся. Опустите руки, если они не были подняты, когда я сказал. Почему вы так долго ждали? В чем была задержка? Тот, кому я служу, хочет, чтобы я убил вас, — и вот, вы мертвы.

Более сотни людей упали мертвыми на песок, остальные с криками ужаса попятились.

— Тихо! Вы думаете, я не смогу убить остальных? Но если я могу убивать, я могу и воскрешать. Эй, вы шестеро, восстаньте!

Шестеро встали, словно только что проснулись. У них был растерянный вид, словно они не поняли, почему вдруг оказались на земле.

— Вы думаете, они просто спали? Были в трансе? Ладно, пусть умрут снова. — Они снова упали. — Ну а теперь, если умеете, проверьте их на признаки жизни.

Он подождал.

— Ни дыхания, ни пульса, верно? Пусть это будет всего лишь уроком для тех, кто остался. Посмотрите-ка вдаль. Да, вон туда. Видите это облачко пыли, похожее на пережаты-поле? Это клубок самых ядовитых на свете змей. И они идут за вами.

Некоторые пустились было бежать, но вдруг застыли на месте.

— Нет-нет. Неужели вы думаете, что можно убежать от того, кто способен закрыть солнце? Если вы хотите получить клеймо верности, поднимите руки — и примите его!

Остальные в ужасе подняли руки.

— Но прежде чем змеи окажутся здесь, еще кое-кто из вас умрет.

Около трех десятков человек попадали наземь.

— Но зачем эти змеи? — завопила какая-то женщина. — Мы же все подчинились! Мы все приняли клеймо!

— Эти змеи мудры, вот почему, — сказал он. — Они знают, кто истинно верен, а кто прикинулся от страха за свою жизнь.

Источник превратился в кровь, и люди отшатнулись прочь.

— Дурачье! — крикнул чудотворец. — Все вы дураки! Неужели вы думаете, что богу, подобному Николае Карпати, нужны такие подданные? Нет! Он желает вашей смерти в том месте, где его враг до вас не дотянется. Бегите теперь, бегите быстро, как только можете, а я полюбуюсь. Но позвольте предупредить вас — вы не обгоните змей. Вы не успеете добежать до Петры и не спасетесь. Ваши распухшие трупы будут лежать на солнцепеке, пока птицы не расклюют их. Ибо, уходя, я заберу с собой тень.

Люди бросились прочь от сцены, вопя и спотыкаясь, ринулись в сторону Петры. Эмэсовцы, остолбенев, смотрели, как змеи бросились преследовать людей. Источник пересох, облако исчезло, и куски хлеба валялись в песке.

Мак глянул на Альби и Смитти, и все трое, дрожа, покачали головами. Внезапно чудотворец оказался прямо перед вертолетом.

Хотя он даже не открыл рта, Мак услышал его так, словно тот находился в вертолете.

— Я знаю, кто вы. Я знаю ваши имена. Ваш бог слаб, и ваша вера — притворство. Ваше время истекло. Вы все погибнете.

Мак с трудом справился с голосом.

— Уходим, — прохрипел он, и Абдулла запустил двигатели. Взметнулось облако песка и осело, Смитти взлетел. Мак посмотрел вниз — но не увидел ничего, кроме длинной полосы песка, усеянного трупами. Никаких эмэсовцев. Никакого помоста. Чудотворец исчез. Так же как хлеб и машины.

А змеи? Он их тоже не видел. Но на четверть мили тянулся след из трупов. Они лежали неподвижно, гротескно раскинув руки и ноги на песке пустыни.

* * *

У Циона душа ныла от дурного предчувствия. Он понимал, что не сможет довести до Явления во Славе всех и каждого из тех, кто прибыл в Петру. И все же он верил, что после того, как они увидели могущество и чудеса Длани Господней, многие из нерешительных уверуют.

Так и случилось, и в этом не было сомнений. Именно об этом и разговаривали Хаим и старейшины в минуту отчаяния Циона там, в глубине пещер. Как будто сам Господь говорил ему — смутьяны не вернуться. Ни один.

Но он не знал, убьет ли их Господь, или это случится, как во время мятежа Корея во дни Моисеевы¹, или сам Антихрист истребит их, после того как заманит обманом в пустыню.

Он поднял взгляд, когда их техноцентра прибежала Наоми и бросилась к отцу. Она украдкой глянула на Циона и что-то зашептала отцу на ухо, и когда Цион увидел, как поникли его плечи и как он качает головой, он все понял.

Молодая женщина ушла, а ее отец подошел к Хаиму. Цион подался вперед.

— Расскажи нам обоим. Я все равно об этом так или иначе узнаю.

— Но, — сказал отец Наоми, — разве нельзя избавить тебя от этого хотя бы на день после твоего триумфа над лжепророком? Зачем отравлять тебе радость?

— А я не радуюсь, друг мой. Я не сумел не дать лжепророку соблазнить недовольных, и они сделали все по-своему, несмотря на то что я говорил им. Расскажи мне все, не утай-вай ничего.

— Трое твоих друзей из отряда Скорби были очевидцами всему. Они вернулись и просят тебя уделить им немного времени.

Цион вскочил:

— Конечно же! Где они!

— Идут с вертолетной площадки.

Когда они с Хаимом были уже у выхода из пещеры, им навстречу как раз подошли Мак, Альби и Абдулла. Все обнялись. Ста-

¹ Книга Чисел, 16.1—40

рейшины почтительно подвинулись, когда все пятеро вошли в пещеру, и Мак рассказал обо всем, что им довелось увидеть.

— Не надо вам было туда летать, — печально сказал Цион.

— Если бы мы знали, что там увидим, мы никогда бы не отправились туда, — ответил Мак. — Но, понимаете, иногда мы, пилоты, ведем себя как любопытные мальчишки. Возможно, нынешний случай излечит нас от любопытства.

— Это не был человек, — сказал Цион. — Это был демон. Призрак. В Откровении, в главе 12, говорится, что когда Сатана, обманувший весь мир, был низвергнут с небес, с ним были низвергнуты и его ангелы. И неудивительно, что эти люди не были приняты в Мировое Сообщество. В Евангелии от Иоанна говорится: «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить».

— У меня есть вопрос, доктор Бен-Иегуда, — сказал Альби. — Ведь правильно, что мне это не нравится? В смысле, все ведь возмущены этим, но только я начинаю думать, что понимаю Бога, как Он допускает вот такое, и я сразу перестаю Его понимать вообще!

— Не беспокойся, брат мой, если только такие мысли не заставляют тебя сомневаться в Нем. Он держит все в руках. Его пути — не наши пути, и Он видит картину, которую мы, находящиеся по эту сторону небес, даже вообразить не можем. Я сам в смятении. Я бы так хотел, чтобы хоть кто-нибудь из них успел добежать до нас, попросить, чтобы мы вступи-

лись за него перед Богом, как было с детьми Израиля в ветхозаветные времена. Я бы с радостью стал молить за них или попросил бы воздвигнуть бронзового змея, чтобы ужаленные могли посмотреть на него — и исцелиться.

Но Бог отсеивает зерна от плевел. Он очищает землю от Своих врагов, Он показывает нерешительным последствия их медлительности. Ты, как и я, знаешь, что никто в здравом рассудке не выступит против Бога, Который способен защитить его от оружия массового уничтожения. Но эти неразумные вышли в пустыню, из-под Господнего покрова, и там и остались лежать мертвые. Как говорил апостол Павел: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисповедимы пути Его! О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его и неисследовани путие Его. Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Кто бо разуме ум Господень или кто советник Ему бысть; или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Или кто прежде даде Ему, и воздастся Ему, Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь».

* * *

Мак проснулся до рассвета, желая приступить к делу. В ожидании Альби и Абдуллы

он прислушивался к странному оживлению в Петре. По сложной системе передачи вестей от человека к человеку пришло сообщение, что Цион и Хаим после утренней манны созывают общее собрание.

Абдулла и Альби быстро поели и перед отлетом присоединились к остальной миллионной аудитории.

Сначала Хаим обратился к толпе:

— Цион уверен, что Господь сказал ему, что в нашем лагере больше нет нерешительных. Вы это и сами можете увидеть, оглядевшись вокруг. Есть ли вокруг хоть один без печати верующего? Хоть один, хоть где-нибудь? Мы не давим на вас, мы не обвиняем вас. Это просто для сведения.

Мак быстро обвел взглядом людей, находившихся в поле его зрения, но прежде всего он смотрел на Циона и Хаима, которые для пользы дела подождали минут десять.

Затем Цион выступил вперед.

— Пророк Исаия, — начал он, — предсказывал, что «и будет в тот день: остаток Израиля и спасшиеся из дома Иакова не будут более полагаться на того, кто поразил их; но возложат упование на Господа, Святого Израилева, чистосердечно. Остаток обратится, остаток Иакова — к Богу сильному, ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится...».

А о злобном князе мира сего, который терзает вас, Исаия дальше говорит: «И бу-

дет в тот день: снимется с рамен твоих бремя его, и ярмо его — с шеи твоей; и распадется ярмо от тука». Восславьте же Бога Авраама, Исаака и Иакова!

Пророк Захария приводит слова самого Господа нашего, который обращается к земле Израиля: «И будет на всей земле, говорит Господь, две части на ней будут истреблены, вымрут, а третья останется на ней. И введу эту третью часть в огонь, и расплавлю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото: они будут призывать имя Мое, и Я услышу их и скажу: «Это Мой народ», и они скажут: «Господь — Бог мой!»

Дорогие мои друзья, это вы — остаток Израиля, это соответствует совершенно ясному утверждению Иезекииля в главе 37, где наш обездоленный народ показан в последние дни в долине иссохших костей. «И сказал Он мне: сын человеческий! Кости сии — весь дом Израилев. Вот, они говорят: «Иссохли кости наши, и погибла надежда наша, мы оторваны от корня».

Но, дорогие мои, Господь говорит Иезекиилю: «Посему изреки пророчество и скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву... и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я, Господь, сказал это — и сделал, говорит Господь».

* * *

Рэйфорд давно так не трудился. Даже при строительстве взлетно-посадочной полосы в Мицпе-Рамон для операции «Орел» он по большей части руководил, а с тяжелым оборудованием работали другие. Здесь он тоже находился на руководящей должности, но каждая пара рук была на счету.

Лайонел Уолум приземлился в Гобернадор-Грегорес практически без эксцессов. Главная проблема была в том, что основная взлетно-посадочная полоса была разрушена во время войны, и народ из взаимопомощи построил другую, шедшую параллельно ей где-то на расстоянии ста футов. Эмэсовцы были не в курсе восстановления огромного лагеря подпольщиков-верующих, которые выращивали зерно и продавали его по каналам взаимопомощи.

Но когда разрушенная взлетно-посадочная полоса перестала использоваться, понадобилось несколько недель — как потом рассказывал Рэйфорду его знакомый Луис Артуро, — чтобы убрать то, что осталось от ровной темной канавы в земле. С воздуха казалось, что полоса все еще существует.

Луис получил высшее образование в США и бегло говорил по-английски, хотя и с заметным акцентом. Он достаточно много общался с религиозными группами в кампусе, чтобы по возвращении в Аргентину после исчезновений четко понять, что случи-

лось. Он и еще несколько его друзей детства бросились в их маленькую католическую церковь, где почти никого не осталось. Их любимый священник и преподаватель катехизиса тоже исчезли. Но из найденной в библиотеке литературы они узнали, как поручить себя Христу. Вскоре они стали ядром новой группы верующих в этом районе.

Луис оказался серьезным человеком с очень быстрой речью. Ему особенно пришелся по сердцу Ри Ву, с остальными он тоже держался весьма сердечно, но главной его заботой была погрузка и спешная отправка самолета.

— Все мы слышали о том, что эмэсовцы отравили Чико и намерены уморить нас, — сказал он. — У меня есть основания считать это паранойей, но мы не можем оставить это без внимания.

Ри ему, видимо, нравился так потому, что, несмотря на то что кореец был самым молодым и самым младшим по званию членом команды Рэйфорда, если не считать Джорджа Себастиана, он оказался в самой лучшей форме как среди американцев, так и среди аргентинцев.

Но слава Джорджа бежала впереди него, и пока тот своим руками забрасывал на борт тяжелые мешки с зерном, многие из латиноамериканцев пытались вытянуть из него подробности его приключений в Греции.

Рэйфорд заметил, что Джордж пытается приуменьшить свои подвиги.

— Ну, справился я с бабой, которая была в два раза мельче меня.

— Но ведь она была вооружена? И убила много народу.

— Ну, так нельзя было позволить ей продолжать, разве не так?

Рэйфорд по большей части работал на пару с Лайонелом. Каждый из них зараз мог поднять не больше одного мешка с зерном. Ри тоже им помогал, но он был молод и поворачивался быстрее, и утром он будет чувствовать себя намного лучше, чем Рэй или Лайонел.

После двух полных дней работы, благодаря гидравлическим погрузчикам и шести алюминиевым платформам, которые могли поднимать сразу по тридцать тысяч фунтов каждая, почти все зерно было погружено, и трюмы самолета были практически забиты, когда прибежал Луис.

— Сеньор Стил, идемте скорее со мной на вышку. Бинокль у меня с собой.

Рэйфорд последовал за молодым человеком к новой деревянной двухэтажной вышке, построенной так, чтобы она терялась на общем фоне. Самолетам приходилось ее высматривать, зато те, кто о ней не должен был знать, могли и вовсе ее не увидеть.

Рэйфорду пришлось отдышаться наверху лестницы, зато когда он пришел в себя, Луис протянул ему бинокль и показал куда-то вдаль, Рэйфорду пару секунд пришлось подкручивать колесико, но когда он увидел то, на что указывал Луис, он подумал, не поздно ли уже и не пропал ли даром их труд.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Хотя от Петры до Индии лететь было не долго, Мак спал глубоким сном, когда Альби посадил транспортник возле Бабатпура. Сначала они задержались с вылетом в Петре, потом потеряли пару часов при переходе через временные зоны, да еще самолет был тяжел и неповоротлив, так что прибыли они среди ночи.

Мак не сразу сориентировался, но через пару секунд и его, и Абдуллу, и Альби вытащил из самолета человек, известный им как Бихари. Серьезный и деловой, он сказал:

— Быстрее, пожалуйста. Нам еще примерно сотню миль ехать до плотины Риханд.

— Сотню миль? — сказал Мак. — А как мы доставим воду на самолет?

— Грузовиками!

— А эмэсовцы тут спят, что ли?

— Эмэсовцы, друг мой, тоже любят водичку пить.

Бихари выжимал из своего мини-вэна в среднем семьдесят миль в час. Машина птицей летела по дорогам, которые наверняка прежде и не видывали таких скоростей, особенно среди ночи. Через девяносто минут они вылетели в клубах пыли на расчищенный пятачок возле небольшого перерабатывающего заводика. Бихари показал Маку и прочим поддоны с бутилированной водой, которых хватило бы для того, чтобы забить под завязку два громадных грузовика.

— А остальное где? — спросил Мак. — Мы пригнали большой, очень большой самолет.

— Мне было любопытно, заметите ли вы, — сказал Бихари. — По дороге вы не замечали, что я давал порой сигнал?

— Замечал.

— Все грузовики, кроме двух, уже идут к самолету. Мы начали перевозку сразу, как только узнали, что вы в воздухе. Нас всех очень воодушевляет перспектива поесть настоящего хлеба. При помощи вильчатого погрузчика и вас, господа, мы к рассвету заполним два этих грузовика и отправимся в путь.

Через несколько минут Мак направил погрузчик к поддонам. Проезжая мимо Альби, он бросил:

— Глядя на этих людей, чувствую себя старым ленивым дураком. Наша работа по сравнению с их трудами — полная фигня.

— Им не надо бояться ракет и пуль, — ответил Альби. — Им удалось повернуть это

дело, откупаясь от МС небольшим количеством воды?

Еще до окончания загрузки последнего грузовика появился Бихари, размахивая руками. Мак остановился.

— Ваших людей не испугает некоторая отсрочка?

— Зависит от... — ответил Мак. — Мы все еще можем взлететь и убраться отсюда?

— Да. Но вот мы, похоже, обречены.

— Не радуется. А в чем дело?

— На обратном пути к аэропорту мы поедем по плотине. Это небольшой крюк, но вы должны это видеть.

— Я и раньше видел плотины. С вашей что-то не так?

— Мои люди говорят, что пало очередное проклятие Господа.

— Ох ты...

— Я не мог себе представить, на что похожа кровь, пока не был вынужден посмотреть водозаборники на плотине.

— Я тоже, — сказал Мак. — А как же тогда вам быть с водой, да еще после того, как мы этот груз заберем?

— Может, полгода протянем. Но затем, как только эмэсовцы поймут, что у нас тоже больше нет воды, нам не избежать налета.

— Они знают, где вы?

— Думаю, предполагают. Это у них не займет много времени.

— Тогда главной вашей задачей будет замаскировать это место.

* * *

Солнце садилось, но над равнинами Аргентины воздух все еще дрожал от зноя. Рэйфорд пытался держать бинокль неподвижно, чтобы понять, что там такое движется. Это могло быть что угодно, но в любом случае радоваться было нечему. Одно было понятно — идет уйма народу. Но он не мог в точности сказать, кто это — военные, эмсовцы, блюстители нравственности, крестьяне, горожане, кто еще.

Он передал бинокль Луису.

— Может, нам просто подняться в воздух? Или лучше проверить, кто там?

— Вы знаете, о чем я думаю.

— Пойдем с оружием? Сколько народу может пойти с нами?

Луис покачал головой.

— Давайте я найду машину, а вы подкинете идею?

— Честная сделка, — сказал Рэйфорд. — Пойдем мы с Себастианом. Будем вооружены, но нарываться не станем. Просто посмотрим, в чем дело, но ни сами вмешиваться не будем, ни вас втягивать.

Когда они спустились с вышки, Луис сказал:

— О, Господи, нет, не сейчас!

— В чем дело?

— Вы не чувствуете запах, капитан Стил?

Рэйфорд принюхался.

В воздухе пахло кровью.

* * *

Мак вел машину прочь от завода. Неужели огромную партию зерна тоже придется перебрасывать сюда грузовиками? И где они будут его хранить?

С одной стороны, это беспокоило его, с другой — он был рад, что это не его проблема. Гораздо более изощренные умы занимались организацией этой сделки. Вот пусть они и заботятся.

Когда Бихари остановился на плотине, сзади подъехал еще один грузовик. Поначалу никто из него не вышел. Затем вышли все четверо.

Они просто постояли минуту. Посмотрели. Две створки шлюза на плотине были открыты. С обеих сторон в ущелье падали две огромных струи жидкости. Кровь была настолько гуще воды, что и падала она по-иному, и плеск у нее был иной. Запах был чудовищным и пугающим. Это было настолько похоже на дурной сон, что Мака пробрала дрожь.

В нескольких сотнях ярдов от плотины, ниже по течению, стоял какой-то человек. Он показался Маку знакомым.

— Это кто? — показал на него Мак.

— Кто — кто? — спросил Альби.

Мак повернул его прямо в ту сторону и показал.

— Знаешь, в такие ранние часы я плоховато вижу, Мак. Кого ты там углядел?

— Никто не видит вон там, на скале, человека? Он прямо у реки.

Никто ничего ему не ответил.

— Я иду к нему. Он смотрит прямо на нас! Машет нам рукой, зовет к себе!

— Я не вижу никого, Мак! Может, это твой ковбойский марьяж.

— Мой что? — Мак наклонил к Абдулле ухо.

— Ну, одна из тех штук из ваших ковбоек, которые вы видите в пустыне, когда вам пить охота. Марьяж, в общем.

Альби запрокинул голову и расхохотался.

— Я вырос в десяти тысячах миль от Техаса, и я видел такое! Мираж, Смитти. Мираж.

— Нет, это не марьяж и не мираж, — ответил Мак. — Сейчас вернусь.

Он подошел к незнакомцу и остановился примерно в ста ярдах от него.

— Если ты хотел подойти, — сказал тот, — то почему не взял пустую бутылку?

— А что мне делать с бутылкой крови? Да и вряд ли у меня найдется пустая бутылка.

— Опустоши одну и принеси.

Мак повернулся, как будто это была самая обычная просьба.

Когда он поспешно вернулся к своим, Альби спросил:

— Ну что, напарник? Марьяж или как?

— Очень смешно, верблюжий ты водитель.

Мак взял бутылку с одного из поддонов, выпил половину, а половину вылил на землю.

— Эй! — воскликнул Бихари. — Этот ресурс сейчас на вес зерна, вы же знаете!

По дороге к алому потоку Мак смотрел себе под ноги.

— Ты же здесь, Михаил? — позвал он. — Ты же везде?

— Ты прекрасно это знаешь, Клеберн, — сказал Михаил. — Как и ты, я здесь по делу.

— И по совпадению в том же месте, что и я. Я так и не успел поблагодарить тебя за...

Михаил поднял руку. Мака замолчал. Затем Михаил взял бутылку. Он вздохнул и возвел взгляд к небу. Заговорил тихо, но очень страстно.

— Велики и чудны дела Твои,
Господи Боже, Вседержитель.
Праведны и истинны пути Твои,
Царь Святый.

Кто не убоится, не прославит Тебя,
Ибо Ты един Свят.
Все народы поклонятся
Пред Тобой, ибо Ты един Свят.

Михаил, осторожно ступая по камням, спустился к краю бурного потока. Кровь так грохотала, что Мак не мог бы услышать Михаила, даже если бы тот заговорил снова. И, словно поняв страх Мака, Михаил повернулся к нему и знаком подозвал его подойти поближе. Мак замялся. Михаил был весь забрызган кровью — и его коричневое одеяние, и волосы, и лицо, и борода.

— Подойди, — велел он.

И Мак подошел.

Михаил стоял одной ногой на камне, другой на берегу, в нескольких дюймах от реки. Он сказал:

— Праведен Ты, Господи, Который еси и был, и свят, потому что так судил; за то, что они пролили кровь святых и пророков, Ты дал им пить кровь: они достойны того¹.

Затем послышался другой голос — Мак не понял, откуда он слышен.

— Ей, Господи Боже Вседержитель, истинны и праведны суды Твои.

Михаил низко поклонился и погрузил бутылку в поток. Кровь омыла его руку, пропитала рукав и наполнила бутылку. Но когда он поднял ее из реки и повернулся к Маку, на нем не было крови. Одежда его была суха. Лицо чисто. Руки чисты. Бутылка была полна чистой прозрачной воды.

Михаил протянул ее Маку.

— Пей, — сказал он.

Мак поднес холодную бутылку к губам и опрокинул ее себе в рот. Когда Мак, закрыв глаза, выпил ее до дна, Михаил сказал:

— Иисус сказал: «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»².

Мак открыл глаза и громко выдохнул. Михаил исчез.

¹ Откровение.

² Евангелие от Иоанна, 4:14.

* * *

— При всем моем уважении, сэр, — сказал Себастиан, — вы должны понимать, что нас только двое, при нас всего два ствола и несколько магазинов патронов и мы понятия не имеем, куда лезем.

— Я надеялся, что ты меня прикроешь, — сказал Рэйфорд. — Я с этими военными новинками не знаком.

— Мы же не собираемся меряться силами с этими людьми, не так ли?

— Надеюсь, Джордж. Они абсолютно превосходят нас числом.

— Вот и я, типа, об этом, сэр.

— Тогда кончаем трепаться и давай посмотрим, что там.

— Уф, понял. Вы не могли бы остановиться на секундочку?

— Ты серьезно?

— Да, сэр.

Рэйфорд остановился и припарковал машину.

— Вы не читали этого в каких-нибудь книгах по военной стратегии?

— Что именно?

— Ну, «сначала надо ввязаться в драку, а там увидим»?

— Джордж, послушай. Все сейчас не такое, как было. Мы каждый день импровизируем. И ты — живой пример этого. Выбора у нас нет. Здесь множество наших братьев и сестер, они пытаются выжить, а сейчас что-то

угрожает им. Если бы я даже вернулся, собрал и вооружил их всех, они все равно не выстояли бы против МС, если те решат наступать. Так что давай посмотрим, что это такое. Мы сначала посмотрим, не надо ли срочно уносить ноги, и не будем вмешиваться, пока не поймем что да как. Возьми бинокль. Увидишь вооруженных эмэсовцев, скажешь — и мы уходим. Нормально?

Джордж раздумывал.

— Вот что, — сказал он. — Видите, вон там? У вас за плечом. Это большая группа, направляющаяся к месту сбора. Давайте обойдем их сзади и незаметно пристанем к ним. Они не военные, и вид у них не угрожающий.

— В этом есть смысл.

— Всегда есть смысл пользоваться тем, что у тебя есть.

— Вроде мозгов, ты это имел в виду? — ответил Рэйфорд.

— Это вы сказали, не я.

* * *

Мак огляделся по сторонам. Сердце его прыгало так, словно он бежал в гору. Он спустился к кровавой реке и погрузил бутылку в поток. Кровь обдала его с ног до головы, но когда он вынул бутылку, она снова была полна чистой воды.

Он рассмеялся, закричал и бросился назад к Альби, Абдулле и Бихари. Но они, по-

хоже, так и не увидели Михаила, и выходки Мака им уже надоели.

— Вы не видели его! Не видели, правда?

Они мрачно смотрели на него из грузовиков.

— Вы видели, как я вылил воду? Видели, ну? Бихари, вы же видели, вы сами мне сказали, что вода сейчас на вес зерна? Помните? Ну и где я, по-вашему, взял эту воду?

Бихари выскочил из грузовика.

— Откуда вы ее взяли? — крикнул он.

— Да из реки! Видите всю эту кровь на мне?

— Нет!

— Вы до сих пор считаете, что вам конец? МС плюнут на вас, когда поймут, что случилось с вашим источником воды. Но вы будете посылать ваших людей и оборудование сюда как обычно. Господь заботится о тех, на ком Его печать. Аминь!

Теперь и Альби с Абдуллой подошли к ним, чтобы посмотреть.

— Попробуйте эту воду, господа. Вам захочется выпить ее до дна, но это на всех!

* * *

Рэйфорд и Джордж оказались среди каких-то паломников. Почти все шли пешком. Судя по одежде, здесь были и горожане, и сельские жители, были и крестьяне.

— Английский кто-нибудь знает? — крикнул Джордж.

Ему пришлось спрашивать еще дважды, и, наконец, какой-то мужчина, который, похоже, шел вместе с женой и прочими родственниками, подошел к машине.

— Английский? Да.

— Куда вы идете? — спросил Джордж.

— Мы идем туда, куда нас пригласили, — сказал мужчина.

— Всех вас? Пригласили?

— Про других не знаю. А нас пригласили.

— Кто вас пригласил?

— Три человека. Они постучались в нашу дверь и сказали, чтобы мы встретились с ними здесь, и они скажут нам добрую весть.

— Но вы не из сторонников Карпати, — сказал Джордж. — Я не вижу на вас клейма.

— Да и на вас его нету, — ответил мужчина. — И вы испуганы не больше нас.

— Да вы даже не волнуетесь, — сказал Джордж.

— Эти люди сказали, чтобы мы не боялись.

— Почему вы им поверили? Что дало вам такую уверенность?

— Поверили потому, что поверили. Что еще я могу сказать?

— Спросите других, почему они здесь.

Мужчина обратился к соседям по-испански.

— Нас всех пригласили одни и те же люди, — сказал он.

— Но кто они?

— Никто не знает.

— И все же вы все рискнули жизнью, чтобы пойти сюда.

— Сдается, у нас не было другого выбора, сэр.

Рэйфорд остановился, и толпа стала обтекать его с обеих сторон.

— И как это тебе, Джордж?

— Да как и вам. То, что рассказывала Минь.

— Точно. И мы в точности знаем, какие слова они скажут первыми. Если этот самый... Христофор?

— Верно.

— Если он начнет с Евангелия, а второй скажет, что должно случиться с Вавилоном...

— Наум.

— Да. А Кaleb предостережет от принятия клейма. Тогда это все, что нам нужно знать.

— Но эмэсовцы-то где, Рэйфорд? Эти люди привели к спасению людей в Китае, но миротворцы все равно убили их.

Оба повернулись в креслах, высматривая врагов.

— Может, Бог и эти ребята действуют сами по себе в разных частях мира?

* * *

Лия Роуз работала в подвале огромного дома Лайонела Уолума в Лонг-Гроув, Илли-

нойс. Они с Ханной составляли каталог медицинских товаров и список того, что было необходимо в различных пунктах взаимопомощи. Работали они с распечатками, сделанными Хлоей Уильямс.

— Я ищу место, где, честно говоря, нужны не только товары, — сказала Лия.

— Я слышу тебя. Ничто так не утомляет, как бездействие. Я не знаю, хочу ли снова в драку, но мне хочется оказаться где-нибудь там, где я буду нужна.

— Проблема в том, — сказала Лия, — что в Петре не нужны медики и сиделки. Но я хотела бы, по крайней мере, остановиться там на время на пути в следующее место назначения.

— Что, правда? Интересно, за кем? Точнее, зачем?

— Ханна, заткнись.

Внезапно у Лии подломились колени, и она чуть не упала.

— Что такое? — воскликнула Ханна. — Ты в порядке?

— Да. Не знаю, меня вдруг охватила слабость, но все уже прошло.

Но она еще не успела договорить, как упала на колени.

— Лия!

— Все хорошо. Я просто... просто... о да, Господи. Я сделаю, Господи. Конечно.

— Что? Что с тобой?

— Помолись со мной, Ханна. Нам надо помолиться за мистера Уолума.

— Привести его жену?

— Мы должны помолиться прямо сейчас. Господи, — сказала Ли, — я не знаю, что Ты хочешь мне сказать, но поняла, что мы должны молиться за мистера Уолума прямо сейчас. Мы верим Тебе, мы любим Тебя, мы доверяем Тебе, и мы знаем, что Ты — наш Владыка. Сделай все, чтобы он уцелел и те, кто с ним тоже. Они с Рэйфордом, Джорджем и Рискоро должны вылетать, так что дай им все, что им нужно, защити их и следуй впереди них в Индию.

* * *

— А вот и они, — сказал Рэйфорд, показывая на запад. За толпой следовали эмэсовцы. Они ехали на джипах и в фургонах. Их было около сотни, и при них были громкоговорители.

Пока Рэйфорд выруливал из толпы на другую сторону, чтобы остановиться там, где ему будет видно людей, эмэсовцев и первые ряды собравшихся, эмэсовский офицер объявил:

— Это собрание противозаконно. Вы нарушаете закон. Здесь нет пункта для нанесения клейма верности, прошло много месяцев после крайнего срока, и вам не будет позволено устранить этот недочет. Публичное появление без клейма верности карается смертью на месте от руки любого законопослушного гражданина, но если вы сейчас разойдетесь

по домам, вы получите кратковременную отсрочку на двадцать четыре часа для принятия клейма. Пункт клеймения находится в Тамель-Айке или Лагуна-Гранде, оба на расстоянии шестидесяти миль отсюда.

Люди не останавливались, не смотрели в их сторону. Казалось, это совершенно не беспокоило их. Эмэсовец начал было снова:

— Это последнее предупре...

— Умолкни!

Властный голос прозвучал из передних рядов. Это говорил один из трех, и слышно его было без всякого громкоговорителя.

— Мое имя Христофор, и я говорю от имени и по повелению Иисуса Христа, Мессии и Сына Бога Живого. Он решил, что те, кто услышит Его вечную Благую Весть сегодня, войдут в Его тысячелетнее Царство во время Явления во Славе, до коего осталось чуть больше двух лет.

Толпа зашепталась, эмэсовцы снова взяли за мегафоны, но они вдруг вышли из строя, и никто их не услышал.

— Мои соратники, Наум и Кaleb, находятся здесь, дабы возвестить то, что нам велел объявить Господь. А затем Послание Господне, послание о спасении, которое может быть получено лишь через Его Сына Единородного, будет сказано вам одним из ста сорока четырех тысяч свидетелей, которых Он призвал из колен детей Израиля.

Уходите сей же час, вы, вершители беззакония, прислужники злобного князя мира сего. Вы больше никогда не посмеете по-

дойти близко к этим людям и к этому месту. Уходите, или Господь и Отец нашего Владыки Иисуса Христа поразит вас смертью на месте!

Эмэсовцы бросились к своим машинам. Христофор сказал:

— Бойтесь Бога и славьте Его, ибо пришел час суда Его, поклоняйтесь Ему, Творцу неба и земли, моря и источников!

Затем заговорил Наум, проклиная Вавилон, а Кaleb предупредил о последствиях принятия клейма Зверя. Затем одетый в белое проповедник встал перед толпой и сказал:

— И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются.

И тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше¹.

* * *

— Зерно на подходе, Бихари, воды у вас в изобилии. Извините, мне позвонить надо. — Мак набрал номер Рэйфорда. — Рэй? Вы где

¹ Евангелие от Луки, 21.

там? Когда вылетаете к нам? Хорошо! Слушай, ты реки видел? Верно, вы же там на Чико. Слушай — верующим это не угрожает. По крайней мере, здесь. — Он вкратце рассказал ему о встрече с Михаилом и о том, что случилось с кровью. — Мы вылетаем где-то через час, так что скажи братьям и сестрам, что вода на подходе. Да, но ведь теперь они не так в ней нуждаются, правда? Тут Бихари волком смотрит на меня, словно я только что всю ее вылил. Ладно, скажи им, что сделка есть сделка.

* * *

— Можно, я расскажу ему, капитан Стил? — спросил Джордж.

— Кому и что?

— Луису. О том, что эмэсовцы оставят в покое этот район. И о воде.

— Ты хочешь поделиться доброй вестью, верно?

— Еще бы!

— Успокойся.

Когда они вернулись, Луис быстро вскочил в машину.

— Ну?

— Джордж просит немного времени, — сказал Рэйфорд. — Мы будем через десять минут.

Лайонел будет вести самолет первые четыре часа, затем его сменит Ри, но сажать самолет будет Рэйфорд. Рэй пристегнулся

в кресле второго пилота, когда Лайонел запустил моторы, но как только он надел наушники, сразу ощутил, что что-то не так.

— Все в порядке? — сказал Рэйфорд.

Лайонел поджал губы.

— Я сделал полную предполетную проверку.

— Я тоже. И?..

— Что-то не так.

— Долгий полет, большой самолет, большой груз, дружище. Но мы не отправимся, пока ты не скажешь, что все о'кей, ладно?

— Спасибо, но я не могу сказать ничего определенного.

— Давай еще раз проведем предполетную проверку, проверим все сверху донизу? Просто для верности?

— Нет, дай мне минутку подумать.

Рэйфорд повернулся в кресле:

— Как дела, Ри?

Ри поднял большой палец и запрокинул голову на спинку кресла, словно готовясь заснуть.

— Идет последний член вашего экипажа, мистер пилот. Он закрывает дверь или мы еще ждем?

— Еще чего. Подождите секундочку. Я проверяю груз.

— Помощь нужна?

— Нет, нашел.

— Прямо мороз по коже.

— И не говори!

Рэйфорд подождал десять минут. Ри и Джордж пристегнулись и уже дремали. Рэй

отстегнулся и пошел к грузовому трюму, где столкнулся с идущим к нему навстречу Лайонелом.

— Все в порядке?

Лайонел скривился.

— Передай вышке — мы готовы.

Когда они снова пристегнулись, Лайонел снова глянул на Рэйфорда.

— Могу только сказать — слава Богу.

— Нет уж, скажи не только это. Что там было?

— Нашел целый незакрепленный поддон. При первом же вираже поехал бы.

— Мы могли бы грохнуться.

— Конечно.

— И ты, конечно, груз не проверял во время предполетной проверки.

— Проверял. Я всегда все проверяю. Мало что важнее правильной загрузки и закрепления груза.

— А что тебя натолкнуло на мысль искать именно там?

— Понятия не имею. Я дважды проверил все крепления. Все было на месте. Просто у меня возникло ощущение, что надо проверить еще раз.

— Что ж, приятель, — сказал Рэйфорд, — если нам суждено приземлиться в Индии, то, возможно, лишь благодаря вот этому твоему предчувствию.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Пятый год времени Скорби

Чань несколько часов отслеживал ситуацию во дворце. Каждый раз, заслышав голос Карпати, он настораживался.

— Что-то в атмосфере этого древнего Эдома¹ мешает нашим ракетам, нашим полетам, нашей артиллерии, — сказал однажды вечером Николае. — Весь этот район стал каким-то Бермудским треугольником. Будем обеспечивать мир, но не тратить ни единого ника на вооружение, которое не дает нам большего, чем мы могли бы достигнуть дипломатическим путем.

Чань прекрасно знал, что «дипломатия» Мирового Сообщества не более чем оксюморон. Стандартная схема действий больше не включала в себя никакого подобия пу-

¹ Э д о м (Идумея) — историческая область на юге Палестины. Столицей Идумеи была Петра

бличных выступлений со стороны потента-та. Кое-кто пытался защищать репутацию потентата, но со всех концов земного шара приходили свидетельства, что даже миллионы граждан, принявших клеймо верности, понимали теперь, что восставший из мертвых бог превратился в царя-тирана. Сотни тысяч умирали ежедневно от отсутствия питьевой воды.

Во время одной из трансляций из региона 7, то есть Соединенных Американских Штатов, какая-то женщина откровенно бранилась перед небольшой, явно насмерть перепуганной толпой:

— Справедливость, честная игра, даже суд присяжных — это все ушло в прошлое! Мы повинемся Мировому Сообществу, мы поклоняемся идолу верховного правителя только потому, что все знаем: за отказ — смерть!

Ее пристрелили на месте, и толпа в испуге разбежалась.

Из того же самого региона приходили постановочные записи о показательном параде для Новостной сети Мирового Сообщества. Люди маршировали апатично, с пустыми лицами, неся плакаты и монотонно скандируя: «Слава Карпати!»

Бардак во дворце был одновременно и во вред, и на руку Чаню. Во многих отношениях Новый Вавилон стал городом-призраком. Люди больше не могли позволить себе совершать паломничество к его блистательным строениям. Он знал настоящие цифры — а

не ерунду из тех поддельных сводок, которые предоставлялись населению. Численность жителей Земли после Вознесений сократилась вполовину.

Столица мира больше не процветала. Появились фракции, маленькие царства возникали даже в окружении Карпати — высокопоставленные чиновники угрожали друг другу, лстили, окружали себя лизоблюдами. Все друг друга подозревали, все подобостратно ползали вокруг большого босса. Ни о каком сопротивлении и речи не шло. Их царь доказал, что смерть ему нипочем. Так зачем еще раз его убивать? Можно, конечно, захватить власть на три дня, но лучше встать на сторону восставшего из мертвых и спокойно подворовывать.

Печальное состояние коммунального хозяйства в Вавилоне и в сравнение не шло с тем, что творилось по всему миру — кроме Петры. Отряд Скорби и летчики взаимопомощи сообщали отовсюду, куда их заносила судьба, что все и везде выходит из строя и замены не предвидится. Гибель огромного количества населения привела к тому, что численность занятых на государственной службе людей снизилась вдвое. Почти не осталось тех, кто мог перевозить топливо, чинить машины, содержать в рабочем состоянии уличное освещение, поддерживать порядок, регулировать бизнес. Бизон в «Истине» подробно рассказывал о том, что эмэсовцы, особенно на местном уровне, пользуясь своим служебным положением, захватыва-

ют для себя все, что хотят. «Так что горе тем хозяевам магазинчиков, которые не дают на лапу местным стражам порядка».

Чань смотрел на все это с точки зрения наемного айтишника в компьютерном отделе Аурелио Фигейроа, но прежде всего, изнутри системы, столь искусно созданной и встроенной его предшественником Давидом Хассидом. Как бы это ни было смешно, думал Чань, но только эта система продолжала работать без сбоев.

Карпати был сумасшедшим. Никто в его окружении и не пытался этого оспаривать — разве что в его присутствии. Казалось, что все угождают его безумию, все бились за честь первым воплотить в жизнь очередную его директиву, которую он, как правило, издавал в приступе бешенства.

— Неподчинение приказу! — визжал он как-то раз поздней ночью. Чань как раз слушал. Его измотанные приближенные старались не спать, как и потентат. — Мой субпотентат региона 7 должен завтра утром первым делом услышать, что лидеры Ливии и Эфиопии, а также главы их кабинетов уничтожены!

Заговорил Сухайль Акбар.

— Я поговорю с ним, ваше святейшество. Я уверен, что он поймет...

— Ты не понял. Это приказ, Сухайль.

— Сэр?

— Ты не понял моего приказа?

— Вы буквально хотите, чтобы они и главы их кабинета были к утру ликвидированы?

— Если ты не можешь этого сделать, я найду...

— Это все будет сделано, сэр, но мы не успеем послать наших штурмовиков отсюда...

— Ты — директор департамента разведки и безопасности! И у тебя нет в Африке людей, которые могли бы...

— Я понял, сэр.

— Надеюсь!

Приказ был выполнен силами разведки и безопасности из состава африканских миротворцев и блюстителей нравственности. Акбара на другой день похвалили, затем через три недели ему влетело за то, что босс не сумел получить «полезную информацию из региона 7».

* * *

Рэйфорд жил в подземном жилище, как и все, кто работал на бывшей военной базе в Сан-Диего. И как Мак и Альби в своей Аль-Басре, они поддерживали воздушную связь между Сан-Диего и другими центрами взаимопомощи, настолько далекими и замаскированными, что, если самолеты уходили от эмэсовских радаров (если таковые еще оставались в рабочем состоянии при нынешней нехватке обслуги), им не приходилось вести рутинную игру с персоналом аэропортов. Глава отряда Скорби опасался, что его люди слишком расслабятся и вся их сеть рухнет.

Он и правда ощущал себя гораздо более собранным и осторожным, когда МС было на пике своей мощи. Мир превратился в бурлящий котел отдельных свободных рынков.

Когда Рэйфорд был у себя «дома» в Сан-Диего, он изучал отчеты, приходявшие к Хлое от сотрудников взаимопомощи со всех концов мира. Вряд ли хоть один уголок избежал растлевающего влияния шарлатанов, спонсируемых Мировым Сообществом. Маги, колдуны, призраки, посланники Леона Фортунато несли ложное евангелие. Они выдавали себя за Христа, мессию, пророков. Они восхваляли божественного Карпати. Они творили чудеса и фокусы и совращали тысячи людей. Людей подманивали, как правило, обещанием питьевой воды, но, как только они выбирали сторону князя мира сего, их либо убивали, как в пустыне Негев, или они погибали от Руки Господней. Цион Бен-Иегуда продолжал утверждать, что Бог постоянно уравнивает силы, сметая с лица земли тех, кто носит печать Зверя, ибо грядет великая война.

— Не следует думать, что Бог не может уничтожить любого врага, — учил доктор Бен-Иегуда, — но смрад лжеучения оскорбляет Его и разжигает Его гнев. И все же гнев Господень уравнивается Его великой любовью и милосердием. Нет ни одного свидетельства того, чтобы пострадал хоть один из ста сорока четырех тысяч свидетелей, которых Господь послал проповедовать истину о Сыне Его.

Рэйфорд, пусть и измотанный до предела, жаждущий поскорее попасть на небо или

увидеть Явление во Славе — иногда ему даже было безразлично, что случится раньше, — все равно с восторгом читал сообщения со всех сторон света. Члены отряда Скорби видели многих из этих ста сорока четырех тысяч отважных вестников, которые шли к людям, вызывали нерешительных из домов, чтобы предстать перед ними с посланием Христа. Эти люди были могучими проповедниками, которым Господь дал дар нести весть. Часто их сопровождали ангелы, охранители их самих и их слушателей. И эмэсовцы не могли остановить их.

— Архангелы Гавриил и Михаил появлялись в разных частях мира, провозглашая слово Божие и защищая народ Его, — говорили Цион и Хаим людям Петры и всему миру через Интернет.

Рэйфорд молча возносил молитву, читая, что ангел с вечной вестью, Христофор, часто появляется в отдаленных регионах мира, где Христос никогда не проповедовал. Наум продолжал пророчествовать о падении Вавилона, иногда вместе с Христофором, иногда сам. И каждый день приходили сообщения о Калебе, предостерегающем людей о последствиях принятия клейма Зверя и поклонения идолу его.

Кроме того, люди из отряда Скорби порой сами ощущали присутствие ангелов, защищавших их, где бы они ни были. Часто, даже вне маршрутов на Петру, их пытались перехватить эмэсовские самолеты, угрожали, пытались посадить, стреляли. Не зная, есть ли у них защита за пределами пустыни

Негев, пилоты уходили от преследователей. Но пока Господь прикрывал их, к досаде и изумлению МС.

Оставалось всего два года до Явления во Славе, и Рэйфорд решил вместе с Бизоном и Хлоей оценить текущее состояние отряда Скорби.

— Где мы находимся сейчас, — сказал он, — и где мы нужны для максимальной выгоды всех верующих мира?

Хлоя сообщила, что Лайонел Уолум и его жена сумели каким-то образом сохранить свой дом в Иллинойсе, хотя «Лия и Ханна работали хорошую клаустрофобию. В смысле, их поддерживает то, что Господь есть в их жизни. Лайонел, конечно, был потрясен рассказом Лии о том, как ей вдруг пришло в голову помолиться за него прежде, чем он провел окончательную предполетную проверку груза в Аргентине. Понимаешь, пап, он ведь сейчас один из самых востребованных наших пилотов, он развозит грузы по всему миру».

— Каково сейчас состояние Лии и Ханны? — спросил Бизон. — Я не настолько близко знаком с каждой из них, но Лия способна достать кого угодно. Она все еще неровно дышит к Циону?

— Они сидят тихо, — сказала Хлоя, — и, скажем так, ведут ночной образ жизни. Днем выходить не рискуют. МС в пригородах не очень свирепствует, но стоит кому-нибудь донести на человека без клейма, и одно из наших направлений накроют.

— Я почти ничего не слышал о Зи, — сказал Рэйфорд.

Хлоя покачала головой.

— Зик из всех нас изменился, наверное, сильнее всего. В Западном Висконсине спроса на его услуги практически нет. Не надо шить униформу, не надо изобретать легенды, не надо преобразовать агентов под прикрытием.

— Может, здесь ему найдется лучшее применение? — спросил Рэйфорд.

— Не сейчас, — сказала Хлоя. — Зик вроде как сменил обличье. Он так заинтересовался изучением Библии, что стал фактически помощником духовного лидера местной подпольной церкви.

— Зик — помощник пастора? — удивился Рэйфорд. — Я в шоке!

— Хлоя держит связь с Энохом и некоторыми из его людей, — сказал Бизон.

— Я извинилась за вторжение в их жизнь, поскольку я чувствую себя ответственной за разделение общины отряда Скорби. Но Энох напомнил мне, что, если бы я их не нашла, они так и не узнали бы о надвигающейся опасности. С другой стороны, пап, я понимаю, что, если бы я не болталась без дела по Чикаго среди ночи, вторичной бомбардировки могло бы и не быть.

* * *

Как-то раз утром в Петре всех разбудило сообщение, что кровь во всех морях в мире

вдруг сама собой снова превратилась в соленую воду.

— Господь ничего мне по этому поводу не поведал, — сказал Цион. — Но я опасюсь, что надвигается нечто страшное. И это будет скоро.

Мало что изменилось, разве что Карпати присвоил себе славу восстановления морей. Он заявил:

— Мои люди разработали вещество, которое очистило воду. Растительная и животная жизнь в морях скоро возродится. И поскольку океаны снова очистились, наши прекрасные реки и озера скоро тоже восстановятся.

Естественно, он ошибался, и его наглое хвастовство стоило ему очередной утраты доверия. Просто Господь решил снять проклятие с морей, но озера и реки оставались полны крови.

Незадолго до казни один шведский участник сопротивления заявил:

— Ваш так называемый потентат, ликуя по поводу возрождения моря, забыл, что мировая проблема не решена. Мертвые, разлагающиеся, вонючие туши рыб по-прежнему усеивают берега морей и разносят заразу, которая загнала в глубь материка большинство жителей побережий. И где опреснительные станции, которые превращают соленую воду в питьевую? Мы умираем от жажды, а наш царь жиреет!

* * *

Шестьдесят восьмой месяц времени Скорби

Чань с интересом узнал о незапланированной встрече в конференц-зале Карпати. На самом деле встречу созвал Леон, что очень обозлило Карпати, но Сухайль Акбар, Вив Айвинз и секретарша Николае Кристелл быстро встали на защиту Леона.

— Это по поводу воды, ваше святейшество, — начал Леон. — Вам ведь больше не нужно пропитание, в том числе и вода, так что, возможно, вам неинтересно...

— Слушай сюда, Леон. Вода есть в пище. Ваши люди что, мало жрут?

— Потентат, ситуация критическая. Мы пытаемся добывать воду из моря и перерабатывать ее. Но даже отправлять отсюда танкеры — большая проблема.

— Увы, это правда, — сказал Акбар, — и наши войска по всему свету страдают.

— Я страдаю, — сказала Вив. — Лично я. Иногда я думаю, что умру на месте, если не найду глотка воды.

— Мисс Айвинз, — сказал Карпати, — мы же не позволим администрации Мирового Сообщества прекратить функционировать потому, что вы пить хотите. Вы поняли меня?

— Да, высочайший. Простите мне мой эгоизм. Я не знаю, что это вдруг на меня...

— Короче, вы в этом хоть что-нибудь понимаете?

— Сэр?

— Да в проблеме, которая перед нами стоит! Вы можете придумать что-нибудь, что помогло бы нам принять решение? Вы эксперт в этой области? Ученая? Гидролог? Нечего мотать головой. Я и так знаю ответ. Если у вас нет срочных дел в вашем кабинете, то просто посидите и послушайте и радуйтесь, что вам за это платят.

— Вы желаете, чтобы я ушла?

— Конечно.

Чань услышал, как она отодвигает кресло.

— Ты всего лишь в дальнем родстве со мной, — сказал Николае, — а ведешь себя как дома! Не смей поворачиваться ко мне спиной, когда я с тобой говорю!

— Я думала, вы хотите, чтобы я ушла! — захныкала она.

— Я не цацкаюсь ни с подданными, ни со служащими, ни с родней, ни с друзьями, когда они смеют вести себя с владыкой непочтительно. Ты думаешь, что можешь сидеть на МОЕМ ТРОНЕ в МОЕМ ХРАМЕ!

— Ваше величайшество, я прошу прощения за неучтивость! Я раскаиваюсь, я скорблю...

— Ваше святейшество, — тихо сказал Леон, — это же было больше двух лет назад...

— Ты! — взревел Карпати. — Ты созвал эту встречу, а теперь еще и мне перечишь?

— Нет, сэр. Я прошу прощения, если это могло вам показаться...

— Чем? Ты хочешь отправиться следом за тетушкой Вив в свой кабинет, чтобы заниматься делом, которое тебе было поруче-

но? Ты глава церкви! Что случилось с карпатанством, если ты заботаешься о воде? Где ученые, где технологи, которые могут что-нибудь предложить для решения этой проблемы?

Леон не ответил.

— Мисс Айвинз, вы почему все еще здесь?

— Я... но я думала, что вы...

— Иди! Ради всего...

— Сэр, — начал Сухайль, пытаясь изобразить глас рассудка. — Я перед приходом сюда посоветовался с экспертами...

— Ну, наконец-то! Хоть кто-то пользуется мозгами, которые я вам дал! Что у вас тут?

— Если вы посмотрите вот сюда, ваше святейшество...

Чань услышал шорох бумаги, словно Акбар раскладывал документы.

— Спутниковые снимки показывают наличие источника посреди Петры, который снабжает их водой предположительно со дня бомбардировки.

— Значит, опять возвращаемся к Петре, директор Акбар? К тому самом месту, где напрасно ушли в песок миллионы ников?

— Это было пустым занятием, сэр, но посмотрите, что показывает спутниковый снимок. Похоже, ракета попала в водоносный слой, который выбрасывает ежедневно тысячи галлонов чистой воды. Всякому здравомыслящему человеку понятно, что водоносный слой простирается и за пределы Петры, так почему бы и нашим людям не воспользоваться им?

— А в каком направлении, по их мнению, он тянется?

— На восток.

— И как глубоко он залегает?

— По нынешним данным, сказать невозможно, но если ракета смогла пробиться к водоносному слою в Петре, то уж мы точно сможем пробурить — пусть даже при помощи другой ракеты — скважину к востоку от Петры.

— Ракетой пробить шахту в водоносный слой? Сухайль, а не слишком ли крутые средства для такой работы?

— Прошу прощения, сэр, но две авиабомбы и одна ракета дали воду миллиону наших врагов.

* * *

Мак позвонил Абдулле, чтобы рассказать ему о завершении строительства «прекрасно замаскированной» взлетно-посадочной полосы для нужд взаимопомощи к востоку от Таизза, к северу от Аденского залива в Южном Йемене.

— Альби получил груз, который он хотел бы перекинуть в Петру. Сможешь переправить поставку туда через день-два?

— Я? — спросил Абдулла. — Я сам?

— А я что, тебя за ручку держать должен?

— Нет. Не так. Просто в компании такие дела делать значительно веселее.

— Да, я уж такой весь из себя весельчак, но это должен быть быстрый одиночный рейс, который ты способен выполнить на легком самолете.

— Мистер Уолум оставил тут один «леарджет». Новая полоса может его принять?

— Конечно. Тридцатку или помельче. Кстати, высматривай нас около полудня. Когда, по-твоему, ты сможешь слетать?

— Наверное, сегодня. Если, конечно, к сроку постригусь и сделаю маникюр. Я хотел бы еще и макияж сделать, но...

— Ты что такое несешь?

Абдулла рассмеялся:

— Наконец-то я достал тебя, мистер Мак! Шуток не понимаешь?

— Очень смешно, Смитти.

— Но ведь я достал тебя, ковбой, ага?

* * *

Абдулла выяснял в центре связи погодные условия, когда его окликнула Наоми:

— Мистер Смит, вы не могли бы мне сказать, вы что-нибудь понимаете?

Он быстро подошел к ней.

— Вот что вы скажете? — сказала она.

У Абдуллы в животе похолодело. Осмелится ли он сказать? Осмелится промолчать?

— Это похоже на воздушную атаку.

— Я тоже так подумала! Что делать-то?

— Зови Циона и Хаима. Тревога! Красный уровень!

— Могу я передать им то, что вы сказали?

— Говори, что хочешь, только быстрее!

Она нажала кнопку и заговорила в микрофон.

— Центр связи — руководству.

— Руководство на связи. Доброе утро, Наоми.

— Мне нужны здесь доктор Бен-Иегуда и доктор Розенцвейг. Немедленно. Тревога, объявил мистер Смит.

— Я не стану просить тебя повторить, просто подтверди — ты сказала то, что я услышал?

— Именно так. Тревога.

Абдулла встретил Циона и Хаима у входа. Вместе с ними пришли несколько угрюмых старейшин.

— Абдулла, — сказал Хаим, — красный уровень тревоги объявляется только в случае угрозы всем нам!

— Идите за мной.

Он привел их к Наоми, где они стали полукругом у нее за спиной и уставились в экран.

— Ракета?

— Похоже на то, — сказал Абдулла.

— Направлена на город?

— Нет, но цель где-то близко.

— Откуда?

— Вероятно, из Аммана.

— Время до цели?

— Несколько минут.

— Похоже, цель к востоку от города.

— Там, где они бурили землю?

Абдулла кивнул.

— Они бурят уже несколько недель, — сказал Цион, — и пока мы ничего не видели. Ни нефти, ни воды. А теперь они хотят разбомбить это место? Вроде не в манере Карпати поднимать оружие на своих же, у них и так народу не хватает. У нас осталось время посмотреть? Это благоразумно?

Абдулла посмотрел на экран.

— Я был в эпицентре попадания двух бомб и ракеты два года назад. Я не стал бы опасаться взрыва ракеты как минимум в миле отсюда. У нас есть полевой бинокль на треноге на высотке к северу от Аль-Сика.

— Мне предупредить людей? — спросила Наоми.

Цион задумался на мгновение.

— Просто скажи им, — сказал он, — чтобы они не пугались звука взрыва через... сколько ты там сказал, Абдулла?

— Пятнадцать минут.

— Это не сюрприз для бурильщиков, — сказал Абдулла спустя несколько минут, посмотрев в мощный бинокль

— Они передвинулись, — заявил Цион.

— И изрядно так передвинулись. Больше чем на милю. И бурильное оборудование разобрали. Стало быть, не хотят, чтобы его разнесло ракетой. Видимо, она наведена дистанционно на определенную точку.

Хаим сидел на скале, тяжело дыша.

— Это меня возраст догнал или сегодня особенно жарко?

— Да я тоже сегодня потею больше обычного, друг, — ответил Цион.

Абдулла оторвался от бинокля и прикрыл глаза рукой от солнца.

— Раз уж заметили — гляньте-ка на солнце.

Оно казалось больше, ярче и стоял выше, что должно было бы.

— Сколько сейчас? — спросил Цион.

— Около десяти.

— А прямо как в полдень. Не хочешь ли ты сказать...

Абдулла услышал вдалеке свист. Он посмотрел на север.

Над горизонтом поднялось белое облако.

— Ракета, — сказал он. — В бинокль за ней трудно проследить, но попробуйте.

— Да я невооруженным глазом вижу, — сказал Цион.

— Мне что-то жарко, — заявил Хаим.

Они увидели, как появилась, вращаясь, ракета и начала снижаться. Похоже, она была нацелена на место бурения. Она прошла мимо разобранных бурильных установок, затем вошла в землю в нескольких сотнях ярдов от него, подняв тучу песка и земли и оставив глубокий кратер.

Гул взрыва достиг их через пару секунд, облако начало оседать. Абдулла подкрутил окуляры, чтобы обследовать кратер.

— Не могу представить, чтобы она ушла глубже, чем они уже пробурили, — сказал он. — Как бы то ни было, пока ничего не получилось.

— Забавно, — произнес Цион. — Но я не понимаю, чего они пытались добиться. Если они надеялись добыть воду, то разве в любом случае они не получили бы гейзер крови?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Чань против обыкновения рискнул и со своего рабочего компьютера тайком проследил за усилиями добыть воду при помощи ракеты. Он сидел в наушниках, но не терял бдительности, чтобы кто-нибудь невзначай не прошел мимо.

Николае выругался.

— И сколько стоил этот маленький проект, Сухайль?

— Немало, ваше преосвященство, но не стоит пока считать его провальным.

— Считать? Ракета, которую мы послали в Петру, открыла источник, который функционирует по сей день! Это катастрофа, только идиот не может этого понять!

— Возможно, вы правы.

— Я всегда прав! Все. Ты должен другим способом достать эту воду.

Чань услышал стук и голос Кристелл:

— Прошу прощения, сэр, но мы получили странные донесения.

— Какие такие донесения?

— Тепловая волна. Линии перегружены. Люди...

Чань услышал крики и понял, что они доносятся из его кабинета. И это не служба наблюдения. Он быстро вышел из системы и снял наушники. Вместе со своими сослуживцами бросился к окну и посмотрел наружу.

— Назад! — рявкнул, вылетая из кабинета, мистер Фигейроа. — Прочь от окон!

Но они, как малые дети, не желали слушаться, а хотели посмотреть, что там такое. Что там за взрывы? К счастью для всех, кто сгрудился у того окна, из которого смотрел Чань, оно лопнуло не первым, но двое их сослуживцев — самоуверенный, высокомерный Ларс и одна молодая женщина — были поражены осколками стекла, когда оно лопнуло прямо перед ними.

Пока все лежали, дрожа, на полу, бледные и перепуганные, в комнату хлынул жаркий воздух пустыни. Первая женщина, которая опустилась было на колени помочь раненым, покраснела от жары, и когда она попыталась отойти, ее волосы вдруг закрутились, пошли искрами, вспыхнули и сгорели.

Остальные попытались оттащить двоих первых раненых в безопасное место, но им пришлось спастись от убийственного жара.

— Что это? — завопил кто-то. — Что происходит?

Стоявшие перед Чанем быстро попятись от окна, и он увидел, что творится внизу. Лопались шины машин. Люди выскакивали из них, затем снова пытались забраться внутрь, обжигая руки о дверные ручки. Ветровые стекла плавилась, листва коричневела, затем чернела, затем вспыхивала. Какая-то собака сорвалась с привязи, забежала кругами, затем упала и сгорела.

— В подвал! — заорал Фигейроа. Когда некоторые замялись, все еще не желая оставлять раненых без помощи, он рявкнул: — Их поздно спасать!

Люди на бегу оглядывались назад, и когда они добежали до двери, Ларс и женщина бились в пламени, которое вскоре поглотило их совсем.

Чань выбежал из комнаты одним из последних, поскольку он лишь прикидывался, что жар действует и на него. Он видел последствия, знал, что температура наружи выше нормальной, но убийственная сила жара на него не влияла.

Он был рад, что добежал до лифта в тот самый момент, как двери закрылись.

— Другой вызову, — сказал он и вместо лифта бросился в свою комнату.

* * *

Рэйфорда в Сан-Диего среди ночи разбудили настойчивые сигналы компьютера. Он

вылез из постели и включил монитор. Цион сообщал своей международной интернет-аудитории о том, что свершился суд четвертой чаши, как и предсказывалось в Библии, и что с восходом солнца это почувствуется во всех временных зонах.

— Здесь, в Петре, — писал он, — в десять утра живьем сгорели люди без печати Господа. Мы снова должны молиться о душах этих мужчин и женщин, поскольку миллионы скоро потеряют своих любимых. Но Писание говорит, что это может оказаться слишком поздно, ибо сердца нерешительных уже могут слишком ожесточиться.

В Откровении 16:8—9 говорится: «Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной, и они хулили имя Бога, имеющего власть над сими язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу».

Рэйфорд набрал запрос на приватное общение с Ционом или Хаимом — все равно с кем. «Я знаю, что вы оба сейчас страшно заняты, но если кто-нибудь из вас выкроит минутку для отряда Скорби, я буду весьма благодарен».

* * *

Через три алюминиевых ангарчика от Рэйфорда проснулась от звонка Ри Ву Минь Той. Ри пообещал присматривать за ее ма-

терью, так что, возможно, это были новости от нее, но Минь встревожило, что он звонит ей в такой час. Она успокоилась после обещания Христофора, что и она, и ее мать доживут до Явления во Славе, но ведь это не гарантировало, что мать не проведет эти дни в тюрьме.

— Все в порядке? — сказала она.

— Даже лучше, — ответил Ри. — Хотя я не был так в этом уверен по прибытии. Меня предупредили, чтобы я держался подальше от подпольного убежища, поскольку пошел слух, что эмэсовцы их обнаружили и намереваются устроить облаву. Верующие собирали вещи, чтобы ускользнуть из убежища ночью. Они молились, чтобы МС напали на них позже — как обычно, когда предполагалось, что они будут спать.

Но когда взошло солнце, они поняли, что слышат какой-то шум с улицы. Некоторые осмелились выглянуть наружу и увидели, какие разрушения причиняет солнце. Все горело, высыхало, чернело, плавилось. На улицах не было никого, только там и тут валялись обугленные останки. Верующим ничего не грозит, но вот прихвостням Карпати и эмэсовцам нельзя даже носу высунуть при свете солнца. Подпольщики ушли ясным днем, и если эмэсовцы сунутся в их убежище ночью, их ждет большое разочарование. Верующие ушли недалеко, но там более надежное место.

Многое из того, что они видели по дороге, могло бы показаться забавным, если

бы это не было столь печально. Небольшие отряды эмэсовцев пытались защититься от жара при помощи огнеупорных костюмов, шлемов и обуви. Их хватало ярдов на сто, затем шлемы лопались, а костюмы загорались. По улицам тут и там лежат кучки горящего материала.

— Ты скоро вернешься, Ри? Я страшно скучаю по тебе.

— Я тоже, Минь, и я тебя люблю. Теперь я могу вылетать днем, так что вернусь рано.

— Береги себя, милый, — сказала она.

* * *

Рэйфорд сидел на краю постели, обхватив голову руками, погрузившись в непроглядную тьму подземного убежища. Он устал и понимал, что ему надо больше спать. Но он не мог спать. Эта напасть, вероятно, совершенно не похожая на все предыдущие, давала ему и его отряду уникальные возможности действовать.

Наконец, послышался сигнал. На том конце был Цион.

— Простите, что не включаю видео, — сказал Рэйфорд, — но здесь середина ночи.

— Все в порядке, капитан. Прости, я бы хотел спросить — это совсем частный разговор? Я в техническом центре, нас могут слышать другие.

— Без проблем, Цион. У вас все в порядке?

— Все хорошо. Мы чувствуем несколько избыточную жару и некоторую усталость, но, похоже, мы защищены от воздействия этой напасти.

— Я понимаю, что вы заняты, но мне нужно подтверждение. Вы уверены, что те, кто отмечен печатью Господа, защищены от жара?

— Да.

— Вы понимаете, что это может означать для отряда Скорби, Цион? Днем мы можем делать что хотим! Пока мы защищены от дневного жара, а эмэсовцы не смеют носа наружу показать, они не могут нам ничем помешать!

— Я понимаю. Но я хотел бы напомнить, что неисповедимы пути Господни. Мы знаем последовательность кар Господних, мы привыкли думать, что одна напасть начинается, а другая заканчивается. Но проклятие, павшее на океаны, не закончилось, когда проклятие пало на озера и реки, океаны очистились незадолго до вот этого удара. Я не хотел бы увидеть тебя при свете дня, когда проклятие закончится. Ты будешь слишком уязвим.

— Намек понят. Мне бы хотелось думать, что проклятие продлится достаточно долго, чтобы дать нам кое-какой простор для действий. Я никогда не видел мир в худшем состоянии, никогда не видел большего количества людей, нуждающихся в помощи.

— Ох, Рэйфорд, мир — отстрелянная обойма. Даже до того, как Господь обрушил на нас эту кару, мир уже был невообразимо

разрушен. Я вообще диву даюсь, почему Господь медлит до исхода этих семи лет. Ведь правда — что осталось-то? Свирепствует нищета. Закон и правосудие не существуют. Даже те, кто был верен Мировому Сообществу, утратили веру в своего владыку и его миротворцев. Блюстители нравственности продажны. Люди, которых ноги кормят, боятся выйти на улицу без оружия.

Кэмерон рассказывает, что не знает ни одного обычного гражданина, который ходил бы без оружия. На Земле не осталось ни одного места, где бы не было банд воров, насильников и грабителей, не говоря уже о вандалах и террористах. Лучшее, что есть на свете, — сто сорок четыре тысячи провозвестников Слова Господня и усиление деятельности ангелов, которую позволил Господь в милости Своей.

Вспомни, Рэйфорд, сейчас на Земле три категории людей — те, кто отмечен печатью Господа, те, кто носит клеймо Антихриста, и те, кто никак не может решить, чью сторону принять. Последних все меньше и меньше, но мы обязаны до них достучаться. Они и сейчас страдают, но как же они будут страдать с каждым восходом солнца! Представь беспорядки, опустошение, нехватку энергии, перегрузку систем кондиционирования, сбои. И это при том, что половина населения уже уничтожена!

Мы стоим на пороге разгула анархии, друг мой. Эмэсовцы не боятся крутых мер, потому что они-то процветают. Я думаю, что

вряд ли сейчас хоть один человек остался верен Карпати. Смотри, что он натворил.

— Доктор Бен-Иегуда, а как это сочетается с вашими утверждениями, что эти кары столь же свидетельствуют о Божьем милосердии, сколь и о Его гневе? Ангел, который вострубил, и воды обратились в кровь, объявил, что это — в отмщение за кровь пророков.

— Господь справедлив и свят, Рэйфорд, но я не верю, что Он послал бы миру новое проклятие, если бы не ратовал за души тех, кто раскаивается. Несомненно, такие будут. Я знаю, что большинство на это не решается, поскольку Писание говорит о том, что они будут хулить имя Господне. Очевидно, не все понимают, что эти кары — от Господа, и все же многие отказываются раскаиваться в грехах.

— Я согласен с вами, Цион. Вряд ли кто-то может отрицать теперь существование Бога. Свидетельства Его существования и могущества просто огромны, и все же многие отворачиваются от Него. Почему?

— Капитан Стил, это вековой вопрос. Помнишь ветхозаветное предание о том, как Моисей был воспитан дочерью фараона, но отказался называться ее сыном, отрекшись от всего, что мог бы иметь? Библия говорит, что он предпочел страдать вместе с народом Божьим, чем наслаждаться сладостями греха хотя бы краткое время.

А из этих людей никто не Моисей. Они будут страдать, погубят свои души за краткую сладость греха — и какую краткую! Я прекло-

няюсь перед твоей мыслью о том, что, возможно, настало время отряду Скорби удвоить свои усилия, чтобы найти оставшихся нерешительных и помочь проповедникам и ангелам обратить их прежде, чем станет совсем поздно. Я желаю вам удачи, что бы ты ни решил.

* * *

Бизон торопился к подземному жилищу Джорджа Себастиана. Жена Джорджа играла на полу с его сынишкой.

— Мне надо выйти и самому посмотреть, — сказал Бизон.

— Осторожнее с радаром, — сказал Себастиан. — Эмэсовцы просто офигеют, заметив кого-то в воздухе среди дня.

— Что посоветуешь?

— Вертолет.

— Поведешь, Джордж?

— Мог бы и не спрашивать.

Бизону приходилось видеть пар над водозаборниками холодным утром, но чтобы весь Тихий океан парил, насколько хватало взгляда, такого не бывало.

— Не верю глазам своим! — воскликнул он.

— Теперь я всему могу поверить, — ответил Джордж.

Бизон потерял дар речи, увидев, как по всему бывшему Сан-Диего полыхают пожа-

ры. Чем ближе к полудню, тем ярче становилось небо. Дома теперь загорались не постепенно — сначала дымясь, а затем вспыхивая огнем. Они просто мерцали и дрожали, окна вылетали, крыши закручивались, затем все строение взрывалось и обрушивалось в ис-крах и пламени.

Джордж шел над океаном. Бизон видел, как меняется цвет песка перед тем, как на нем ковром вспыхивало пламя. Кипящие волны шипели на раскаленном берегу. Внезапно весь океан достиг точки кипения и превратился в гигантский бурлящий котел, выпускавший пар, который заслонял от Бизона небо и солнце. Вертолет погрузился в такую густую белизну, что Бизон испугался, что Себастиан потеряет управление.

— Я все держу под контролем, дружище, — ответил Джордж.

Вертолет по дороге к берегу подбрасывало и мотало в парах этого бульона. Лишь через полмили от океана они смогли выйти из облаков пара и увидели горящую траву.

— Какова температура кипения крови? — спросил Бизон.

— Понятия не имею, — ответил Джордж, но немедленно сделал вираж и пошел к реке Сан-Диего.

— Какая бы она ни была, — сказал Бизон, — она уже достигнута.

Он открыл рот и ахнул, глядя, как на поверхности вспухают и лопаются алые пузыри, рассыпая мелкие брызги, поднимающиеся вверх вместе с паром.

— Брр! — Он скривился и зажал нос. — Уходим отсюда.

Отряд Скорби мог действовать как хотел, правда, приходилось тщательно планировать полеты в разные временные пояса, чтобы оставаться при свете дня как можно дольше. Силы Мирового Сообщества и граждане с клеймом верности могли днем находиться только под землей, изобретая способы, чтобы хоть как-то справиться с удушающей жарой. И все равно сотни тысяч их погибли в развалинах собственных горящих домов. Большинство домов сгорело, поскольку пожарные не осмеливались высовываться на улицу до темноты.

Погибли сады, посевы, трава. Полярные ледяные шапки таяли быстро, как никогда в истории, всем прибрежным городам угрожали цунами. Берега и побережья ушли под воду, останки мертвых морских животных отнесло на много миль на сушу. Если бы в свое время люди не ушли от моря, подальше от смрада и заразы, сейчас очень многие погибли бы.

Посреди всего этого хаоса и горестей Рэйфорду и Хлое приходилось еще усерднее трудиться, чтобы перенаправлять запасы продовольствия и товаров по каналам взаимопомощи.

Понимая, что их время на исходе, они пользовались выпавшим им преимуществом. Они вместе с Чанем разрабатывали стратегию для отправки оборудования и самолетов и создания новых хранилищ воды и центров распределения, готовясь к последнему году существования израненной планеты.

* * *

В Новом Вавилоне Карпати лично заявил, что жара его не заботит. Чань подслушал, как люди из техобеспечения несколько раз спрашивали его, не надо ли зашторить окна на третьем этаже его офиса в пентхаусе. Там даже потолок был прозрачный. Свет солнца проходил через стекло, усиливаясь, как в линзе, и в течение долгих дневных часов выжигал его кабинет. Весь этаж был просто непригоден для обитания. Кристелл переехала глубоко в подземелье под зданием Д, и ей приходилось постоянно быть на связи с боссом. Невозможно было проводить какие-либо встречи в кабинете Карпати или конференц-зале, но сам он большую часть дня проводил именно там, раздавая приказы по телефону или громкой связи.

Чиновники на самых нижних этажах сначала заменили стекла в окнах, потом заклеили их и закрасили черной краской, и большая часть кабинетов прочих служащих переехала вниз, в обширную подземную часть. Отдел Чаня работал только по ночам, так что он часто мог слышать, как Николае напевает или мычит себе под нос, работая у себя в кабинете весь день напролет.

— Я позагораю на дворе, пока смертные едят, — сказал он Кристелл как-то в полдень.

Чань приткнулся к угловому окну, где он процарапал маленькую дырочку в покрытии. Он в ужасе увидел, как потентат разделся до майки и разлегся на бетонной скамье, заки-

нув руки за голову, купаясь в убийственных солнечных лучах.

Через час, когда пламя лизнуло бетон, Карпати вдруг словно бы что-то вспомнил и вытащил телефон из кармана. Чань бросился к себе и услышал, как Николае сказал Леону, что он идет во временный подземный кабинет Фортунато.

Чуть позже Чань записал звонок Леона Сухайлю.

— Я говорю тебе — он не человек! Он был снаружи, загорал!

— Леон...

— Это правда! Было так жарко, что я не мог стоять в двадцати футах от него! У него подметки дымились! В волосах бежали искры, они выцвели добела — даже брови! Воротник, манжеты и галстук обуглились, словно их прижгли утюгом, а пуговицы на его рубашке и брюках расплавились! Это бог, он не знает страданий! Он словно бы наслаждается всем этим!

Как-то раз Чань услышал, как Карпати звонит в техническую службу.

— Я бы хотел, чтобы для меня установили телескоп и направили прямо в точку, где в полдень будет находиться солнце.

— Это можно, ваше высочайшество, — последовал ответ. — Но я могу это сделать только после наступления темноты.

— А он сможет записывать?

— Конечно, сэр. Что бы вы хотели записать?

— Я бы хотел увидеть, не увеличилось ли солнце в размерах и не видны ли протуберанцы на нем.

В ту же ночь инструмент был установлен и настроен, и на следующий день Чань увидел, как Карпати в полдень поспешил наружу. Он действительно смотрел на солнце в течение нескольких минут. Через час линзы начали плавиться, и весь телескоп перекрутился и потек под убийственным жаром солнца.

Тем же вечером техник позвонил Карпати и сообщил, что диск памяти тоже расплавился.

— Ладно. Я увидел то, что хотел.

— Сэр?

— Это был хороший инструмент. Я увидел изображение полуденного солнца ясно, как на ладони, и протуберанцы действительно плясали на его поверхности.

Техник рассмеялся.

— Тебе это кажется забавным? — спросил Карпати.

— Но вы ведь шутите, сэр?

— Нет.

— Сэр, простите, но у вас бы глаза выкипели. Да у вас даже мозги бы спеклись.

— Ты соображаешь, с кем говоришь?

Чаня мороз пробрал от тона Карпати.

— Да, сэр, потентат, — дрожащим голосом сказал техник.

— Солнце, луна и звезды склоняются предо мной.

— Да, сэр.

— Понял?

— Да, сэр.

— Ты сомневаешься в моих словах?

— Нет, сэр. Простите меня.

* * *

Спустя семнадцать недель

Однажды вечером Чань от нечего делать мониторил различные этажи, проверяя температурные показания, когда вдруг понял, что суд Третьей чаши окончился. Он позвонил Фигейроа.

— Вам надо на это посмотреть.

Аурелио вылетел из своего кабинета и встал за спиной Чаня.

— Посмотрите на эти показатели.

— Кипящая вода переполнила реку Чикаго, — спокойно прочел его босс. — Перегрев и радиационное заражение. Разве это новости?

— Вы пропустили, шеф.

— Говори.

— В сообщении не говорится о крови. Речь идет о воде.

Фигейроа, дрожа, схватил трубку телефона Чаня и позвонил Акбару.

— Догадайся, что я обнаружил?

* * *

— Водные источники со временем очистятся сами, — докладывал Сухайль Акбар Карпати на другой день. Чань слушал.

«Возможно, — подумал он. — Если бы у нас впереди были десятки лет».

Похоже было, что Карпати не особо волнует ситуация с водой и жара, поскольку лично на него это не действовало. Большую часть времени он обдумывал свои неудачи с решением «еврейского вопроса», особенно в Израиле. Во многих других странах преследования имели определенный успех. Но те из ста сорока четырех тысяч проповедников, что направились в Святые Земли, невероятно успешно обращали нерешительных. И каким-то образом они избегали слежки. Только Карпати с Акбаром решили было, что разработали план по очищению региона от мессианских евреев, как обрушилась эта напасть с жарой, и силы МС оказались беспомощны.

Теперь, хотя Карпати редко днем виделся с Сухайлем Акбаром лично, они постоянно держали связь. Чань был изумлен, узнав, сколько еще мощного оружия находится в распоряжении сил Мирового Сообщества после всех потерь в ходе безрезультатных нападений на иегудаитов.

Африканские Соединенные Штаты угрожали выйти из Мирового Сообщества из-за того, что Карпати сделал с их правящей элитой, в то время как группа мятежников в самом дворце вела интриги, чтобы захватить власть в Африке после смещения лишнего гражданского правительства.

— Сухайль, — однажды записал Чань звонок с телефона Карпати, — все эти напасти проходят в свой срок. Эта тоже однажды кончится. И когда это произойдет, нам, наверное, пора будет задействовать половину нашего вооружения и оборудования, кото-

рое есть у нас в резерве. Ты не мог бы проверить, остался ли в сохранности уровень секретности этих складов?

— Насколько я знаю, величайший, да.

— Когда солнечная напасть окончится, директор, и ты снова сможешь выдерживать солнечный свет, мы должны подготовиться к самой массивной атаке за всю историю человечества. Я вовсе не отказался от рейда на Петру, но мне нужны все евреи, где бы они ни были. Из Израиля, особенно из Иерусалима. И наши сопливые приятели из Африки не смогут меня отвлечь или переубедить. Сухайль, если ты желаешь угодить мне, поразить меня, даже сделать себя необходимым для меня — займись этим. Разработай план, стратегию, задействуй ресурсы так, чтобы все великие военные стратегии в истории покраснели от позора. Я хочу, чтобы ты поразил меня, Сухайль, и я говорю тебе — в твоём распоряжении неограниченные ресурсы, как военные, так и финансовые.

— Благодарю вас, сэр. Я не подведу вас.

— Ты понял, Сухайль? Не-ог-ра-ни-чен-ны-е.

* * *

Шестой год Скорбей

Чань проснулся на заре, как обычно, но сразу же понял, что что-то изменилось. Солнечный жар не действовал на него, но раз-

ницу температуры и влажности он ощущал. Нынешним утром воздух был другим.

Он бросился к компьютеру и посмотрел погоду.

«Оххх. Шоу закончилось».

Температура в Новом Вавилоне была нормальной.

Чань поел, принял душ, оделся и вышел. Весь дворец гудел. Окна были распахнуты. Люди сновали повсюду. Он даже замечал улыбки, хотя сильно уменьшившиеся в числе служащие были страшно измучены работой, недоедали, их лица были болезненно бледны.

Начальство объявило, что обед будет накрыт снаружи, как пикник. Так что до обеда народ был в ожидании и мало занимался работой. Настроение было радостным, еда обильна. Многие украдкой поглядывали на Карпати, который расхаживал вокруг с таким видом, словно заключил договор на очередной срок жизни.

Чань после работы быстро вернулся к себе, сгорая нетерпением посмотреть, как идут дела в других частях света. Отряд Скорби задраил люки и залег на грунте. Они снова ушли в подполье, вернувшись к ночному образу жизни.

Карпати не ведал усталости и требовал того же от остальных. Он созвал очередную встречу на высшем уровне с начальством, которое большую часть дня потратило на возвращение в прежние кабинеты. Была приглашена даже Вив Айвинз. Судя по тому, что услышал Чань, ее полностью простили.

— В первый раз за долгое время, — сказал Николае, — мы играем белыми. Водные источники со временем исцелятся, нам придется восстанавливать инфраструктуру. Давайте же начнем с того, чтобы верные нам граждане снова встали в одном строю с нами. А вот для всяких инакомыслящих на всех уровнях у нас с директором Акбаром припасены специальные сюрпризы. Мы возвращаемся к работе. Пора залечить раны и начать наносить их нашим врагам.

* * *

Радостное настроение продержалось три дня. Затем пришел конец света. В буквальном смысле. Померкло все. Не только солнце, но и луна, и звезды, уличные фонари, электрический свет, фары. Все, что прежде испускало свет, теперь было темным. Клавиатуры, телефоны, карманные фонари. Не осталось ничего, светящегося в темноте. Указатели аварийного выхода, кнопки тревоги и пожарной сирены — все. Абсолютная темнота.

Теперь поговорка «собственной руки не разглядеть» стала буквальной. Все равно, какой был час, — люди ничего не видели. Ни часов, ни будильников, ни огня, ни спичек, ни газовых духовок, электрогрилей. Свет не просто исчез — впечатление было такое, что самому его существованию больше не было места во вселенной.

Люди кричали от ужаса, окруженные самыми страшными кошмарами своей жизни, а им было из чего выбирать.

Они ослепли — полностью, абсолютно, совершенно, окончательно утратили способность видеть что-либо, кроме полнейшей темноты двадцать четыре часа в сутки.

Они ощупью бродили по дворцу, выбирались наружу. Они пытались нажимать каждый выключатель, на какой только натыкались или вспоминали, где он находится. Они звали друг друга, чтобы понять, у них ли одних такая беда, или накрыло всех. Найти свечку! Потереть две палочки! Пошаркать по ковру, чтобы увидеть искры статического электричества! Хоть что-то сделать! Хоть что-то, чтобы получить хоть какой-то намек на свет.

Все напрасно.

Чаня так и тянуло расхохотаться. Завыть в голос. Рассказать всем и везде, что Господь снова обрушил проклятие на землю, которое поразило только тех, кто отмечен клеймом Зверя. Чань — видел. Это было не так, как прежде. Он тоже не видел света. Он просто видел все как бы в сером цвете, словно кто-то приглушил свет люстры.

Он видел то, что ему было нужно, включая свой компьютер, экран, часы и комнату. Еду, раковину, микроволновку — все. Более того, он мог передвигаться по дворцу на цыпочках, обходя нащупывающих себе дорогу сослуживцев.

Не прошло и нескольких часов, как случилось кое-что еще более странное. Люди

не умирали от голода или жажды. Вот к еде и питью они как-то находили путь. Но работать они не могли. Все разговоры были только об этой проклятой темноте. А еще они начали ощущать боль.

Зуд. Люди чесались. Расчесы начинали гореть, люди чесались еще сильнее, вопя от боли. Для некоторых боль была настолько нестерпимой, что они падали на четвереньки, ощупывая вокруг себя пол, чтобы случайно не упасть в лестничный пролет или шахту, затем валились на пол и лежали там, корчась и скребясь.

Чем дольше это тянулось, тем хуже становилось, люди начали проклинать Бога и кусать свой язык. Они ползали по коридорам, искали оружие, умоляли друзей или даже первых встречных прикончить их. Многие покончили с собой. Весь дворцовый комплекс превратился в психушку, полную воплей, стонов, утробного воя. Люди были уверены, что это — конец мира.

Но это было, увы, не так. Если им хватало средств и выдержки обходиться своими силами, они просто страдали. И страдания усиливались с каждым часом. С каждым днем. Это все продолжалось и продолжалось. И в самый разгар всего этого Чаню пришла в голову самая блестящая идея во всей его жизни.

Сейчас самое лучшее время для его побега. Надо связаться с Рэйфордом или Маком, с любым, кто готов и может сейчас забрать его. Все остальные члены отряда Скорби — да и все верующие в мире с печатью Господа

на челе — сейчас пользуются теми же преимуществами, что и он.

Кто-то наверняка сможет пригнать сюда самолет и посадить его прямо тут, в Новом Вавилоне, а эмэсовцы побегут прятаться, не понимая, кто способен сделать такое в полной темноте. Пока они будут молчать, никого из них не смогут опознать. У отряда есть реквизированное оружие и самолеты, все, что им нужно.

Если кто-нибудь заговорит с ними или попытается напасть, то у отряда Скорби есть огромное преимущество — они могут видеть. Они могут всыпать всем и каждому. Чань подумал, что за год до Явления во Славе хорошие парни наконец-то получили даже большее преимущество, чем в те дни, когда светлые часы принадлежали исключительно им.

Сейчас, пока Господь медлит, пока Он считает нужным выключить свет, все работало на руку верующим.

— Господи, — сказал Чань, — дай мне еще пару таких дней, и большего не прошу.

ЭПИЛОГ

Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания, и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих.

Откровение 16:10—11

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.Christian WritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книгопродавцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арапата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

АРМАГЕДДОН

ОДИННАДЦАТЫЙ РОМАН
ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

В одиннадцатой книге серии «LEFT BEHIND®» — «Армагеддон» — отряд Скорби собирается на Ближнем Востоке в преддверии самой грандиозной битвы в истории человечества. В последний год перед Армагеддоном все секретные убежища верующих перестали быть безопасными, ибо политика Николае Карпати поощряет предательство и доносы.

Тем временем над всеми членами отряда Скорби нависла серьезная опасность и неизвестно, кому из них удастся пережить Армагеддон.

Заказать книгу «АРМАГЕДДОН» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ОСТАТОК

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Перевод *Н. Некрасовой*
Консультант *А. Коньхова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Немцева*

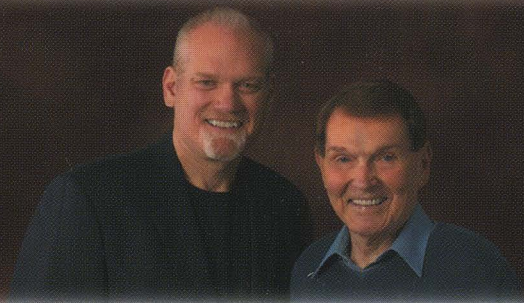
Подписано в печать 17.02.12 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 16,35.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт"
Logotipas Company
www.baltoprint.ru

ОСТАТОК — десятый роман серии «LEFT BEHIND®».

Люди, бежавшие из Иерусалима, собираются в древнем городе Петра, надеясь укрыться от гнева Николая Карпати, который приказывает начать атаку на последнее убежище верующих. Период правления Антихриста заканчивается, и события саги стремительно приближаются к главному сражению Апокалипсиса.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0478-0

9 785422 404780

www.Leftbehind.ru